МАКSИМ

Это же я...

О самых сложных периодах своей жизни, безбашенных поступках, ярких днях и самых темных ночах

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Девушка с мужским именем Максим появилась на нашей эстраде 10 лет назад, и с тех пор на каждом ее концерте полный аншлаг, ее песни становятся хитами, а в ее коллекции – все возможные российские музыкальные награды, но сама Максим до сих пор остается для многих загадкой. Представляем вашему вниманию первый откровенный рассказ певицы о своем детстве, пути к успеху, любви и расставании, семье и друзьях, работе и отдыхе. Откровенно и с юмором она повествует о самых сложных периодах своей жизни, о самых безбашенных поступках, самых ярких днях и самых темных ночах. А особо внимательный читатель найдет в книге несколько бесценных советов на все случаи жизни: например, как приручить уличную крысу, как сбежать из дома, просочившись сквозь оконную решетку, как покорить Москву, имея в активе только аудиокассеты и банку с вареньем, а также как водить машину, не зная, где у нее находится тормоз.

- МакSим
  -
  - Глава 1. Целый мир самой маленькой страницы
  - Глава 2. Трудный возраст
  - Глава 3. Перевернуть планету вверх дном
  - Глава 4. Научусь летать с тобой на небо
  - Глава 5. Разные дороги
  - Глава 6. Я стала свободней
  - Эпилог. Наверное, это мой рай
  - Вкладка

МакSим
Это же я…

© Максимова М., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Глава 1. Целый мир самой маленькой страницы

«Принимайте, мамаша, девочка у вас! Хорошенькая, маленькая, прямо куколка!» – акушерка ласково улыбалась, держа в руках крошечный сверток. Там сопела будущая певица Максим, полметра ростом и весом три килограмма. «Очень славная девочка.

– Не быть ей пианисткой», – сказала вдруг акушерка. «С чего вы взяли?» – удивилась мама. Вместо ответа акушерка развернула байковое одеялко, вытаскивая на свет крохотную ручку. На ней было… шесть пальцев. Там, где природой задуман большой, у новорожденной Марины их оказалось целых два.

> Там сопела будущая певица Максим, полметра ростом и весом три килограмма.

Так (или примерно так, подробностей, разумеется, не помню) началась моя жизнь. О судьбоносном разговоре мамы и акушерки напоминает шрам на правой руке – лишний палец ликвидировали, когда мне было шесть месяцев. Тайну этого шрама вся семья хранила пять лет, старательно избегая разговоров о моей врожденной аномалии. Я была девочкой общительной, могла расценить шестой палец как дополнительный козырь и рассказать эту историю всему двору. А дети – народ безжалостный, мама боялась, что меня могут поднять на смех. Интернета тогда еще не было, и никто не знал, что это чудо не такое уж редкое, и с такими же аномалиями родились многие, среди них Мэрилин Монро, Опра Уинфри и Халле Бэрри. Неплохая, кстати, компания. В общем, до пяти лет я росла в неведении, но тайное всегда становится явным, и одна сердобольная родственница все-таки рассказала мне о том, что я – необычный человек. И диалог в роддоме между мамой и акушеркой пересказала во всех подробностях. «Ну да, не будешь ты на пианино играть, что уж тут такого?» Услышав эту фразу, я немедленно взвилась под потолок от негодования: «Что?! Как это так?! Это я не буду играть? А ну-ка, ведите меня немедленно в музыкальную школу! Я вам всем докажу, что я лучший пианист на Земле!» Этого негодования хватило на все семь лет обучения в школе, хотя я не могу сказать, что очень любила туда ходить. А потом, уже через много лет, вспоминая историю с лишним пальцем, я вдруг четко увидела всплывшую откуда-то из глубин

памяти картинку – как я лежу в детской кроватке, разглядываю свои ручки, и маленький дополнительный палец смешно шевелится вместе с остальными. Иногда я даже думаю: «А может, и зря его убрали? Вдруг я стала бы гениальным пианистом – с такими-то дополнительными возможностями!»

> «Что?! Как это так?!
>
> Это я не буду играть? А ну-ка, ведите меня немедленно в музыкальную школу! Я вам всем докажу, что я лучший пианист на Земле!»

Мое счастье, что на детях раны и ссадины заживают практически бесследно. Иначе неугомонная Марина была бы вся покрыта шрамами с ног до головы, как пират. На месте сидеть я категорически не могла и гордо несла по жизни звание «человек-авария». Мама сетовала на то, что инстинкт самосохранения во мне просто не заложен. Особенно это было заметно по сравнению с моим старшим братом Максимом, на которого не могли нарадоваться все взрослые в округе. «Ой, ну какой же замечательный мальчик! Послушный! Усидчивый! Прилежный!» – восхищались родственники, гладя Максима по голове. А в это время на заднем плане Марина свешивалась с очередной березы на высоте трехэтажного дома. До сих пор не могу без смеха смотреть на одну старую фотографию. Дело происходило во время татарского праздника Сабантуй (в Казани, где я жила, он всегда отмечался громко, весело, с конкурсами и соревнованиями). И вот на этом снимке вся моя семья стоит под каким-то канатом, уходящим в небо, и смотрит вверх, где болтаюсь крошечная трехлетняя я. Говорят, что я рванула на канат и вскарабкалась по нему ввысь с такой скоростью, что никто из родных не успел среагировать и перехватить меня. И вот я там качаюсь наверху, а они стоят внизу и раздумывают, как им теперь меня поймать, когда я буду падать. В этом была вся я. Когда я бежала по дороге, обязательно спотыкалась и падала, да так, что кто-нибудь рядом принимался голосить: «Ой, господи, ребенок убился!» А я вставала, отряхивалась, с любопытством смотрела на кровь, бегущую из разбитой коленки, и бежала дальше.

> На месте сидеть я категорически не могла и гордо несла по жизни звание «человек-авария».

Увы, не все падения заканчивались безобидно. Шрам, который я заработала в три года, до сих пор украшает мой лоб и стал уже своего рода визитной карточкой. Хотелось бы рассказать

вам героическую историю о том, как я заработала его, спасая мир, но, увы, все было гораздо более прозаично. Я скакала на коне. На игрушечном, разумеется. А чтобы было удобнее скакать, водрузила коня на кровать. Рядом сидел мой старший брат и изо всех сил делал вид, что следит за мной в оба глаза, как и было поручено. На самом деле он увлеченно смотрел «Спокойной ночи, малыши», но об этом знать никому не полагалось. А я скакала. Ну и доскакалась – упала и с кровати и одновременно с коня. Лбом прямо об угол стола. Он у нас был роскошный – мамин папа делал его сам, как и всю мебель в нашей квартире. Резной, тяжелый, с острым краем. На край я и насадилась лбом со всего размаху. Очнулась на полу. Мама, прибежав в комнату и увидев, как из моей головы хлещет кровь, опустилась на стул и потеряла дар речи. Брат заголосил от ужаса. А у меня были только такие мысли: «Где бы немедленно раздобыть зеркало и глянуть на себя? Ну интересно же, что у меня там такое и чего они так испугались». Зеркало мне в результате дали, и я была впечатлена: «Вау, прямо как в фильме ужасов, столько кровищи!» Мама в это время уже бежала к соседям, умоляя помочь. И сосед, прямо как был в носках, помчался на улицу по сугробам к ближайшему таксофону вызывать «Скорую» – домашний телефон тогда считался роскошью. В общем, доставили меня в больницу, рану наспех зашили, и память об этом событии теперь со мной на всю жизнь.

Мои мама и папа с детства жили в одном дворе и с первого класса сидели за одной партой. Их семьи были примерно одного достатка, точнее, я бы сказала, «недостатка», как и большинство семей того времени. Окончив школу, папа ушел в армию, мама, как и положено, его ждала и писала письма, а как только он вернулся – они сразу поженились. Через год на свет появился мой старший брат Максим, а спустя три года – я. Папа ремонтировал машины, это была его страсть и заработок. Днями напролет он проводил в гаражах, а вечерами с приятелями разгуливал по дворам и пел песни. Такой был развеселый парень, душа компании, красавец – голубоглазый длинноволосый кудрявый блондин, всегда с гитарой, всегда в окружении плотного кольца поклонниц и закадычных приятелей. Даже на фотографиях того времени отчетливо видно, каким магнетизмом он обладал, каким был обаятельным и как к нему тянулись люди. Мама терпеливо ждала его. Типичная картина тех лет: мама сидит дома, у раскрытого окна на первом этаже, держит на руках, слегка покачивая, маленькую меня, а рядом у ее ног возится Максим, перебирая кубики на полу. Мимо окна проходят бабушки и ласково, но ехидно глядя ей в глаза, говорят, по-деревенски

коверкая слова: «Ну что? Ты все качаШь? А твой-то в соседнем дворе «Мурку» играТ». Мама грустно улыбалась в ответ. А что ей еще оставалось? Запереть папу дома она не могла, бросить все и уйти – тоже, другой любви у нее не было с первого класса. Оставалось одно – терпеливо ждать. Иногда папа все-таки находил время для того, чтобы поиграть с нами. И это было незабываемо, каждый раз – праздник. Перед глазами до сих пор картинка, как мы с Максом цепляемся за его ноги – я за одну, он за другую – и папа расхаживает по всей квартире с двумя такими «гирьками» на ногах.

В тот день, когда мне исполнилось семь лет, папу вдруг будто подменили. Я помню, как он подошел ко мне, сел рядом на корточки и очень серьезно сказал, что принял важное решение – отныне он будет приходить домой исключительно вовремя и уделять нам с братом все время, которое у него есть. После этих слов папа вручил мне большую куклу. Подарку я удивилась и обрадовалась – до этого момента он меня нечасто баловал, но на слова особого внимания не обратила. Ну да, думаю, ладно, посмотрим. Но с того дня жизнь нашей семьи действительно коренным образом изменилась. Папа слово держал железно. Он порвал со своей прошлой разгульной жизнью в одну секунду. Наверное, насмотрелся на то, как друзья один за одним теряют все, что у них было: работу, семьи, детей, любовь, счастье, будущее, а кое-кто – даже собственную жизнь. Папа стоял на распутье, ему надо было решить: он идет за своими друзьями и теряет все или остается с нами. Он выбрал семью. Это был по-настоящему знаменательный день. Чтобы как-то запечатлеть его в веках, отец объявил: «Мы идем в фотосалон». Я со всех ног кинулась прихорашиваться. Критически оглядела себя в зеркале и поняла – так дело не пойдет. Челка моя не выдерживает никакой критики! «Дай-ка я ее подровняю!» – сказала я сама себе, взяла ножницы и решительно отстригла лишнее. Ну и сами понимаете, что после этой манипуляции я мгновенно стала такой «красоткой» – не передать словами! До сих пор у нас есть эта фотография, где мы всей семьей уставились в объектив, но просто так я на нее смотреть не могу: косая и кривая челка вызывает приступы гомерического хохота.

Папа стоял на распутье, ему надо было решить: он идет за своими друзьями и теряет все или остается с нами. Он выбрал семью.

Первое время папе приходилось нелегко – в один день он потерял весь свой круг общения, весь прежний смысл существования. Но он очень любил маму и нас и не поддавался

ни на какие искушения, ни на какие уговоры бывших приятелей – мол, образумься, вернись к нам. Папа был кремень. Сказал – как отрезал. Он вообще человек железный. Меня в свое время поразило, как резко он бросил курить. В сорок пять лет сказал сам себе: «Все!» И с тех пор с сигаретой я его не видела.

Мама работала воспитательницей в детском саду, и я росла, как сын полка, бегая из группы в группу, все время в гуще детсадовских событий. Я принимала участие решительно во всех мероприятиях, присутствовала на всех репетициях утренников. Меня можно было легко ввести в любой спектакль, и, если вдруг обнаруживалось, что сегодня выступление, а Вася или Маша заболели, воспитатели знали, что делать. Текст я знала всегда назубок, и мне было решительно все равно, кого играть: Буратино или Папу Карло, Машеньку или Медведя. Я была не из тех маленьких актрис, которые непременно хотели играть снежинок или принцесс. Мне было до лампочки: хлопушкой быть, петрушкой или Карлсоном. Юбки я вообще старалась не носить, неудобная это была одежда, непонятная – ни побегать, ни попрыгать. В общем, в саду мне было отлично.

Кроме папы и мамы с нами еще жила бабушка. А вообще семья была не просто большая – огромная. Только у папы насчитывалось десять братьев и сестер, а поскольку он был младшим, то ко времени моего появления на свет кузенов и кузин у меня имелось хоть отбавляй. Хоть и жили мы в столице Татарстана, семья была православная, традиции чтили, по воскресеньям надевали самое красивое и шли в церковь, а когда возвращались, на стол ставились пироги, которые бабушка с утра уже успевала напечь. Днем обязательно приходили гости, и стол к их появлению просто ломился, хотя жили мы, прямо сказать, небогато. Но традиция есть традиция – гостя надо накормить как следует. Чем старше я становилась, тем активнее меня привлекали к хозяйству. Я, конечно, особо не рвалась пол подметать или готовить, но, поскольку росла в Татарстане, а там любая девочка умеет и дом держать, и пироги печь, кое-какие навыки волей-неволей приобрела. Пельмени лепили всей семьей – сядем вокруг стола и за разговорами потихоньку сотню-другую в морозилку отправим. Брат в допотопной мясорубке прокручивал домашнюю лапшу. И так это вошло у меня в привычку, что до сих пор и выпечка, и пельмени у нас дома – самодельные.

Пельмени лепили всей семьей – сядем вокруг стола и за разговорами потихоньку сотню-другую в морозилку отправим.

В общем, семья была большая, но беспрекословно слушалась я только одного человека – старшего брата. Когда я родилась, Максиму было три года, и ему сразу объявили, что он отныне для меня самый главный человек на Земле, что меня надо защищать и оберегать. Он проникся этой мыслью. В результате получился просто образцово-показательный брат, такие только в книжках бывают. Он со мной целыми днями возился, играл, гулял, кормил меня с ложечки. Иногда казалось, что возня с младшей, совершенно неразумной еще сестрой доставляла ему большее удовольствие, чем беготня по улицам, которой увлекались поголовно все жители Казани дошкольного и младшего школьного возраста. А как он меня защищал! У нас во дворе жила одна добрейшая женщина-лифтер. Ей очень нравилась маленькая я, и каждый раз, видя, как Макс выкатывает меня в коляске гулять во двор, она хитро улыбалась и приговаривала: «Ох, какая сестренка у тебя хорошая, украду я ее когда-нибудь!» Макс таких шуток не понимал и с каждым разом все больше напрягался. И вот однажды, когда Макс гулял во дворе один, а я осталась дома, он увидел лифтершу, входящую с улицы в наш подъезд. У нас сломался лифт, и она отправилась его чинить, но Макс об этом не знал и заподозрил неладное… Как стрела понесся следом за ней, догнал и закричал: «Ты!» Мокрый был весь, дышал тяжело и явно пытался справиться с обуреваемыми эмоциями, но не совладал и вдогонку прокричал: «Дура!» Парень всерьез решил, что лифтерша улучила момент, когда он потеряет бдительность и оставит меня одну (хотя дома, естественно, были родители), и отправилась на свое черное дело – красть девочку Марину. До этого момента в его лексиконе слово «дура!» не значилось. Лифтершу впечатлил шквал эмоций маленького мальчика, и больше, кстати, она так не шутила.

Мы с Максимом росли душа в душу, всем делились друг с другом, вместе играли. Мы умели хранить секреты друг друга.

Мы с Максимом росли душа в душу, всем делились друг с другом, вместе играли. Мы умели хранить секреты друг друга.

Я еще с детства поняла, что язык надо держать за зубами. И если брату, скажем, нравилась одна девочка, а он в то же время привлек внимание другой – не надо, чтобы эти девочки знали о существовании друг друга, плохо будет обеим, да и брату не поздоровится. А Максим и вовсе оказался чемпионом мира по сокрытию тайн, даже несмотря на то, что для него это было чревато. Сколько раз ему влетало из-за меня! Сосчитать невозможно. Но брат меня ни разу не сдал. Помню, папа наш,

пока не бросил курить, иногда позволял себе подымить в ванной и держал там стратегический запас сигарет и спичек. А я, маленькая, подглядела за ним и решила попробовать – что же он там такое делает и какой в этом смысл? Достала сигарету, вложила ее в зубы не той стороной, чиркнула спичкой и подожгла фильтр. Долго стояла в задумчивости, принюхивалась к этому дымящемуся безобразию, а потом решила: «Да ну, фигня какая-то эти ваши сигареты», выкинула улики в унитаз и отправилась восвояси. Думаю, все уже в курсе, что «бычки» не тонут? Так и произошло. Мама быстро обнаружила улику. И кому, как вы думаете, влетело за это преступление? Разумеется, брату. Он был уже в том возрасте, когда мальчишки пробуют курить, и мама даже не сомневалась, что и Макс тоже решил поэкспериментировать. Он мужественно стерпел наказание, хотя, как говорится, ни сном ни духом не подозревал, за что страдает. Но меня не выдал.

Брат был главным компаньоном и по играм во дворе. Поскольку он по-прежнему оставался главным человеком в моей жизни, то считал своим долгом всегда и везде таскать меня за собой. Я была своей в его мальчишеской компании и за годы, проведенные среди пацанов, научилась виртуозно залезать на деревья, прыгать с гаражей, перепрыгивать через заборы, стрелять из рогатки, словом, освоила весь арсенал знаний, умений и навыков нормального дворового парня. Одежда и обувь на мне «горели», ботинки вечно были в грязи, а штаны – в дырках. В общем, в компанию друзей брата я вписывалась идеально. К тому же характер у меня был боевой: я никогда не ныла, не говорила, что боюсь прыгать вот с этой верхотуры или не успеваю угнаться за здоровыми парнями, на три года меня старше. Не сдавалась никогда. И ребята брали меня с собой.

Я была своей в его мальчишеской компании и за годы, проведенные среди пацанов, научилась виртуозно залезать на деревья, прыгать с гаражей, перепрыгивать через заборы, стрелять из рогатки.

Впрочем, я не просто так по дворам носилась. У меня была важная миссия. Я была Чип и Дейл в одном флаконе – мне все время требовалось кого-нибудь спасать и восстанавливать поруганную справедливость. Еще в раннем детстве, наблюдая за жизнью каких-нибудь мелких насекомых в траве, я заметила, что кто-то кого-то все время обижает. Причем первый «кто-то» был непременно большой и сильный, а второй – маленький и слабый. И я посвятила себя спасению вторых от первых. Лежа животом в пыли, я мужественно сражалась на стороне муравьев, защищая их

от жуков и перенося в убежища, где они бы чувствовали себя в безопасности. Став постарше, подбирала на улице и тащила в дом бесчисленных котят, щенков и прочую живность, голодную и замерзшую. Мама пыталась бороться с нашествием в ее квартире бездомных животных, но тщетно. Однажды у нас несколько месяцев прожил голубь. Как-то, идя по улице, я заметила овчарку, которая, клацая зубами, кидалась на стаю голубей, и одного из них ей удалось схватить. Я бросилась к этой псине, вырвала из ее пасти бедную птицу, которую собака уже начала меланхолично пережевывать. Естественно, после этих манипуляций крыло у голубя оказалось сильно повреждено, и я взяла бедолагу домой – выхаживать. Определила его в общий коридор. До сих пор, кстати, не могу понять, как наши добрые соседи терпели такое беспардонное отношение к общей площади. И ведь ни разу не сделали ни одного замечания ни мне, ни моим родителям! Хотя можете себе представить, как вела себя птица – никакого понятия об осознанной жизнедеятельности у нее, конечно, не было. Голубь жил на трубе, питался крошками и расхаживал с гордым видом от двери до двери. Он стал мне настоящим другом: встречал меня из школы, садился на плечо, закутывался в мои волосы, что-то ворковал. Я гуляла с ним на улице, иногда он пробовал летать, разминая крыло, но возвращался обратно. Правда, однажды все-таки улетел навсегда, и, знаете, честно говоря, мне даже не было обидно, потому что я понимала – миссия выполнена, птица спасена.

Стремясь помочь миру, я не очень-то задумывалась о своих домашних, которым не всегда моя забота о братьях меньших была по нраву. Помню, мы с братом спасли здоровенного ужа. Вероятно, ему тоже было в тот момент очень плохо, но что конкретно с ним приключилось, сейчас не вспомню. Принесли мы его домой, спрятали, чтобы не волновать маму и бабушку, а он возьми да и удери. Поискали мы его, поискали и решили, что уж вырвался на свободу и в данный момент подползает к своей норе в лесу. Мы за него порадовались и думать забыли. А недели через две он выполз из-под плинтуса (где и проживал, оказывается, все это время) и разлегся на полу посреди комнаты, греясь на солнышке. Первой ужа заметила наша бабушка. Мне показалось, что она была не очень рада встрече – во всяком случае, кричала громко и мгновенно взлетела куда-то на самый высокий шкаф. Я от нее такой прыти не ожидала. Ужа пришлось вынести на улицу, а бабушку долго отпаивали валерьянкой.

Одно из моих детских прозвищ – Терминатор. Став постарше, я уже не только зверей спасала, я вступалась за каждого несправедливо обиженного одноклассника или товарища по

играм во дворе. В бой шла легко и смело, пусть противник и превосходил меня по численности и физической мощи.

В бой шла легко и смело, пусть противник и превосходил меня по численности и физической мощи.

Однажды в запале даже сломала руку о чью-то голову, но в пылу драки не обратила на эту досадную мелочь внимания. Потом, когда обнаружилось, что рука онемела и я не могу ни ложку держать, ни ручку, бабушка пошла со мной в травмпункт. Там-то все и выяснилось. Врачи долго пытались добиться от меня, где я умудрилась заработать перелом, но я не смогла внятно ответить. Ну подумаешь, травма! Я их все помнить должна? Главное, справедливость была восстановлена.

Но по-настоящему, не на жизнь, а на смерть, я боролась только однажды. В нашем дворе жила девочка из очень неблагополучной семьи. Папы у нее не было, мама появлялась дома так редко, что ее никто и не видел, и девочка жила с бабушкой – очень старенькой и совершенно слепой. Первый раз я увидела ее, когда ей было лет семь. Меня поразили ее волосы – длинные, густейшие, золотистые, но, по всей видимости, никогда не знавшие ни мыла, ни расчески. Вся голова – один сплошной жуткий колтун. Во что она одевалась – вспомнить страшно. В школе училась тоже через пень-колоду, бабушка не могла ни уроки у нее проверить, ни помочь с заданиями. Разумеется, малышка была изгоем. Стоило ей выйти во двор, над ней начинали смеяться, а когда это надоедало – просто били. Зло, беспощадно и жестоко. Ни за что, просто так. Увидев эту мерзкую сцену первый раз, я тут же расшвыряла всех обидчиков, вырвала бедолагу из их лап и повела домой. Перешагнув порог ее квартиры, я чуть в обморок не упала. Сказать, что там было грязно – не сказать ничего. В доме не убирались лет пятнадцать, по всей видимости. Я такого запустения и ужаса не видела никогда! Решила действовать. Для начала предложила девочке постричь ее, потому что сразу просто помыть и расчесать то, что было у нее на голове, не представлялось возможным. Как-то с грехом пополам я соорудила из ее волос какое-то подобие прически (мне самой было лет одиннадцать, и парикмахер из меня получился так себе). Голову помыла и все колтуны расчесала. Потом попыталась прибрать в доме. В общем, с тех пор я взяла над ней шефство. Моя мама отдавала девочке вещи, из которых я выросла. Во дворе поначалу смеялись, видя, что она ходит в моих платьях и брюках. Но я быстро навела порядок, кому словами, а кому и кулаками объяснив, что будет с каждым, кто посмеет поднять на нее руку. Как вспомню, сколько я из-за нее

дралась и как яростно защищала… в общем, постепенно от девочки отстали. Недавно, приехав в Казань, я ее встретила на улице. Она вышла замуж, воспитывает четверых детей и внешне выглядит вполне благополучно. Домашняя такая, спокойная, доброжелательная, любит семью, детей и довольна жизнью.

Побаивались меня не только во дворе, но и в школе. Учителя рассказывают, что очень скоро для них привычной стала такая картина: растрепанная Марина удирает от старшеклассников, за секунду до этого отвоевав у них очередного майского жука с тем, чтобы спасти его и выпустить на улицу. Воинственной я росла. Хотя поначалу были все шансы стать примерной ученицей: мама выбрала для меня очень хорошую школу, первого сентября меня нарядили, и в окружении толпы родственников я отправилась за знаниями. Бабушка работала швеей на фабрике, где шили форму для школьников, поэтому к первому сентября мне была преподнесена в подарок новая, с иголочки. Но только никто не учел, что бабушка специализируется на платьях для старшеклассниц, а я даже для первоклашки была весьма субтильная и маленькая. В общем, эту форму в ее первозданном виде я надела только на свой выпускной в одиннадцатом классе. А для похода в первый мне ее ушили раза в четыре, подогнули рукава чуть ли не в два раза, убрали ширину в плечах, в спине. Вот только юбку укоротить не смогли. И я была красавицей – в платье сильно ниже колена, из которого торчали тоненькие ножки. На голове, как и положено, белые банты. Мода такая, что ли, тогда была, чтобы на первоклашках непременно красовались банты размером с голову. Так я и пошла в первый класс, о трех головах – одна своя и еще две из бантов. Мама потом еще долго пыталась эти банты мне вязать каждое утро, но у меня было свое представление о прекрасном. В первом классе мне вдруг захотелось отрастить длинные волосы, но все как-то не удавалось, ухаживать за ними было муторно, и меня стригли «под горшок». И тогда я придумала вот что: как только мама, проводив меня, скрывалась с глаз, я развязывала пышные «вавилоны», оставляя один узел. Получались две длинные ленточки, державшиеся у основания хвоста и спускавшиеся изящной волной по спине. Я представляла, что это не просто ленточки, а мои собственные волосы. Их можно эдак изящно, «в рапиде», откинуть назад, томно обратить свой взор на говорящего, а потом так же гордо и красиво отвернуться, а они будут струиться по спине. В общем, мама долго не могла понять, почему учителя ругают ее дочь на неопрятный внешний вид и считают «распустехой». Что они понимали в красоте!

Школу, в которую я пошла, долго выбирали, она была одной

из лучших в городе, и родители очень обрадовались, что меня туда взяли. Но лучшей она считалась, видимо, только потому, что там учились дети весьма состоятельных родителей. У них были шмотки, привезенные из Риги (дальше Риги тогда мало кто еще ездил), они каждый день приходили в чем-то новом. А меня бабушка до пятого класса наряжала в кошмар и ужас под названием «гамаши», и первые капроновые колготы появились в моем гардеробе классе в одиннадцатом. Дома у всех стояли видеодвойки (у меня, для сравнения, не было даже обычного магнитофона, а телевизор – черно-белый, с круглой ручкой, которую требовалось поворачивать для переключения каналов). Разумеется, от одноклассников мне доставалось по полной программе. Над моими гамашами и шубой, перелицованной из маминой, не издевался только ленивый. Каждый день меня спрашивали: «Ну что, тебе уже купили видеомагнитофон? Ну, расскажи, расскажи, как он выглядит?» Поначалу мне очень хотелось стать своей в компании девочек, считавшихся в классе первыми красавицами. Мне нравилось, как они дружили, как обменивались сплетнями и новостями, шептались по углам. Я прилагала максимум усилий, и иногда мне даже казалось, что вот-вот у нас получится стать хорошими подругами – мы же сидим после уроков все вместе, делимся какими-то секретами. Но наутро издевательства и подколки возобновлялись с новой силой. И я поняла, что иду неверной дорогой. И что мне с ними совсем не по пути. А поскольку шансов раздобыть видеодвойку и импортное платье у меня нет никаких, нужно предпринимать что-то еще. Например, активно развивать свой внутренний мир. Чем я и занялась.

> Преподавательница моя, большая тучная суровая женщина, орала на меня, била линейкой по пальцам, лупила по спине, стоило мне чуть-чуть сгорбиться и нарушить осанку.

С пяти лет я ходила в музыкальную школу. Как вы помните, сначала я мечтала доказать, что шестой палец – это не приговор для пианиста, и на этом топливе проскочила три класса, честно получая серьезное образование. Но потом интерес стал постепенно угасать. Немало способствовал этому преподавательский подход – необоснованно жесткий, жестокий, я бы даже сказала. Такое ощущение, что каждого из нас готовили как минимум к консерватории, а то и к Карнеги-холлу. Преподавательница моя, большая тучная суровая женщина, орала на меня, била линейкой по пальцам, лупила по спине, стоило мне чуть-чуть сгорбиться и нарушить осанку. В какой-то момент я

стала замечать, что на занятиях все чаще присутствует моя мама. Сначала я думала, что она контролирует меня, но потом поняла: она там была для того, чтобы защитить меня от нападок очень уж агрессивной учительницы. Разумеется, ни о какой любви к музыкальной школе речь тогда идти не могла. Но окончить-то надо… Начали ведь… К тому же у меня были явные музыкальные способности. Появились и первые поклонники. Мы тогда жили на первом этаже, и когда я садилась за пианино музицировать, к нашим окнам все время приносило соседку – молодую и вечно поддатую женщину трудной судьбы. Она садилась на корточки, прикуривала сигаретку и хриплым голосом просила: «Поиграй еще!» Я чувствовала, как она растет над собой, вслушиваясь в мои экзерсисы, и не могла ей отказать. Я была ее духовным проводником в мир прекрасного.

…ни о какой любви к музыкальной школе речь тогда идти не могла. Но окончить-то надо… Начали ведь…

Развитие мое было в высшей степени разносторонним. Мама помимо детского сада вела еще самые разнообразные кружки и курсы и, чтобы я была под присмотром, частенько брала меня с собой. И я училась плести макраме, вязать крючком, рисовать бабочек, делать поделки из папье-маше и прочую подобную лабуду, которая, как вы догадываетесь, никаким боком не могла вползти в круг моих интересов. Ситуация резко поменялась, когда мама решила отдать меня в балет. Она прикладывала массу усилий, чтобы из пацанки сделать хорошую примерную девочку, и категорически не хотела отдавать меня в спортивную секцию. «Если уж тебе некуда девать свою энергию – пожалуйста, танцы», – объявила она мне. И мы пошли. Приходим в досуговый центр, подходим к дверям актового зала, видим, как прилежные девочки в купальничках старательно тянут носочки, стоя у станков. «Прекрасно! То, что надо!» – кивнула мама и отправила меня к этим девочкам. Но на следующий день она по обыкновению доверила меня брату, который занимался в том же досуговом центре карате. Это был провал! Брат довел меня до класса, сдал с рук на руки балетной учительнице, а сам побежал к себе. «А где ты был?» – спросила я его после занятий. Надо ли говорить, что уже на третье занятие я даже не дошла до своего класса, а завернула на карате вместе с братом да так там и осталась. По нашей старинной партизанской традиции родителям мы ничего не сказали, все держали в строжайшем секрете. Полгода мама даже не знала, за что отдает свои денежки: ребенок уже пояс получил, а она все продолжала думать, что у нее растет будущая балерина.

Каратисты меня поразили с первой же минуты. Когда я вошла в зал, моему взору предстала следующая картина: группа сидела кружком, все в позе лотоса, а в центре круга располагался учитель (сенсей), который читал что-то вслух. Я прислушалась и поняла, что это детская Библия. Минут пятнадцать он читал, потом начал задавать вопросы по прочитанному, дети рассуждали, анализировали… И это было так здорово, что мне сразу же захотелось остаться, влиться в коллектив, тоже слушать и обсуждать. И не смущало даже то обстоятельство, что у меня не было кимоно. Я заявилась к каратистам в каких-то колготках (справедливости ради надо сказать, что одежды для занятий балетом у меня тоже не было и там я щеголяла в тех же колготках, и в этом смысле ничего не потеряла). В общем, я присоединилась к каратистам. Хорошо помню, как поймала на себе первый раз взгляд сенсея. Он прожег меня насквозь. Я сразу поняла, что это великий человек. Не знаю, почему так решила. Он был очень жесткий, мы его одновременно боялись, уважали, любили, ненавидели – все чувства в одном флаконе. Сенсей объяснял с порога всем новичкам: «Ты сюда не драться приходишь и не приемчики изучать, это спорт. Ты изучаешь свое тело и характер, а в драках наши уроки тебе вряд ли дадут какое-то преимущество». Сенсей жил с нами в одно время, в одном городе, ходил по одним улицам и видел, что там творится. Как дети изнывают от ничегонеделания, как от скуки идут «стенка на стенку» и как быстро улица может сгубить подростка. Он стремился не столько накачать наши мышцы, сколько вложить хоть что-нибудь в наши головы и души. Мы это ценили и не пропускали ни одного занятия. Самое интересное, что его уроки не прошли даром. У нас сложилась огромная группа, занятия были весьма популярны, но ни один из нас не пропал, не сгинул, все нашли себя и стали достойными людьми. Взять хотя бы Алису Селезневу, диджея «Русского радио». Она занималась вместе с нами, была замечательной веселой девчонкой. Мой брат Макс ее очень любил. Но я вам этого не говорила! Это секрет.

В общем, тренировки надолго стали смыслом моего существования. Я начала быстро расти, набирать очки, получать пояса. Да и как могло быть иначе? Тренер, проходя мимо меня, всегда говорил: «Ну, с этой все понятно, у нее дома коричневый пояс лежит». Имел в виду пояс моего брата. Максим взялся меня готовить к соревнованиям и, как всегда, ответственно подходил к делу. Говорил мне: «Ты что, позорить меня собралась? Ты же моя сестренка, ты – мое лицо!» И мне приходилось соответствовать. Когда я получала желтый пояс, пришла даже мама, которая к тому времени все-таки узнала правду (брату моему, конечно,

влетело). Первый раз увидев меня на татами, мама сразу поняла, что карате – это не баловство, а серьезное занятие, увидела мою радость оттого, что все получилось. И махнула рукой. Отныне аргументация в спорах была такой: «Получишь двойку в школе или музыкалке – не пойдешь на свое карате». Или: «Не научишься вывязывать изнаночную петлю в кружке вязания – никаких тренировок». И я шла исправлять двойку или упражняться со спицами. А что делать?

Каратисты, друзья Макса, поначалу, конечно, посмеивались надо мной. Я долгое время была единственной девочкой в команде, да еще и на несколько лет младше всех. «Что можно ожидать от этой пигалицы?» – решили они поначалу. Но потом прониклись моим упорством и преданностью делу. И дошло даже до того, что мой брат остался летом в городе сдавать экзамены, а я с его друзьями отправилась в спортивный лагерь. Они тогда стали уже помощниками сенсея, так называемые сэмпаи, а я была лидером в команде девочек (их уже к тому времени набралось шесть человек) и получила красный пояс. Но все равно брат просил мальчишек за мной присмотреть, и они согласились. Я снова была «сыном» полка и снова в мальчишеской компании.

В школе постепенно недоброжелатели и задиры от меня отстали. Поняли – издеваться бесполезно. Слез от меня не дождешься, а если что – я могу и в глаз двинуть так, что мало не покажется. Правда, у меня, выросшей и воспитанной в мужском коллективе, появилось одно незыблемое правило – девочек не бить! Общество вокруг меня всегда было мужское и отношение к дамам – соответствующее. Я легко заводила дружбу с пацанами, с девчонками же долгое время общих тем найти категорически не могла, тяжело мне было с ними. Да и сейчас, признаться, я лучше понимаю мужскую психологию, чем женскую. Вела я себя с друзьями как свой в доску парень – могла кулаком в плечо ткнуть, приобнять, потрепать по голове, пенделя отвесить по-дружески, в конце концов. И для меня было настоящим шоком, когда кто-то из моей, проверенной годами компании вдруг начинал проявлять ко мне какие-то другие чувства.

Вела я себя с друзьями как свой в доску парень – могла кулаком в плечо ткнуть, приобнять, потрепать по голове, пенделя отвесить по-дружески, в конце концов.

Когда первый раз кто-то из них вдруг разглядел во мне девочку и намекнул на симпатию, мне стало нестерпимо стыдно. «Где же я накосячила? – спрашивала я себя. – Где выдала себя и повела себя как женщина?!» Это было непростительно. Я много

лет тщательно скрывала от всех, что я девочка, выжигала каленым железом все девчачьи манеры и корила себя, если вдруг в движениях проскакивала какая-то непозволительная плавность, а в речи – неуместное кокетство. Получив признание в любви, страшно испугалась: а вдруг другие парни тоже узнают, что я девочка?

Я много лет тщательно скрывала от всех, что я девочка, выжигала каленым железом все девчачьи манеры и корила себя, если вдруг в движениях проскакивала какая-то непозволительная плавность, а в речи – неуместное кокетство.

Могут и изгнать ведь, а мне с ними так комфортно без всех этих гендерных штук, так удобно в этом мужском мире. Да и мое прозвище – Максим – за мной уже прочно тогда закрепилось, накладывая отпечаток на мое поведение. Прозвищ, надо сказать, с самого детства у меня была масса. Меня и Мормышкой звали, и Филиппком – из-за маленького роста и повышенной курносости. В школе получила унылое прозвище Марина Сергеевна. Помните, по телевизору тогда крутили рекламу МММ, и там среди прочих персонажей была «Марина Сергеевна, одинокая женщина и никому не верит»? Вот так меня и звали. У меня и шапка была подходящая, из гагачьего пуха. Но это все ушло в прошлое, а вот Максим – осталось. Это с детства еще, когда меня звали «Максимовская сестренка», поскольку я вечно таскалась за братом, воспринималась как приложение к нему, и никто не удосуживался запомнить мое имя. Постепенно словосочетание «Макс и максимовская сестренка» трансформировалось в «Макс и Максим», и потом я, уже отделившись от брата, все равно осталась «Максим».

В общем, жизнь моя теперь строилась так: до школы я шла на футбольную тренировку (еще одна моя большая страсть), потом школа, потом карате и в любую свободную минуту – музыка.

В нашей школе был прекрасный музыкальный коллектив, состоявший из старшеклассников. Руководил ими отличный парень по имени Давид, настоящий энтузиаст своего дела. Репетиционная база располагалась в одном из школьных туалетов, акустика в этом небольшом помещении, облицованном кафелем, была прекрасна, спецэффекты создавались сами собой, без всяких примочек, разных там холов и дилеев. Как же там было здорово! Народ приходил туда потусоваться, попробовать себя в разных ипостасях – и на басу поиграть, и за ударной установкой посидеть, и поорать что-нибудь забойное в микрофон. Помогал Давиду выпускник нашей школы красавец Эдуард Марсельевич,

подменявший по мере надобности гитариста и басиста. Девочки-старшеклассницы валом валили в репетиционную, чтобы быть поближе к Эдуарду, учителя посматривали косо на это гнездо разврата и рок-н-ролла, и, разумеется, попасть в эту школьную команду было пределом мечтаний любого школьника. Я, честно говоря, даже и не мечтала. Просто спела однажды на каком-то школьном мероприятии детскую песенку, и Давид обратил на меня внимание: «Хочешь выступать с нами?» Я кивнула. Он дал мне на выбор несколько эстрадных произведений, я выбрала песню Юлии Началовой «Герой не моего романа», с блеском ее исполнила и стала полноправным участником этой музыкальной банды. В бывшем школьном туалете я проводила все свободное время. Мне нравилось пробовать звучание музыкальных инструментов, нравилась атмосфера творчества и какого-то безбашенного веселья. Разумеется, я наблюдала, как вокруг Давида и Эдуарда Марсельевича крутятся девушки-старшеклассницы – потрясающие красавицы, обладательницы стройных ног в капроновых колготках, в коротких юбках, с макияжем и прическами. Глядя на них, я переводила взор на свои гамаши и понимала: «У меня выход только один – петь лучше всех». И пела. Все чаще выступала на конкурсах – представляла сначала класс, потом школу, потом район на общегородских мероприятиях. Эти концерты доставляли мне огромную радость, и не столько потому, что мне нравилось побеждать. А потому, что это был законный способ удрать со школьных уроков. Там становилось все напряженнее, и если бы не музыкальная группа – в школе делать было бы нечего совсем.

Эти концерты доставляли мне огромную радость, и не столько потому, что мне нравилось побеждать. А потому, что это был законный способ удрать со школьных уроков.

Одноклассницы росли, реализовывали заложенную в них жизненную программу. Что нужно нормальной девочке? Найти себе парня. Что для этого нужно делать? Стать красивой. И они пускались во все тяжкие – каблуки, гордая осанка, бесконечный треп о волосах и маникюре. Особо продвинутые из них стали мечтать о модельной карьере и ходили на кастинги. Я была максимально далека от всех возможных канонов красоты. И всячески им противилась, стараясь стать наиболее непохожей на других. Носила клетчатую кепку, удобные штаны, огромные ботинки. В какой-то момент отрастила дреды и даже попыталась красить их в желтый цвет, правда, в результате получился почему-то зеленый. И остановилась в одном шаге от того, чтобы

проколоть себе бровь. В общем, я вся была – один сплошной вызов обществу. И отношения со школьными красотками, естественно, не складывались. Впрочем, гнобили они не только меня, под обстрел попадали все инакомыслящие. Помню, к нам пришла новая девочка, совсем из другого теста сделанная, – пухленькая такая, мягкая. Наши красавицы отводили душу, и каждый день после уроков новенькая рыдала. А я стояла над ней, как надзиратель, и выговаривала: «Не смей рыдать! Реветь нельзя! Не показывай свою слабость! Сейчас дашь слабину и потом будешь до одиннадцатого класса реветь! Держись». Я хотела ей добра, пыталась помочь утвердиться, обрести свое «я», показать характер. Но самое интересное, что через несколько дней вокруг рыдающей новенькой собиралось уже полкласса, и все внушали ей хором одно и то же – не реви, держись, не давай слабину! Отношения в той школе напоминали тюремные. Новичок должен был с самого начала поставить себя, не прогнуться под сильных мира сего. И все кругом понимали правила игры, принимали их и пытались по ним играть. Прогибались под сильных, отыгрываясь на слабых. Это был террариум какой-то! В этот момент я осознала очень четко: находиться я там больше не могу. Где-то же есть нормальная жизнь… Я была уверена, что есть. У меня была компания спортсменов, компания музыкантов – там не надо вгрызаться друг другу в глотки, все единомышленники. Мне надоело чувствовать себя изгоем. Дома, правда, об этом ничего не знали, я никогда не жаловалась маме, вообще, по-моему, не особо распространялась о том, что творится в школе. Но, видимо, мама каким-то образом поняла, что мне там плохо. И однажды она пришла в школу. Вошла в класс, попросила меня выйти и о чем-то полчаса говорила с моими одноклассниками. Смысл речи сводился примерно к следующему: «Не обижайте мою девочку!» Это был удар! Что после этого я могла сделать? Как смотрела бы в глаза одноклассникам на следующий день? Получается, я соплячка, которая всю дорогу только и делает, что приходит домой и ноет, жалуясь маме, как ее, бедняжку, обижают плохие девочки?

Как смотрела бы в глаза одноклассникам на следующий день? Получается, я соплячка, которая всю дорогу только и делает, что приходит домой и ноет, жалуясь маме, как ее, бедняжку, обижают плохие девочки?

Это было немыслимо. Дома я поговорила с мамой очень резким тоном, объяснила ей, что она разрушила мою жизнь, и объявила: в школу с этих пор я не пойду! Пусть делают со мной,

что хотят, но туда я больше ни ногой.

Пришло время выбирать новую школу. Мне очень нравились рассказы одной моей подруги по музыкалке про ее школьную жизнь, и я стала мечтать поступить туда. Мой лицей считался самым высоким по уровню образования, но оказалось, что это далеко не так. И чтобы поступить в ту школу, я должна была догонять потенциальных одноклассников. Я приняла решение и все лето не вставала из-за письменного стола, готовясь к экзаменам. Вы представляете, что такое лето для будущего семиклассника? Это целая жизнь. Но мне очень хотелось расстаться с той школой, и я добровольно приковала себя к учебникам.

С первого же дня в новой школе стало понятно, что лето я убила не зря. Мне открылся новый мир. Жизнь заиграла другими красками. Я мгновенно нашла себе друзей, влилась в коллектив. У меня появилось море энергии, хотелось бегать, прыгать, делать что-то позитивное. Разумеется, в новой школе тоже нашелся музыкальный коллектив, где меня приняли с распростертыми объятиями, так как уже давно и хорошо знали по выступлениям на городских концертах. Ребята вокруг увлекались фотографией, математикой, физикой. Было несколько девиц, которые так же, как и мои бывшие одноклассницы, штурмовали модельные агентства. Но тут это выглядело исключением, а не правилом, и над ними шутили (по-доброму, но довольно едко). Учитель истории, видя, что стайка красавиц задержалась на перемене, громко вопрошал на весь класс: «Где там эти стремянки ходят?!» – называл их «моделями человека», но они на это не обижались, смеялись вместе со всеми.

Я, настрадавшаяся от них в первые семь лет своей школьной жизни, тоже не упускала случая подтрунить. За партой передо мной сидела Настя – красавица с длинной черной косой, мечтавшая стать моделью. А я приносила из дома огромные ржавые бабушкины ножницы, вынимала их из портфеля и зловеще скрежетала около ее косы, делая вид, что сейчас я ей волосы оттяпаю под корень. Однажды Настя с компанией – все как на подбор красавицы, у всех уже профессиональное портфолио, все без пяти минут Клаудии Шиффер – подловили меня, когда я была дежурной и подметала пол в коридоре школы. Они пустились во все тяжкие, пройдясь и по венику моему, и по внешнему виду. Я держала паузу, выжидая удобного момента. И вот когда одна из них, разойдясь, высказалась на тему, что веник мне очень идет, и посоветовала всю жизнь продолжать в том же духе, я тихонечко сообщила, что я тут вообще-то не только подметаю, я еще и пол мою. «Вон как раз ведро стоит, полное

грязной воды!» – сообщила им я и надела на голову красотки это самое ведро со всем его содержимым. Потом, конечно, был скандал, я долго убеждала директора школы, что ведро само упало красавице на голову каким-то волшебным образом. Основным отличием новой школы от старой было то, что войны довольно быстро прекратились. Мы моментально выяснили, что каждой из нас палец в рот не клади, и заключили перемирие. Сейчас мы все дружим и со смехом вспоминаем то ведро.

Авторитет в новой школе я набирала стремительно. Меня единогласно выбрали старостой, и я пользовалась своим положением. Когда директор просил меня выступить на каком-то очередном районном концерте и защитить честь школы, у меня возникло только два вопроса: «С уроков снимете?» и «А можно я возьму с собой пару болельщиков?». В итоге через какое-то время болеть за меня уходил уже весь класс без исключения. Не скажу, что это нравилось учителям, но честь класса превыше всего. Но для меня это оставалось игрой. А настоящая жизнь была совсем в другом месте.

Глава 2. Трудный возраст

Тот день я до сих пор помню в мельчайших подробностях. Яркое мартовское солнце, запах тающего снега, капель с крыши… И высокое крыльцо, к которому ведет крутая лестница. А на крыльце стоит парень: крашеные волосы, желтые очки, оранжевые брюки и какие-то немыслимые зеленые ботинки. «А я вас жду, поднимайтесь», – говорит он мне и сопровождающему меня папе. Мне четырнадцать лет, и мы пришли в самую настоящую музыкальную студию подписывать мой первый самый настоящий контракт с продюсерами.

Незадолго до этого в моей жизни проходил очередной музыкальный конкурс. Поначалу он не предвещал никаких особенных перемен, обычное дело: я пою, жюри оценивает мастерство. Таких конкурсов – и районных, и городских, и областных – на моем счету были уже десятки, если не сотни. И в тот раз я, как всегда, вышла и спела, надеясь, что сейчас пройду на следующий этап отбора, а там, возможно, и в полуфинал. Или даже награду получу, кто его знает. Но неожиданно после первого же исполнения ко мне подошли музыканты, сидевшие в жюри, и сообщили, что для меня конкурс заканчивается. И, видя изумление на моем лице, пояснили, что они сейчас заняты поиском молодых казанских талантов – с целью как-то оживить местный шоу-бизнес. Так вот, им кажется, что в моем лице они нашли то, что так долго искали, готовы хоть сейчас подписать со мной контракт и приступить к работе. «Приезжай, – говорят, – в нашу студию, все оформим».

Я не стала долго раздумывать над их предложением. В отличие от моей мамы, которая совершенно не мечтала ничего такого подписывать. Сейчас я уже могу ее понять – продюсеров не очень интересовало, как я буду учиться в школе и когда собираюсь делать уроки. Нагрузка была вполне взрослой, занятость предполагалась – мама не горюй. Я обязана была работать на студии и записывать песни, репетировать, отыгрывать концерты – не важно, в какой части города они шли и во сколько заканчивались. Маму это не устраивало. Но я твердо стояла на своем – хочу работать, и точка! У меня был один убийственный аргумент: пора зарабатывать собственные деньги! В то время я часто слышала от родителей расхожую фразу: «Вот когда начнешь сама зарабатывать, тогда и будешь решать, куда ездить и что носить». Обычно эта фраза звучала в тот роковой момент, когда я заходила в магазин, мечтая о модных кроссовках, а выходила в очередных уродских гамашах. В общем, деньги мне тогда позарез

были нужны. Неожиданно на мою сторону встал папа. «А что, – сказал он, – пусть Марина попробует, дело хорошее!» Тут же на семейном совете за круглым столом было решено: контракт подписываем, но если ты скатываешься на тройки и начинаешь прогуливать школу – не видать тебе никаких концертов и никакой студии, как своих собственных ушей! То, что в контракте прописана неустойка и что тройка, полученная мною в школе, никоим образом не является веским основанием для срыва концерта, родителей не волновало совершенно.

> Но я твердо стояла на своем – хочу работать, и точка! У меня был один убийственный аргумент: пора зарабатывать собственные деньги!

Студия, где мы с папой оказались, поразила меня с первого взгляда. Это была настоящая профессиональная студия, доверху напичканная самым современным оборудованием. Мне тут же захотелось нажать на каждую кнопочку на всех пультах, спеть во все микрофоны. От мысли, что я наконец смогу увидеть, шаг за шагом, как рождается песня, у меня голова закружилась. Впрочем, она у меня в те дни кружилась часто, и в основном это было, как принято говорить, головокружение от успехов. Еще бы – я выигрывала конкурс за конкурсом, награду на последнем из них мне вручал сам ректор Института культуры, сидевший в жюри и лично отметивший мои таланты. Учителя не сомневались, что «кулек» (как называли у нас этот институт) ждет меня с распростертыми объятиями, и вытягивали мне четвертные и годовые оценки, как могли, стараясь закрывать глаза и на отсутствующее прилежание, и на ужасающее поведение. Однажды маму вызвала в школу учительница истории и, смущаясь, произнесла: «Она у вас такая хорошая девочка, вот только почему-то спит все время». Историчка не преувеличивала: я действительно на всех уроках спала крепким сном и видела сны. Что, в общем-то, неудивительно – концерты и репетиции шли практически каждый день, заканчивались далеко за полночь, и, разумеется, на уроках сил ни на что другое, кроме сна, не хватало.

Мои продюсеры подготовили для меня несколько песен, которые я записала и исполняла на концертах. В одной из композиций, как сейчас помню, были такие слова: «Лишь о тебе танцует и плачет душа». В общем, можете себе представить уровень материала. Но тогда меня это особо не волновало, мне все нравилось, я дневала и ночевала в студии, ехала туда сразу после школы, там же делала уроки, что-то ела – это не имело никакого значения, ведь вокруг была настоящая музыка. В студии

кипела жизнь. Музыканты со всей Казани собирались, чтобы что-то записать, спеть, сыграть, пообщаться. Все это происходило круглосуточно в режиме нон-стоп, и все вокруг были свои в доску, сто лет друг друга знали. Только иногда каким-то ветром заносило случайного чувака, категорически не вписывающегося в окружающую обстановку. И он, робко постучав в дверь, просил помочь ему с записью песни. Он вот тут, мол, что-то такое сочинил и желает подарить супруге на Восьмое марта: «Давайте сделаем, чтобы как будто Майкл Джексон, но похожий на Джастина Тимберлейка, а в припеве немного от Бейонсе добавим». Надо было, выслушивая всю эту ахинею, не засмеяться, а, наоборот, сохранять значительное умное лицо.

Я с жаром принимала участие во всем, что творилось в студии, экспериментировала как могла, сравнивала, как работают микрофоны, прогоняла свой голос через всевозможные программы, искала интересные звуки. Чтобы добыть нужный мне саунд-эффект – хлопок, например, или треск, – я прыгала по каким-то доскам, записывая на микрофон хруст, с которым они ломаются, и тщательно подбирая ту самую доску, издающую искомый звук. В поисках звучания мы хлопали всеми имеющимися в студии дверьми, окнами, извлекая стук и скрип из всего, что находилось под рукой, и за этим занятием проводили часы. Это было очень занимательно. Я записывала рекламные ролики, писала вокальные партии для других исполнителей. Однажды кто-то обратил внимание, что мой голос очень похож на голос популярной тогда певицы по имени Света, и отныне я ее озвучивала везде и всюду. Скажем, приезжает она к нам в город, но не успевает перед этим записать радиообращение к фанатам. Срочно ищут меня, сажают к микрофону, и вот уже мое радостное обещание «Жди меня, Казань, я Света, и я скоро приеду» звучит на местной радиостанции, и никто не замечает подлога. В общем, в какой-то момент у меня сложилось четкое убеждение: я полноценный работник студии, все могу, все умею и вообще уже давно гуру радиоэфира. Ну, четырнадцать лет, что тут поделаешь – юношеский максимализм во всей красе. И когда мои продюсеры решили, что надо серьезно взяться за мое воспитание и обучение, и принялись делать мне замечания: «Тут ты споешь так, а вот этого делать не будешь!» – я заявила: «Э-э-э, не-е-ет, ребята, так не пойдет, я сама знаю, как надо!» Мне казалось, я готовая звезда, а то, что об этом пока никому не известно, – всего лишь вопрос времени. В общем, терпения у студии хватило ровно на месяц, и, вдоволь навоевавшись со строптивым юным талантом, продюсеры контракт со мной расторгли.

Впрочем, я не унывала, а, наоборот, с удвоенной энергией

принялась действовать. Нашла девочек для подтанцовки и стала вместе с ними репетировать свою собственную программу, состоящую из песен, которые записала на студии (несмотря ни на что, я умудрилась сохранить с бывшим начальством прекрасные отношения). Найти в то время помещение для выступлений в Казани не составляло никакого труда. Приходишь в Дом культуры к заведующему, говоришь, что у тебя есть программа и ты жаждешь показать ее народу. Он слушает тебя, кивает, и – вуаля – включает в расписание концертов. «Скажем, в четверг. Вас устроит?» И вот по четвергам ты поешь в одном клубе, по пятницам – в другом, а по субботам мотаешься по всему городу, давая по четыре концерта в день. Именно на этом этапе я начала зарабатывать первые деньги (концерты, которые устраивали мне мои экс-продюсеры, были бесплатными, и ничего, кроме жизненного опыта, не приносили). На первых порах, естественно, это были сущие копейки. Помню, как мы с группой получили на всех четыреста рублей, и я долго ломала голову, как бы потратить причитающуюся мне часть. Памятуя о том, что первый заработок надо отдать в семью, я купила в магазине торт и… четыре зубные щетки. Больше ни на что, полезное в хозяйстве, первого гонорара не хватило, но я была дико горда собой – еще бы, такая добытчица, – а родители и вовсе просто счастливы, что я первую зарплату не выкурила где-нибудь в подъезде, а так креативно ею распорядилась. Постепенно выступления из грандиозных событий превратились в будни, я говорила: «Иду на работу». Сейчас мне бы и в голову не пришло сказать, отправляясь на концерт, что я ухожу на работу. А тогда страшно гордилась, произнося эти слова.

Памятуя о том, что первый заработок надо отдать в семью, я купила в магазине торт и… четыре зубные щетки. Больше ни на что, полезное в хозяйстве, первого гонорара не хватило.

Расставшись с продюсерами, в студии я появляться не перестала. К тому времени из здания казанского института, где она до этого базировалась, студия перекочевала в квартиру одного из музыкантов. Мы собственноручно сделали там ремонт, перевезли в его скромную однушку звукозаписывающее и голосовое оборудование, и работа вновь закипела. Правда, у парня мгновенно рухнула семейная жизнь: жена собрала чемоданы и растворилась в тумане со скоростью звука. Но он, по-моему, не сильно расстроился, даже, наверное, не заметил этой досадной мелочи – в квартире круглосуточно гудела тусовка. В любое время дня и ночи можно было зайти и увидеть, как певец,

сидя в наушниках, записывает вокал, рядом гитарист наигрывает совершенно не связанную с голосом тему, в другом углу кто-то спит на полу, а кто-то, примостившись практически у него на голове, что-то ест. Чужаков в ту квартиру не пускали, все были свои, хорошо знакомые и проверенные – лучшие музыканты Казани и области. Что могло быть прекраснее такой компании? И могла ли с этой жизнью сравниться какая-то там унылая школа? Едва заканчивались уроки, я неслась туда, домашнюю работу делала впопыхах, пристроив учебник на пульт, а на уроках по-прежнему спала. Учителя шли мне навстречу, продолжая закрывать на все глаза: моя фотография висела на школьной доске почета, я была известной личностью не только в школе, но и во всем городе. К тому же, едва на горизонте маячил какой-нибудь очередной городской конкурс, отправляли туда кого? Правильно, меня. Хотя мне уже вроде это и не по статусу было, у меня сольные выступления в лучших клубах, а тут какой-то смотр строя и песни. Но честь школы превыше всего, и я пела, а мне за это ставили пятерки по математике, которую я категорически не понимала. Но ведь звезду школы выпустить со справкой было никак нельзя, это ясно. С гуманитарными предметами я справлялась сама.

Но честь школы превыше всего, и я пела, а мне за это ставили пятерки по математике, которую я категорически не понимала.

В общем, расписание дня у меня сложилось такое: подъем в семь утра и дорога до школы, там спокойный здоровый сон вплоть до финального звонка, а во второй половине – активная творческая жизнь. В какой-то момент я поняла, что концерты и репетиции – это слишком мало для моей кипучей натуры. Прочитала где-то объявление, что в нашем телецентре конкурс – набирают корреспондентов, и отправилась туда попытать счастья. Приехала в телецентр и стала бродить по этажам, разыскивая комнату, где проходил кастинг. Полчаса гуляла в поисках нужной двери, потом отчаялась, встала посреди коридора и начала истошно голосить: «Эй, кто-нибудь, отзовитесь!» В коридор выглянул представительный мужчина и строго спросил: «Ты чего вопишь? Что случилось?» «Ничего не случилось, просто я очень хочу работать на телевидении», – объяснила я. «Ну и работай, кричать-то зачем?» – удивился он, и… на следующий день я уже отправилась снимать свой первый сюжет. Моей задачей было освещение ночной жизни города Казани, я рассказывала о клубах и прочих увеселительных заведениях и в результате стала совмещать полезное с еще более полезным – сначала отыгрывала

в клубе свой концерт, а потом быстренько делала оттуда репортаж о том, как весело и с огоньком отдыхает молодежь. Телевизионную кухню я тоже изучила «от и до» и могла в одиночку сделать всю работу: задумывала сюжет, продюсировала его, писала закадровый текст, наговаривала стендапы, а потом монтировала полученный материал и сдавала в редакцию готовый продукт.

> К совершеннолетию я приобрела стойкое отвращение к любого рода тусовкам и ни разу в жизни не пошла «клубиться» по собственной воле, только если это было связано с работой.

Я была самым молодым завсегдатаем ночных клубов в нашем городе. По правилам безопасности несовершеннолетние граждане туда не допускались, но мне, артистке и журналисту, разрешалось не только ходить на вечеринки, но и проводить в любом заведении столько времени, сколько было нужно. Вы думаете, я стала фанаткой развеселых тусовок? Наоборот. К моменту, когда мои одноклассницы окончили школу, получили разрешение на взрослую жизнь и пустились в отрыв, пробуя свои первые коктейли, мне уже все наскучило. Я выучила наизусть все черные ходы, все входы и выходы из каждого заведения. Я видела эти клубы при дневном свете (а днем, поверьте, они выглядят далеко не так романтично), я знала, где находится режиссерская, что в гримерках, могла на ощупь в темноте пройти в любую комнату и была, по-моему, лично знакома с каждой лампочкой и с каждой микрофонной стойкой. К совершеннолетию я приобрела стойкое отвращение к любого рода тусовкам и ни разу в жизни не пошла «клубиться» по собственной воле, только если это было связано с работой. Алкоголь и наркотики тоже прошли мимо меня. Как это ни парадоксально звучит, но уберегли меня от соблазнов именно друзья-музыканты. Я была для них кем-то вроде «сына полка», они чувствовали за меня ответственность, и, хотя сами отрывались так, что дым стоял коромыслом, мне было категорически запрещено даже приближаться к сигаретам и бутылке. Ребята хорошо знали моих родителей. Мама приглашала этих патлатых небритых рокеров на мои дни рождения, и гости, посмеиваясь в бороды, чинно сидели за столом, на котором стояли лимонад и тортик. Могли они после этого допустить, чтобы я на их глазах пила водку и виски? Разумеется, нет. «Все родителям расскажем!» – грозились они, даже если я просто смотрела в сторону запрещенных веществ. А мне они, честно сказать, и не требовались особо – самый большой кайф в жизни я получала от музыки. У меня была возможность сочинять песни,

петь их, и я жила абсолютно счастливо без всякого дополнительного допинга.

Жизнь была прекрасна, о большем и мечтать не приходилось. Единственное, что расстраивало, – это обстановка в семье. Дома меня потеряли: я могла вернуться глубоко за полночь, а мама ждала меня, не смыкая глаз, и, естественно, как только я появлялась на пороге, высказывала все, что думает обо мне, моих друзьях и шоу-бизнесе в целом. Когда мамино терпение заканчивалось, она насылала на меня папу. Он, впрочем, не мог выступать в качестве тяжелой артиллерии, поскольку где-то в глубине души всегда поддерживал мое стремление к сцене. Папа подписал мой первый контракт со студией, папа метался вместе со мной по вещевому рынку, спонсируя покупку первой сценической обуви: каких-то немыслимых громадных ботинок, которые я потом собственноручно обклеивала стразами, чтобы ярче блестели в свете софитов. Папа был за меня. Но и мамины педагогические инициативы тоже поддерживал – а как иначе? Помню, мама как-то решила вытащить все семейство в музей, мол, хватит болтаться по подворотням, пойдемте развивать чувство прекрасного. Папа горячо подхватил эту идею, и мы пошли на выставку каких-то там поделок из какого-то там стекла. Я и брат встали в дверях, нарисовали на лицах скучающие выражения, которые так хорошо умеют делать подростки всего мира, и терпеливо ждали, когда же мама сполна насладится искусством. Папа же старательно делал вид, что вот прям сейчас он духовно растет, и вдохновенно изучал каждый экспонат, медленно переходя от одного к другому. И надо было такому случиться, что в том же помещении в самом дальнем углу кто-то зачем-то оставил на полу карбюратор. Ну хоть бы тряпочкой прикрыли! Нет, лежал себе, тускло поблескивая металлическими боками. А папа шел вдоль стендов, неумолимо приближаясь к этому произведению искусства. Не меняя воодушевленного выражения лица, он перевел взгляд со стеклянной поделки на карбюратор, лицо его осветилось еще больше, он завороженно опустился на корточки, и его перестало интересовать все вокруг, включая поделки, маму, нас и мироздание в целом. Стало совершенно очевидно, что папа свою нишу в искусстве нашел.

> Я стремилась смыться из дома куда угодно, только чтобы избежать промывки мозгов.

Мама перепробовала все возможные тактики: и ругалась, и сажала нас всех за стол переговоров, где они с папой два часа рассказывали мне, какую ошибку я совершила, сделав татуировку на руке, и как я потом ее возненавижу, а свести уже не смогу (к

слову, я свою татуировку до сих пор нежно люблю). Папа, видя, что я все чаще ухожу в себя и предпочитаю не спорить, а играть в молчанку, заходил ко мне в комнату и осторожно говорил: «Марин, ну мы не диджеи какие-нибудь, ты с нами поговори хоть!» Я стремилась смыться из дома куда угодно, только чтобы избежать промывки мозгов. Впрочем, в свое оправдание могу сказать, что маму при этом я никогда не обманывала и не утаивала от нее свои планы. Я всегда честно говорила: ушла туда-то, вернусь поздно. Но мои решения не обсуждались. Если я решила, что мне туда надо, никакие скандалы и уговоры моей уверенности поколебать не могли. Мама вставала в дверном проеме «звездочкой», запирала меня на ключ в моей комнате – это не помогало. Ну то есть мама была уверена, что внутри этой комнаты я стою в углу и раскаиваюсь, но я еще в восьмом классе обнаружила, что могу легко просочиться сквозь решетку на окне на улицу (благо, жили мы на первом этаже). Этот трюк я с успехом проделывала вплоть до окончания школы. Но обычно до побега все-таки старалась не доводить, предпочитала действовать более изобретательно. Однажды, не успев доделать уроки и обнаружив, что время подпирает и тусовка уже ждет, сделала одухотворенное лицо и ляпнула первое пришедшее в голову: «Понимаешь, мама, я влюбилась! Я не мыслю жизни без этого человека! Отпусти меня к нему, я должна его видеть!» Всю эту галиматью, не имеющую ничего общего с реальностью, я произнесла не моргнув глазом. Мама – трепетная женщина и вдобавок педагог по образованию, никак не смогла оставить без внимания такое громкое заявление. Она села рядом со мной, взяла меня за руку и, глядя в глаза, стала подробно расспрашивать, что же за любовь у меня там такая. Я уверенно назвала первого пришедшего мне в голову товарища – того самого, который за несколько месяцев до этого разговора встречал нас с папой на пороге моей первой студии. И принялась с жаром его маме описывать. Откуда он всплыл в моей голове? Не могу сказать. Вдохновение нашло. С того моего первого визита в студию мы с ним не раз виделись, пересекались на тусовках, вращались в одной компании, то есть были знакомы, но и только. Я даже близко не была к состоянию «влюблена». Почему он? Может быть, дело в том, что он тоже собирался в тот день в клуб, и я сообразила, что смогу попросить его довезти меня до дома. Надо же было дать маме убедиться, что я не вру. В общем, тронутая душещипательным рассказом мама меня отпустила, я, приехав в клуб, тут же рассказала всем об этом забавном разговоре с родительницей. Главный герой (его звали Андрей, но с большей охотой он откликался на имя Шульц) тоже услышал

эту историю, вместе со всеми посмеялся, а после концерта настоял на том, чтобы все-таки отвезти меня домой и сдать с рук на руки матери (мол, если уж врать, то до конца).

Надо ли говорить, чем обернулась для нас эта милая невинная шутка? С того дня наши отношения стали стремительно развиваться, и в итоге именно Шульц стал моей самой первой настоящей любовью. Потом, перебирая в памяти все события, предшествовавшие тому вечеру, я признавалась себе, что он меня поразил с первого взгляда еще тогда, когда я лицезрела его, стоявшего на крыльце студии. В то время я тусовалась в основном среди обитателей нашего двора, для которых самой яркой вещью в гардеробе был серый свитер. И, увидев, что кто-то позволил себе посреди Казани 90-х годов выкрасить волосы и надеть зеленые ботинки, эффектно дополнив их оранжевыми брюками, поразилась. По тем временам это была неслыханная дерзость, за такой прикид могли и побить. Но Андрей не собирался ни на кого равняться и одевался исключительно так, как считал нужным.

Шульц был старше меня на двенадцать лет (когда мы познакомились, мне было четырнадцать, ему двадцать шесть, разница колоссальная). Он был уже взрослым человеком, прошел огонь и воду, успел пожить в Москве и, поскольку был классным музыкантом, – хорошо пел, играл на гитаре и клавишах, – довольно успешно штурмовал столичный шоу-бизнес. Правда, потом у него в Казани заболела мама, ему пришлось вернуться домой, и больше о Москве он не помышлял, но с удовольствием о ней рассказывал. Я, затаив дыхание, слушала его байки о далеком и таинственном Перово (в моем воображении этот заурядный, скажем так, московский район превращался в какие-то неземные райские кущи). Мне хотелось немедленно купить билет на поезд и оказаться в том дворе, где когда-то жил Шульц, увидеть ту березу, посидеть на той лавочке… Прослушав все истории по десятому разу, я назубок выучила топонимику района и могла уже экскурсии там водить. Рассказчик он был отменный, все надрывали животы, слушая сказки о московских похождениях Шульца, и мне больше всего на свете хотелось поехать туда и повторить все его подвиги. Хотелось, чтобы у меня когда-нибудь тоже началась такая веселая жизнь.

«В Москву, в Москву», – пронеслось в мозгу, и эта мысль меня больше не покидала.

Пообщавшись со мной, глупой восьмиклассницей, Шульц пришел в ужас от того, какой вакуум царит в моей голове. «Что это за поколение икс такое, которое не хочет читать книги?» – возмутился он и принялся меня образовывать. Поначалу я, пропустившая в школе все мыслимые и немыслимые уроки,

пыталась сопротивляться, но он твердо стоял на своем. Каждый вечер читал мне вслух – до сих пор «Маленький принц» звучит у меня в памяти его голосом. Подсовывал какие-то иностранные книги, в массовом порядке начинавшие тогда издаваться в России. Постепенно под его чутким руководством я начала читать сама и не заметила, как втянулась в этот процесс. Он включал мне записи живых концертов «Пинк флойд» и «Дип перпл», причем мы не просто слушали их, а разбирали услышанное буквально по винтикам. Как на уроке музыки. Андрей обращал мое внимание на то, как в той или иной песне сыграли клавиши, как сработала ритм-секция, как в течение одной композиции менялся музыкальный размер. Передо мной открывался новый мир. В музыкальной школе таким вещам не учили, там были привычные уху аккорды, разрешения, арпеджио, и как задавался в начале произведения размер «три четверти», так и шел до конца, вольностей себе классики не позволяли. Разумеется, когда я начала сочинять свои первые мелодии, они шли по той же привычной мне схеме. И вдруг внезапно оказалось, что музыка-то со времен Баха ушла далеко вперед и уже не загнана в рамки стандартных размеров, привычной гармонии и плоских звуков.

Кстати, к тому времени я уже вовсю сочиняла песни, но об этом не знал даже мой брат. И понадобилось несколько лет, чтобы я решилась показать свои творения приятелям. Дело было так: мы сидели в студии, настроение прекрасное, и мы дурачились, импровизируя, кто во что горазд. Сочиняли какую-то смешную ерунду. И вдруг мне пришло в голову спеть «Трудный возраст». Песня была написана давно, и хотя история, в ней рассказанная, выдумана от первого до последнего слова, я полюбила свою лирическую героиню, даже как-то сроднилась с ней. В общем, решила песенку обнародовать. Ребята послушали, замолчали, а потом спросили: «Где ты это взяла?» «Это мое», – говорю. «Надо песню срочно записать и с ней работать». Я помотала головой – ни за что на свете. Это же мое! Личное! Как я его вынесу на публику? Но музыканты – а это была известная казанская команда «ProZ», настояли на своем, и, поскольку я с ними сотрудничать отказалась, записали «Трудный возраст» по памяти, сделали симпатичную аранжировку и показали мне. Я вдруг поняла, что песня получилась замечательная, и решила записать ее – вдруг забуду, жалко будет. Так родилась первая запись моей первой песни.

С появлением в моей жизни Шульца постепенно все вошло в колею, даже отношения с мамой стали налаживаться. Она радовалась тому, что у меня появился молодой человек, едва ли не больше, чем я сама. И даже устрашающий внешний вид моего

любимого ее совершенно не насторожил. Шульц сразу показался ей человеком надежным: в первый же вечер, доставив меня домой с той памятной вечеринки, он галантно представился маме и мгновенно ее очаровал. Временами мне казалось, что моя мама и мой парень между собой общаются даже больше, чем со мной. Она кормила его пирожками, он с удовольствием ел и нахваливал ее кулинарные способности. Мама прекрасно осознавала: если кто и способен контролировать мои импульсивные порывы и удерживать в рамках – то только Андрей. Он и сам часто говорил: «Дочь вашу надо приструнить, а то кругом этот шоу-бизнес, кто его знает, куда ее занесет! Надо, чтобы рядом с Мариной был кто-то надежный, вроде меня». Я, конечно, посмеивалась, но признавала, что влияние он на меня имеет огромное.

А однажды Шульц заявился к нам домой и вид имел весьма подозрительный. Нацепил брюки, которые у него в гардеробе считались условно парадными (гладил, судя по всему, сам). Сиял, как медный пятак, и при этом трясся крупной дрожью. Я почувствовала неладное – до этого момента мужчин в таком состоянии никогда не видела. В одной руке у Шульца был букет, второй он крепко сжал мои пальцы, подвел меня к маме, протянул ей цветы и срывающимся голосом сказал: «Светлана Викторовна, я вашу дочь забираю». Мама была увлечена просмотром по телевизору какого-то очень важного, я бы даже сказала, ключевого сериального момента, поэтому на нас даже не взглянула, только кивнула – забирайте, мол. У Андрея вытянулось лицо. Он пожал плечами, и мы с ним направились к выходу. И только через пять минут после того, как хлопнула дверь, до мамы медленно начало что-то доходить. Она сопоставила его брюки и букет, которые видела краем глаза, с его дрожащим голосом и произнесенной им фразой. Выключила телевизор, медленно дошла до комнаты брата и осторожно его спросила: «Я не поняла, это что такое сейчас было?» «Дочь твою замуж забрали!» – ответил брат, который, как оказалось, давно был в курсе намечающихся событий, дал Шульцу свое братское благословение и удивленно прислушивался к реакции мамы, ожидая бурных эмоций. А мама, как она потом призналась, в тот момент решила, что Андрей меня забирает не замуж, а на какую-то очередную тусовку, поэтому и не отреагировала. На следующий день мама вместе с папой прискакали к нам домой, чтобы еще раз обсудить этот волнующий эпизод – уже во всех подробностях. Шульц уже не был столь взволнован. «Я, говорит, вообще-то вчера к разговору готовился, а вы своим кинематографом мне весь настрой сбили!» Веселый парень…

Со мной, кстати, мое замужество вообще никто не обсуждал –

ни Шульц, ни Максим, введенный в курс дела. Для меня это явление Шульца с цветами было еще большей неожиданностью, чем для мамы. Я тогда только окончила школу и совсем не видела себя в роли невесты, продолжая оставаться абсолютным, незамутненным, стопроцентным ребенком. Я все так же лазила по заборам и подбирала на улице всякую живность. Примерно за месяц до описываемых событий шла домой через рынок и увидела там женщину, продававшую цыплят. «Все, решено! Во что бы то ни стало спасу хотя бы одного, выращу его, и он будет моим другом, моей Черной курицей», – решила я, приобрела цыпленка и приволокла его домой. Он был смешной такой, глупый, с забавным хохолком на голове. Со всей цыплячьей непосредственностью носился по дому, бегал по столу между тарелками, а жил в ящике кухонного стола, откуда я предварительно выгрузила ставшие уже ненужными школьные учебники. Ни в какую клетку я сажать его не собиралась, это же был домашний питомец. Закончилось все тем, что его сожрал другой домашний питомец – мой кот. Ну и как, скажите на милость, брать в жены девочку, у которой на уме одни цыплята? Но Шульц был уверен в том, что рано или поздно вырастит из меня человека, воспитает, как тогда говорили, «под себя». Относился он ко мне очень бережно и внимательно, хотя особо не баловал. Впрочем, мне всегда до лампочки были темы, касающиеся денег, быта, нарядов и прочей ерунды. Правда, один раз я его попросила зайти в магазин, да и то не ради себя. Так получилось, что я посеяла мамины туфли – взяла их на какое-то мероприятие, положила в сумку и благополучно где-то оставила. Надо сказать, что этот трюк я проделываю с завидным постоянством уже больше тридцати лет: если что-то держу в руках – обязательно забуду или потеряю. Сколько я телефонов похоронила таким образом – сосчитать не могу. Паспорта не успеваю восстанавливать. Близкие знают эту мою особенность, и, когда мы летим или едем на гастроли, мне мой паспорт даже в руки не дают. Обязательно потеряю. В этом деле я прямо мастер спорта. Ну и в тот день тоже продемонстрировала свое умение: мамины туфли фантастическим образом растворились где-то по дороге домой. Я очень расстроилась и, рыдая, пожаловалась Андрею. Он сразу отправился по магазинам искать точно такие же туфли. Я знаю, что для него это оказалась довольно серьезная трата – заработок музыканта в то время в Казани был невелик. Но он меня ни словом не упрекнул за мою рассеянность, просто пошел и купил туфли. Я написала маме очень красивое письмо: «Мамочка, я тебя так люблю, а у тебя такие старые туфли, поэтому мы с Андреем купили тебе новые», вложила это письмо в

коробку и торжественно вручила ее маме. Она по сей день думает, что это был мой широкий жест, подарок от всей души. Надеюсь, прочитав эти строки, мама меня простит и все поймет!

Кстати, не могу сказать, что переезд к молодому человеку автоматически освободил меня из-под опеки взрослых. Никакой свободы я не получила. Андрей не сомневался, что мне обязательно надо поступить в институт, и я под его чутким руководством стала готовиться к экзаменам. Давалось мне это нелегко, поскольку последние два школьных года я благополучно проспала, уронив голову на парту. Одни учителя махнули на меня рукой, другие пытались как-то растормошить. Помню, химичка посадила нас с подругой Алсу – такой же «прилежной» ученицей, как и я, – на первую парту и сказала: «Сейчас я дам вам задачи, которые вы должны прямо сейчас решить, а иначе двойка в году!» И начала быстро, не глядя на нас, без малейших пауз, зачитывать названия элементов, перечисляя все эти калии и магнии без запятых. Мы сначала пытались вникнуть в суть происходящего, потом поняли, что безнадежно заблудились в этих дебрях, но так как училка на нас даже не смотрела, Алсу ее решила притормозить. Она обернулась к классу и громко спросила: «А вы случайно не знаете, с кем это она сейчас разговаривает?» В общем, пришлось долго поливать химичке цветы в кабинете, чтобы она немного сменила гнев на милость. Козырь у нас с Алсу был только один – мы знали наизусть невероятное количество стихов, увлекались поэзией Серебряного века и могли цитировать Ахматову, Цветаеву, Маяковского и Есенина без остановки часами. Однажды учительница литературы объявила, что отныне всех опоздавших ждет суровое наказание: они должны будут рассказать стихотворение. Любое. Если опоздают снова – еще один стих. Повторяться было нельзя, иначе сразу двойка в журнал. И мы поняли, что нащупали золотую жилу. С тех пор на литературу вовремя мы не пришли ни разу. Опаздывали стабильно минут на пять-десять и получали свою минуту славы, декламируя любимые произведения. Я любила задвинуть с выражением что-то вроде: «В сто сорок солнц закат пылал!» Произведение, как вы помните, весьма внушительных размеров. Одноклассники были в восторге, потому что задерживался урок, а учительница – потому что мы демонстрировали блестящее знание предмета. Но на общий уровень знаний мое увлечение поэзией никак не влияло, и, хотя из школы меня выпустили с приличными оценками, подготовка к вступительным экзаменам далась с трудом. Поступать я пошла за компанию с подругой – в технический университет имени Туполева. Когда спустя месяц я встретила на улице свою

математичку и сообщила ей название вуза, в который меня приняли, ее чуть было не хватил удар: «Марина, как тебе удалось?!» Я ее понимаю. Математика была тем предметом, по которому у меня стоял бы твердый ноль, если бы такая оценка существовала в природе. Все эти синусы с котангенсами остались для меня темным лесом. Но секрет заключался в том, что в техническом университете незадолго до моего поступления открылся факультет связей с общественностью. О нем практически никто не знал, конкурс – полтора человека на место, экзамены сдавались исключительно гуманитарные, хорошо мне знакомые, и поступила я без труда.

Я была на сто процентов уверена, что жить в Казани не буду, и усиленно готовилась к переезду в Москву. И вот с этим пунктом у нас возникали самые большие проблемы. У Андрея были совершенно другие планы на будущее. Он собирался на мне жениться и жить правильной семейной жизнью, никуда не уезжая, не пытаясь поймать за хвост какую-то там призрачную удачу. Относился он ко мне очень серьезно. Да и я его любила и очень хотела быть с ним, но только будущее свое рисовала совсем по-другому. Я всегда была максималистом и не собиралась останавливаться на достигнутом. Мне надо было двигаться дальше – к другим площадкам (в Казани я по сто раз уже отыграла в каждом клубе), к другим ротациям на радио (в местном эфире мои песни уже звучали, мне этого стало мало). Мы часто говорили о моем отъезде. Сначала Андрей пытался меня отговаривать, потом уговоры превратились в скандалы. Каждый вечер я хватала в охапку своего кота и уходила к маме, предварительно от всей души хлопнув дверью. Наутро возвращалась в компании все того же кота. Бабушки на лавочке с воодушевлением следили за моими перемещениями и делали ставки, сколько раз я еще буду уходить и возвращаться. В запале Андрей даже совершил невозможное – отправил по всем своим московским знакомым мои песни. Может быть, он хотел, чтобы отовсюду ему написали: «Песни ужасные, не надейся, лучше выкинь их в ведро». И чтобы я прочитала эти слова и успокоилась. Но все пошло не так. Первый же ответ из крупнейшей на то время московской студии «Союз» был таким: «Немедленно приезжайте, будем работать. Песни классные, только их надо слегка подправить и перезаписать». Шульц поступил благородно, утаивать от меня это письмо не стал. Но ехать отказывался наотрез. Сейчас я его хорошо понимаю – он уже был в Москве, все видел своими глазами и знал, что жизнь там весьма и весьма нелегкая, мало общего имеющая с веселыми байками о районе Перово. Еще раз входить в ту воду он не хотел категорически. Но

и отпускать меня не собирался. Боролся, как мог. Но я понимала, что даже такая огромная любовь, которая была между нами, не способна меня удержать.

Но я понимала, что даже такая огромная любовь, которая была между нами, не способна меня удержать.

На мою сторону, как всегда, встал папа. Тем более что подвернулся замечательный случай – в Казань приехали ребята из Москвы и предложили: «Давайте мы поживем некоторое время в вашей квартире, в Марининой комнате, а ей предлагаем перекантоваться у нас в Москве. Там, правда, живет одна девочка, но квартира большая, часть комнат пустует. Пусть подселяется». Предложение всех устроило, мы ударили по рукам, я записала их московский телефон и адрес, папа предварительно позвонил моей гипотетической соседке, она подтвердила: «Конечно, пусть приезжает». Все мои вещи, все, что было нажито за семнадцать лет, легко поместились в один клетчатый баул, впрочем, неожиданно тяжелый. Как потом выяснилось, сердобольная мама, ничего не сказав мне, положила на дно сумки баночку варенья (литра два, не меньше), чтобы дите не оголодало в этой самой Москве. Стоя на перроне в ожидании поезда Казань – Москва, я натурально заливалась слезами: уезжать из родного города, оставляя в нем любимого человека, на деле оказалось очень непросто. Я строчила Андрею сообщение за сообщением, маялась, страдала, но в глубине души знала – ехать надо.

Ууезжать из родного города, оставляя в нем любимого человека, на деле оказалось очень непросто. Я строчила Андрею сообщение за сообщением, маялась, страдала, но в глубине души знала – ехать надо.

На следующий день, выйдя из поезда на Казанском вокзале и ступив на московский перрон, я готова была прыгать от счастья. Вот она – свобода! Я – в сказке! Могу идти куда захочу, могу купить себе что понравится, сотворить что угодно. Да вот прям здесь, на перроне, улягусь – и никто слова мне не скажет. И ругать не станет. И я двинулась навстречу этой свободе и этой сказке. Маленькая девочка в огромных ботинках, с дредами на голове, волокущая за собой по перрону огромную клетчатую сумку, за которой тянулся кровавый след (это разбилось варенье, о котором я до последнего момента даже не догадывалась).

Я знала, что с голоду не помру, и даже если ни один из музыкальных лейблов мной не заинтересуется, пойду

играть на гитаре в переходе.

В том, что у меня все получится, я тогда не сомневалась ни секунды. Мои песни придавали мне уверенности. Я знала, что с голоду не помру, и даже если ни один из музыкальных лейблов мной не заинтересуется, пойду играть на гитаре в переходе. Меня не смущала перспектива стать уличным музыкантом. Я человек неизбалованный, быт меня никогда не интересовал, а на кусок хлеба и стакан чая я себе заработаю всегда. Размышляя на эту тему, я оставила сумку, истекающую вареньем, в камере хранения на вокзале и отправилась по тому адресу, который дали наши постояльцы. Выйдя из метро «Царицыно» и уверенно дойдя до искомого дома, вместо него я обнаружила… заброшенное полуразрушенное здание без окон, без дверей. Поблуждав по его лабиринтам, я наткнулась на компанию развеселых бомжей, которые наслаждались жизнью. Перед ними стояла бутылка водки, а рядом на газетке – единственный огурец, разрезанный на кусочки по числу участников трапезы. Они страшно удивились, выслушав мою историю о том, что именно тут я и должна жить, радушно предложили присоединиться к их компании, выделили место на матрасике в углу и предложили водки и огурца. Я вежливо отказалась и побрела восвояси. Зашла в соседний дом – жилой, по счастью, – постучалась в первую попавшуюся квартиру, сказала, что мне срочно надо позвонить в Казань, меня (убей не понимаю почему) пустили и дали телефон. Я бодро сообщила Шульцу, что потерялась, где жить теперь не знаю и где меня искать теперь в Москве – не представляю, и положила трубку. Делать нечего, надо было отправляться обратно на вокзал. Я шла по улице под проливным московским ноябрьским ливнем, и тушь стекала по щекам. Только что я обнаружила: меня банально кинули (этим ушлым ребятам, нашим постояльцам, надо было перекантоваться в Казани, и они дали мне несуществующий адрес и телефон, по которому отвечала специально обученная девушка). Жить мне было негде. Денег в обрез. Возвращаться в Казань нельзя, это значило бы, что я сдалась прямо на старте. Что бы сделал на моем месте любой человек? Правильно, отчаялся бы. А я была счастлива. Ведь я в Москве! Что еще надо?

Остаток дня я разъезжала по городу, удивляясь, что так легко ориентируюсь в метро, которое до этого видела только на картинках. Я съездила в благословенное Перово, посмотрела на тот самый двор, увидела сломанную березу и лавочку у подъезда, убедилась, что все именно так, как я себе и представляла. А когда пришло время ложиться спать, вернулась на вокзал. Тогда в зал ожидания еще можно было войти без обратного билета.

Милицейские рейды, конечно, ходили и интересовались у подозрительных личностей, почему они там ошиваются, но я и тут нашла способ избежать неприятностей. Я заприметила столик в пельменной на втором этаже, села, поужинала и решила спать прямо тут же, сидя за столиком, положив голову на сцепленные руки. Когда поблизости появлялся наряд милиции, официантка подходила ко мне и шепотом говорила: «Пссс!» Я вставала и плелась в соседнее здание в женский туалет, а через двадцать минут возвращалась за свой столик и продолжала спать. Наутро в том же туалете умылась и отправилась снова покорять Москву.

В компании «Союз», на которую я надеялась, с распростертыми объятиями ко мне никто не кинулся. Нет, они были не против поработать, но не сейчас, чуть позже, когда у них на меня появится время. Просили оставить телефон и заходить почаще. Впрочем, я понимала, что свет на них клином не сошелся и остаются другие компании. Я методично обошла их все, закинула менеджерам кассеты со своими записями. Побывала и на «Русском радио», вручила вахтеру свою кассету в полной уверенности, что со мной, такой суперзвездой, свяжутся на следующий же день (не знаю, на что я тогда рассчитывала. На то, что они на вокзал позвонят? В пельменную? Попросят Марину с третьего столика?). Но в конечном счете все это было не важно – меня просто переполняли эмоции, радость хлестала через край. За целый день я могла съесть один пирожок, с этим пирожком в зубах радостно бросалась выходить из метро там, где написано «Вход», с просроченным билетиком ломилась в турникеты, возмущаясь, что ничего не работает. Пару раз загремела в кутузку, потому что нарвалась на проверку документов и прописки, которой у меня, как вы понимаете, не было. Но я все равно оставалась уверена в том, что этот город – мой и что у меня в итоге все получится.

Пару раз загремела в кутузку, потому что нарвалась на проверку документов и прописки, которой у меня, как вы понимаете, не было. Но я все равно оставалась уверена в том, что этот город – мой и что у меня в итоге все получится.

Несмотря на все это броуновское движение, которое я сама себе организовала в Москве, рационализм не покинул меня окончательно. Памятуя о том, что я студент и не за горами первая сессия, я записалась в Ленинскую библиотеку. Одной из первых лекций, которую я прослушала на факультете связей с общественностью Казанского технического университета, была как раз лекция о том, как же повезет студенту, если он хоть раз в

жизни попадет в Ленинку. Эти слова я запомнила. В один из первых дней в Москве решила, что именно я должна стать этим студентом-счастливчиком, и поехала искать библиотеку. Открыла тяжелую дубовую дверь, а за ней – тишина. Абсолютная. И только часы отстукивают секунды, и этот звук разлетается по залу. Массивные столы, зеленые лампы, огромные тяжеленные стулья. Я проводила там по несколько часов в день, читая, пока не начинали болеть глаза, а потом, устав грызть гранит науки, отправлялась на станцию метро «Александровский сад» – послушать местных музыкантов. Ребята играли отлично, я быстро нашла с ними общий язык и уже на третий день присоединилась к их группе. Конечно, все они были немножко раздолбаи, зато музыканты – от бога, и могли сыграть на слух все, что угодно. Мы пели все, чего просили наши души и отдельные поклонники, которые тут же завелись у нашей группы. Мне казалось, что я круче всех этих звезд из телевизора, потому что делала настоящую, живую музыку с настоящими, реальными музыкантами. Эти парни совершенно не парились ни о своем сегодняшнем заработке, ни о своем будущем – просто играли то, что нравится. Такой драйв был! А за это люди добрые нам еще и платили – подкидывали деньги в раскрытый футляр от альта. Пусть и немного, но на чебуреки и кока-колу хватало. Правда, часть наших средств в обязательном порядке уходила стражам порядка. Милиция никогда не упускала повода к нам придраться, нас часто затаскивали в кутузку, и приходилось откупаться – в том числе и затем, чтобы позволяли стоять в этом переходе. Иначе выгнали бы и пришлось бы искать другое место.

А в том, другом, тоже свои блюстители… В общем, схема понятна. Конечно, особого уюта в нашем подземелье не наблюдалось: сквозняки и холод. Да и присесть некуда – когда ноги совсем уставали, плюхались прямо на цементный пол или на собственные куртки. Но это была настоящая жизнь. Я мгновенно обзавелась знакомствами среди коллег – таких же уличных музыкантов. Правда, случались и встречи, узнав о которых, мои родные пришли бы в ужас. К примеру, частенько мы по-приятельски общались с настоящим бомжом – жуткого вида, грязным, вонючим. Звали его Саша, и он, приняв на грудь, утверждал, что Александровский сад назван в его честь.

Такая развеселая жизнь – библиотека, музыканты в переходе, а ночью Казанский вокзал – продолжалась больше недели. Как бы хорошо и свободно я себя ни чувствовала в тот момент, в глубине сознания вертелась мысль о том, что все-таки бомжевать не годится и надо попытаться вернуться домой. Как-то я с трудом смогла из автомата дозвониться до Шульца и сказать, что я жива-

здорова, ночую на вокзале. Однажды утром, разлепив глаза за столиком любимого кафе, обнаружила его перед собой – злого, издерганного. Объяснив мне, как называется все, что я тут творю, он схватил меня за руку, повел к кассе, купил обратный билет в Казань и на следующий день сдал с рук на руки родителям. Постояльцы наши, отправившие меня в путешествие по несуществующему адресу, в тот момент уже съехали и только поэтому, видимо, остались живы и не покалечены: папа, услышав мой рассказ об их подставе и о разрушенном доме, был в жуткой ярости.

Вот так окончилась моя пробная поездка в Москву. Но все это только укрепило меня в мысли, что я на правильном пути и надо попытаться вернуться туда. На этот раз уже папа приступил к руководству, позвонил своей сестре, которая жила в подмосковном Дмитрове, посадил меня в машину, довез до квартиры и сдал родственнице с рук на руки. И я вновь оправилась в путешествие по лейблам и звукозаписывающим студиям. Тогда, впрочем, это никого не удивляло, многие ныне известные и маститые артисты в самом начале творческого пути мотались по стране с сумками, битком набитыми кассетами со своими записями, в надежде, что кто-то их расслышит. Я методично обходила студию за студией, реакции не было никакой, и я начала волноваться. Поначалу мне казалось, что все должно получиться легко и гладко, ведь в Казани было именно так. Я, шестнадцатилетняя девочка с хвостиками, пришла на радио и спросила: «Где у вас тут главный редактор?» Мне объяснили, в какой кабинет идти. Захожу. Там сидит такая большая женщина, очень добрая, и спрашивает меня: «Маленький, ты куда? К кому?» Я говорю: «К редактору. Вот мои записи». Через несколько дней их уже крутили в эфире. И в московские клубы я рассчитывала пробиться так же легко, как в родном городе. Но на деле все оказалось не столь просто. Я прошла по всем концертным агентствам, рассказала, что готова выступать «на разогреве». Гонорар в то время значения не имел никакого. Как говорится, «нам хлеба не надо, работу давай!». Предложений оказалось не так чтобы очень много, но они были. Я писала песни для группы под названием «Ш-cola». Они, кстати, до сих пор стоят в Интернете, я указана там как автор и исполнитель. Также в моей трудовой биографии есть совершенно феерическая работа с группой «Губы». Я записала вокальные партии для коллектива, который замыслили как полностью продюсерский, то есть организовали кастинг, и сотни девочек с ногами от коренных зубов собрались на прослушивание. Точнее, на просмотр – никакого извлечения звуков не предполагалось,

петь за них должна была я. Меня очень забавляла эта длиннющая очередь из красоток. Я разгуливала между ними в своих дредах и прикидывала, кому же достанется мой голос. Потом вдруг продюсеры осознали, что с этими моделькими ничего, кроме клоунады, у них не выйдет, и предложили мне выйти на сцену самой. «Только надо тебя немного приодеть», – сказали они, критически оглядев мои джинсы и растянутую майку. «Да мне без разницы, только давайте обойдемся без перьев и прочих страз». Из меня решили сделать девочку – купили мне корсет и силиконовые накладки на отдельные части тела, которые, по мнению продюсеров, были у меня недостаточно выпуклыми. Что сделала Марина, увидев эти силиконовые липучки? Она сначала напялила липучки поменьше себе на голову и принялась носиться по офису с воплями о том, что она теперь космонавт, а потом налепила липучки побольше на то место, где им и положено быть, прямо поверх джинсов, и станцевала танец имени Дженнифер Лопес. В общем, группа «Губы» почила, так и не успев родиться.

Москва постепенно обтесывала меня. Я становилась настоящим столичным жителем, научилась ловко ориентироваться в метро и на улицах, проходить мимо милицейского патруля так, чтобы меня приняли за местную и не остановили. Это оказалось очень просто: надо всего лишь идти уверенно и быстро, не улыбаясь и глядя перед собой сосредоточенно и серьезно. Как только я эту науку освоила, меня перестали забирать в «обезьянник» и жить стало значительно легче. Но с финансовым благополучием дело по-прежнему обстояло не важно. Жить в Москве бесплатно не получалось. Я съехала от родственников, которых не хотела обременять (да и мотаться каждый день на электричке из Дмитрова в Москву было несподручно), и сняла однокомнатную квартиру на двоих с подругой-танцовщицей. Плата была небольшой, всего по тридцать долларов в месяц, но эти деньги тоже где-то предстояло раздобыть. И в какой-то момент, отчаявшись ждать отклика с «Русского радио», я вдруг подумала: «А может быть, мама права? Может быть, действительно надо искать хорошую работу – страховым агентом стать, не знаю, или клерком каким-нибудь… А музыку оставить только как хобби? Может быть, это будет правильно?» И я отправилась по собеседованиям. К моему удивлению, меня не брали даже страховым агентом – уж очень вызывающими были мои дреды и клетчатые шарфы, вечные гриндерсы и кепки. Помыкавшись по собеседованиям, я наконец нашла себе работу… в банке. Да, в банке. Представьте себе. В банке из-под пепси-колы. Я ходила по улицам в костюме банки и

раздавала рекламные листовки. Работодателей не волновал мой внешний вид, потому что банка его надежно скрывала. Я начала получать более-менее стабильный доход. А с музыкой завязала. Ну, по крайней мере, на тот момент я была в этом абсолютно уверена. Кому нужны мои песни? Мою судьбу, как всегда, решил случай.

Глава 3. Перевернуть планету вверх дном

Работа в банке и редкие концерты постепенно стали приносить более-менее устойчивый доход. И хотя жизнь моя была максимально далека от идеала, я смогла совершить еще один шаг в его направлении и позволила себе снять однокомнатную квартиру, ни с кем ее не деля. Нашла фантастически заманчивое предложение – шестьдесят долларов в месяц (копейки!) – да еще и в любимом мной Царицыне. Кстати, недалеко от того памятного разрушенного здания, где двумя годами ранее почти разделила трапезу с бомжами. Здание было на месте. Бомжи наверняка тоже. На всякий случай проверять их наличие я не стала. Впрочем, дом, в котором я нашла себе жилье, не сильно от тех руин отличался. Едва войдя в подъезд, я сразу поняла, почему за квартиру просят столь фантастически маленькие деньги. Дом выглядел так, будто его бомбили. В полу зияли сквозные дыры, и при желании можно было рассмотреть, что делается в подвале. Квартира оказалась примерно в таком же состоянии, но с моим тогдашним доходом привередничать не приходилось, и я туда переехала. В первую же ночь обнаружила, что живу не одна – на кухне откуда ни возьмись (скорее всего, из подвала) материализовалась огромная рыжая крыса. Чувствовала она себя там по-хозяйски и страшно удивилась, когда обнаружила, что на ее законной жилплощади поселился кто-то еще. Окинув меня оценивающим взглядом, крыса вернулась к инспекции кухонных ящиков и столов. Ассортимент мою соседку вполне удовлетворил, особенно ее вдохновили сосиски. Крыса аккуратненько выгрызла их из полиэтиленовой оболочки, а потом поволокла эту шкурку куда-то в укромный уголок. Я – юный натуралист со стажем – не могла упустить редкий шанс и решила завязать с ней отношения. Для начала, думаю, надо бы ее искупать, все-таки подвальный житель, кто знает, какая там антисанитария. Положила в ванной кусочек сыра и заняла наблюдательный пост в коридоре на полу. Жду крысу, а чтобы не терять время даром, пишу песню «Ветром стать». Когда был дописан второй куплет, крыса обнаружила свое присутствие – вальяжно продефилировала по коридору в ванную. Зашла, осмотрелась, увидела сыр и замерла в нерешительности: есть явно хотелось, но смущали лужи на полу ванной: мокрые лапы, видимо, не входили в планы животного. Знаете, что она придумала? Вспомнила про шкурки от сосисок, которые сама же недавно где-то заныкала. Принесла эти шкурки в зубах в ванную.

Постелила их на пол. И по ним уже дошла до сыра. Я, воспользовавшись тем, что крыса увлеклась трапезой, ее поймала – опыт-то у меня внушительный, и ужей, бывало, ловила, и ящериц. Посадила в ванну, пустила струю воды из крана – крыса моя как завизжит! У меня чуть уши не лопнули. Вывернулась она из моих цепких объятий и исчезла в ближайшей дырке в стене. Больше я ее не видела. Что характерно, других крыс в квартире тоже не наблюдалось, хотя в подвале они тусовались большой толпой. Видать, моя передала товарищам по цепочке: «Не ходите туда, там, конечно, сосиски дают, но зверей при этом мучают так – живыми не уйдете».

Так я и жила – одна в пустой квартире с дырявым полом и трещинами в стенах. Впрочем, одиночество продлилось недолго. Мои казанские друзья быстро прознали, что у Марины есть теперь своя хата, где можно перекантоваться в случае необходимости, и ко мне потянулась вереница близких и дальних друзей. Кто-то уже освоился в Москве и возил по студиям свой новый материал, кто-то приезжал впервые и делал робкие попытки утвердиться в шоу-бизнесе. Вопросов, где жить, у них не возникало. Иногда у меня на полу одновременно размещались на ночлег до десяти человек. Особо дорогие гости купили свои именные матрасы и, приезжая, имели гарантированное спальное место. Одним из таких гостей был Шульц. С того момента, как мы расстались, прошло уже много времени, раны в душе затянулись. Мы постепенно начали общаться снова, как хорошие друзья, а потом и вовсе стали друг другу кем-то вроде близких родственников. Дружили семьями. Он женился на девочке, которая давно ему симпатизировала, у них родился сын, и я наблюдала, как он растет. Шульц часто бывал у меня в гостях и однажды прямо с порога объявил:

«У меня для тебя есть подарок!» На его раскрытой ладони сидел маленький мышонок. «Вот тебе друг, – сказал Шульц, – он, когда вырастет, сожрет всех твоих врагов!» Андрей все-таки очень хорошо меня понимал и знал, что мне просто жизненно необходим был хоть какой-нибудь домашний питомец. Мышонка назвали Доберманом, через несколько месяцев он превратился в огромную крысу, но был абсолютно ручным. Ездил вместе со мной по важным делам, сидя либо в кармане, либо у меня на плече. Мы понимали друг друга без слов, и нам было очень хорошо вместе.

Жизнь была прекрасна. За одним только маленьким исключением – концертов становилось все меньше и меньше. Я радовалась любым предложениям, мчалась куда-то в Подмосковье на какие-то сомнительные площадки, где кроме меня выступали

еще сорок человек. Но постепенно иссякли и они, наступило полное затишье. Обо мне забыли. «Пора возвращаться в Казань к маме с папой», – решила я и начала собирать вещи. Но однажды в квартире раздался звонок. «Мы приглашаем вас выступить на большом фестивале в Питере». Я купила билет в общий вагон (на другие не было денег) и поехала, уверенная, что опять позвали спеть у кого-нибудь «на разогреве». Ранним утром выхожу из поезда на Московском вокзале – мне навстречу охранники. Красивые. В пиджаках. Ну, думаю, не иначе звезда какая-то в поезде едет, сейчас встречать ее будут с музыкой. Оглянулась даже – нет, вроде никого. Иду себе дальше. Мне наперерез бросается организатор с букетом. «Здравствуйте, мы вас ждем, проходите, пожалуйста». И цветы мне вручает. Сажает в машину, везет в гостиницу. «Ой, неудобно-то как. Перепутали меня с кем-то. Скандал будет!» – думаю я, глядя в окно машины на пробегающие мимо питерские улицы. И вдруг краем глаза замечаю афишу того самого фестиваля, на который, собственно говоря, приехала. И там между группами «Звери» и «Дискотека Авария» стоит некая «Макси-М». «Это вообще кто? Может, это действительно я? Ну ладно, была не была, выйду на сцену, спою две песни и сбегу потом на поезд, пока не поймали и не объявили самозванкой». С этими мыслями я шагнула из-за кулис к микрофону.

> Я не понимала, что происходит. Еще вчера я сидела дома и, глядя в глаза своей крысе, говорила ей о том, что мы уезжаем в Казань, потому что никому не нужны, а сегодня стою перед огромным залом, и пятнадцать тысяч человек поют мою песню.

То, что произошло потом, не укладывается у меня в голове до сих пор. Пятнадцать тысяч человек, увидев меня, разом начали аплодировать, кричать, в зале началась какая-то вакханалия. Овации были такими, что я не могла начать выступление. Просто опустила микрофон и стояла, выжидая, когда зал немного затихнет. А когда зазвучали аккорды «Трудного возраста», зрители запели. Хором. Я не понимала, что происходит. Еще вчера я сидела дома и, глядя в глаза своей крысе, говорила ей о том, что мы уезжаем в Казань, потому что никому не нужны, а сегодня стою перед огромным залом, и пятнадцать тысяч человек поют мою песню. Дослушав свою композицию в исполнении зрителей, я поклонилась им и медленно, совершенно ошарашенная, ушла за кулисы. Вечером заперлась в номере в ожидании обратного поезда, села на диван и долго раздумывала на тему: «Это вот что сейчас происходило?» В Москве я была

абсолютно оторвана от медийной жизни: газет не читала, телевизора и радио, а уж тем более Интернета не имела. И я знать не знала, что мои песни уже давно просочились в Сеть и зажили там очень активной, отдельной от меня жизнью. Люди их искали, скачивали, слушали, особо ушлые продавцы помещали композиции на самопальные сборники, называя меня там то певицей Светой, то почему-то группой Тату. Самые осведомленные придумали какую-то Макси-М (ее я и видела на афишах фестиваля). Люди учили песни наизусть и очень хотели выяснить, кто же это все сочинил и поет. Я знать не знала ни о чем! И если бы не это приглашение на фестиваль – уехала бы в Казань учить детей музыке. И вместо певицы Максим жила бы сейчас на свете преподаватель сольфеджио Марина Сергеевна.

> И если бы не это приглашение на фестиваль – уехала бы в Казань учить детей музыке. И вместо певицы Максим жила бы сейчас на свете преподаватель сольфеджио Марина Сергеевна.

Едва поезд Санкт-Петербург – Москва примчал меня домой, вокруг началось активное движение. Звонили представители самых разных лейблов, предлагали заманчивые контракты. К счастью, в этом вопросе я была тогда уже стреляным воробьем. За два года до этого, бродя от продюсера к продюсеру с сумкой своих кассет в руках, я заглянула в том числе и в компанию Арс, которой руководил Игорь Крутой, и там познакомилась с прекрасным человеком – Вадимом Боднарюком. Он был директором Арса – крупнейшей по тем временам компанией, любой музыкант посчитал бы за честь просто войти в эти двери и не быть изгнанным. И я, девчонка, мечтала о том, что мной будет заниматься Игорь Яковлевич. Вадим хотя и понимал, что я им совершенно не подхожу (прежде всего из-за моего строптивого характера), но тем не менее всегда был со мной подчеркнуто вежлив. Он совершенно безвозмездно прочитал мне целый курс лекций по юридическому ликбезу, поясняя на пальцах, какие ловушки поджидают человека в каждом контракте и что стоит за каждым хитрым вычурным речевым оборотом. Впоследствии я не раз видела, как молодые артисты губили себя, попадаясь на удочку: «Ой, мне предложили контракт в Москве». И подписывали все бумаги, не глядя, не вчитываясь, обрекая себя на годы творческого простоя. Неопытный певец, заключая контракт, уверен в том, что отныне им будут заниматься, не дадут пропасть и введут в высший свет российского шоу-бизнеса. На деле все получается совсем не так. Если ты талантливый, молодой и красивый – тебя подпишут на лейбл. Но заниматься будут не

тобой, а другим артистом – менее талантливым и красивым, но одарившим компанию не песнями и стихами, а папиным бюджетом. А твои песни придержат до лучших времен – авось как-нибудь сами выстрелят. При этом распоряжаться ими ты не сможешь. Подписал контракт на пять лет? Свободен. И в результате огромное количество артистов мечтают не подписать контракт хоть с кем-нибудь, а расторгнуть уже имеющийся, который связывает их по рукам и ногам.

Наученная горьким опытом своих коллег, я не подписывала ничего до тех пор, пока не пришла в компанию «Гала-рекордз». Туда я отправилась не с пустыми руками, а прихватив с собой копию записи того самого фестиваля в Санкт-Петербурге, на которой видно, как пятнадцатитысячный зал хором поет песню «Трудный возраст». Мы с «Гала-рекордз» друг другу сразу подошли. Я не говорила: «Сделайте из меня звезду, и побыстрее». Они не обещали: «Девочка, мы сделаем тебя лидером всех хит-парадов прямо завтра» – и не пытались меня обдурить. Видели, что пришел готовый артист, сделавший уже очень многое и при этом не вложивший в свою раскрутку ни копейки. Единственный их минус (обернувшийся впоследствии плюсом) – до меня «Гала-рекордз» занималась только продажей пластинок, у них был каталог одной из крупнейших европейских компаний EMI, были стеллажи с дисками, и они знали, как продавать уже готовое. А как создавать новое имя – не знали. Мы договорились, что будем пробовать и учиться, пусть даже на ошибках. Подписали в результате не контракт, а некое трудовое соглашение, с которым и проработали десять лет.

У меня началась совершенно новая, интересная и насыщенная жизнь. Мы действовали по наитию, совершали ошибки, дело шло не так быстро, как бы нам того хотелось, но работа приносила колоссальное удовольствие. Мы всегда оставались командой: вместе придумывали новые ходы для того, чтобы о певице Максим узнали как можно больше людей. Бюджета при этом у нас не было никакого. Единственное, во что мы вложились – в съемки клипа «Трудный возраст», потратили на него аж целых шестнадцать тысяч рублей! Снимали в Таллине, сценарий писали, что называется, «на коленке» в поезде по дороге на съемочную площадку. Изначально предполагалось, что я буду романтично ехать куда-то вдаль на мопеде, с голубым шарфиком, развевающимся за спиной, и в очках-«кошках». Но я, прочитав этот вариант сценария, сказала: «Этого не будет. Ребят, ну какой шарфик, вы что?» И мы быстро принялись переписывать весь сюжет. Скейтеров и танцоров, которые тоже приняли участие в съемках, нашли уже на месте, буквально на улице. Увидели

группку подростков, которые тусовались неподалеку от места съемки, подошли к ним и спросили: «Не хотите сняться в клипе?» Чем мотивировали – уже не помню, то ли за еду предложили поработать, то ли за идею, то ли за место в истории. Но отработали они на совесть – видимо, мы были достаточно убедительны. Да и как иначе? Когда у тебя на все про все только шестнадцать тысяч, сработать могут лишь энтузиазм, тяга к экспериментам и решительность. На этом топливе работали тогда все. Наши менеджеры ночами напролет дежурили в подъездах главных редакторов важных изданий, выжидая, отлавливая, доказывая, что надо дать в журнал несколько строчек про Максим. Телефоны обрывали, разговаривали, придумывали информационные поводы. И если кто-то приносил газету с напечатанной заметочкой – это становилось счастьем для всех. Мы делали общее дело, и я при этом никогда не чувствовала себя какой-то там звездой – была такой же частью команды, как и все остальные.

Руководители лейбла были людьми уникальными. Я очень часто встречала в своей жизни музыкальных бизнесменов, уверенных на сто процентов, что только они знают, как надо писать стихи и что делать с голосом. При этом сами они в своей жизни не написали ни строчки и не спели ни ноты, но убежденность в том, что они – боги поэзии и гармонии, не покидала их ни на минуту. Так вот мои продюсеры, в отличие от этих, вышеупомянутых, занимались только бизнесом, творческую часть полностью отдали на откуп мне. Я приходила в офис и говорила: «Вот, песня новая родилась». Все садились и внимательно слушали, могли комментировать, но никто и никогда не командовал: «А ну-ка быстро перепиши второй куплет». Единственным вмешательством в творчество была смена моего имиджа. Кстати, дреды я к тому времени уже состригла – надоели – и ходила с короткой стрижкой, а поскольку волосы от природы у меня очень сильно вьются, то была похожа на одуванчик. Прическу старалась спрятать под клетчатой кепкой, а дополняли эту картину брюки, майки и ботинки. Пока концертов было немного, такой вид еще кое-как годился. Но когда мы стали готовиться к моему первому большому сольнику, стало очевидно, что имидж надо менять. Пригласили дизайнера, он уверенно сказал: «Сейчас все будет!» И сшил целый ворох платьев, увидев которые, я наотрез отказалась даже примерить их – все эти рюши и стразы я не нацепила бы на себя даже под наркозом. Согласилась в итоге только на одно – синее, длинное в пол. Когда я его надела, дополнила десятисантиметровыми шпильками и пришла в офис, там воцарилась мертвая тишина. И спустя пять

минут из этой тишины вдруг прорезался осторожный голос: «Ой, Максимова, а ты что, женщина?!» До этого в платье они меня не видели ни разу и были уверены, что я – пацан, свой в доску, при котором можно рассказывать крепкие анекдоты и вообще не особо напрягаться. Что, собственно, и делали. Меня, выросшую в окружении мальчишек, это не смущало, и я чувствовала себя абсолютно комфортно, но постепенно пришлось привыкать к новым реалиям, в том числе к каблукам, платьям и тому подобной мишуре.

Финансовые вопросы я отдала целиком и полностью на откуп компании. И – по тем временам неслыханное дело – меня ни разу не обманули. Завели счет, куда переводили проценты с продажи дисков, билетов на концерты и авторские отчисления (поскольку все песни писала я сама). В подобных ситуациях у финансовых менеджеров очень велик соблазн вообще не довести до счета артиста деньги или довести туда лишь малую часть. А зачем платить? Если можно сказать артисту, что его выступление стоит, условно говоря, тысячу долларов, самим брать с организатора концерта пятнадцать тысяч и отлично жить. Случаев таких в нашем бизнесе было – вагон и маленькая тележка. Девяносто процентов всех конфликтов продюсера и артиста, особенно на начальном этапе его творчества, происходили именно по этой причине. Я, зная о таких схемах, еще «на берегу» оговорила все условия, в том числе и то, что я буду получать отчеты по всем своим концертам – кто сколько и кому заплатил, но за все годы нашей совместной работы ни разу в эти бумажки не влезла. На жизнь хватало. Главное – у меня была работа!

Да. Работа была. Моя жизнь стала похожа на сказку, в которой персонаж сказал: «Горшочек, вари», – и началось. Гастролей становилось все больше, в Москве я появлялась реже и реже, бедный мой Доберман заскучал, да и квартира простаивала, и я нашла себе соседку. Лиля жила у меня, кормила мою крысу, которую ей пришлось полюбить, как родную, – крыса-то была любвеобильная и Лилю стала обожать буквально с первого взгляда, каждое утро забиралась ей в волосы и вылизывала лоб своим шершавым язычком. Обаятельный зверь, что и говорить. А какой романтичный! Однажды мне подарили огромный букет роз, я его разместила в большой вазе на полу. Утром просыпаюсь – цветов нет, одни палки торчат из вазы. Что происходит, думаю? Не могла же крыса за ночь сожрать столько роз? Ее же разорвало бы на месте! А Доберман сидит рядом, смотрит мне в глаза и, поймав мой взгляд, рысит к дивану. Я поднимаю диван и вижу, что весь ящик под ним устлан розовыми лепестками. Этот зверь устроил себе «Красоту по-американски» – обкусал все цветы и

разложил их живописно в ящике. И смотрит на меня: «Ну как тебе? Нравится? Правда, красиво?»

Лиля не только стала няней Доберману. Она была моими ушами и глазами в Москве, собирала все небылицы, которые люди друг другу про меня рассказывали в Интернете, читала отзывы о песнях и концертах, и именно от нее я узнавала, что мною активно интересуются слушатели. Лиля была единственным свидетелем того, как бренд «Максим» набирает обороты: с одной стороны, все возрастающее число запросов на имя «МакSим» в Интернете, а с другой – я сама, приезжавшая раз в месяц на побывку и рассказывающая ей всю правду о том, что творится на гастролях. Она оказалась очень домашняя, любила готовить, встречала меня с гастролей, кормила и слушала. Я была ей очень за это благодарна.

От полной безвестности до идущих нон-стопом стадионных сольных концертов прошло совсем немного времени. События разворачивались очень быстро, но я мгновенно вписалась в эту новую реальность, и мне в ней было комфортно, как в домашних тапочках. Поскольку я от природы человек гиперактивный, мне все время надо действовать, куда-то ехать, бежать, что-то покорять – такая жизнь оказалась в кайф. Я радовалась каждому дню, каждому выходу на сцену и была просто счастлива. Знаете, родилось ощущение, как будто я много лет что-то говорила людям, пытаясь донести до них важную информацию, кричала на пределе возможностей, но меня не замечали. А потом вдруг все одновременно вынули вату из ушей и обернулись ко мне. Услышали. Но при этом почву под ногами чувствовала хорошо – помнила о том, как «звездила», когда мне было четырнадцать. Тогда казалось, что тот мимолетный успех – он навсегда, что я уже выше всех и дальше можно расслабиться. К двадцати годам стало очевидно, что в жизни артиста взлеты и падения чередуются и сменяют друг друга довольно быстро, одно неизбежно следует за другим. И никакого головокружения от успехов я не чувствовала.

К двадцати годам стало очевидно, что в жизни артиста взлеты и падения чередуются и сменяют друг друга довольно быстро, одно неизбежно следует за другим. И никакого головокружения от успехов я не чувствовала.

Условия, в которых мы с моими музыкантами тогда существовали, были, мягко говоря, спартанскими. Понятие «райдер» в моем тогдашнем лексиконе отсутствовало. Поскольку в «Гала-рекордз» не было концертного отдела, а стало быть,

людей, которые понимают, как организовать гастроли, мы тыкались в мир шоу-бизнеса, как слепые котята. Обычно все договоренности утрясались в телефонном разговоре, нам что-то обещали в телефонную трубку, а на деле оказывалось, что люди вообще не понимали, о чем говорят. Мы могли приехать в город, отправиться на саундчек и не увидеть элементарных вещей, которые нужны были для работы. Например, микрофона. Вот все есть, а микрофона нет. «Где?» – спрашивает директор, уже уставший задавать этот вопрос в разных городах. «Микрофон-то? – уныло соображает организатор концерта. – А его нету. Да и зачем он вам?» У людей была непрошибаемая уверенность в том, что эта девочка живьем петь никак не может. Тем более что они видели по телевизору клип «Знаешь ли ты» (там певица, дурачась, поет в фен). «Да-да, – кивал мой директор, – в клипе она в фен поет, а на концерте в дрель, как правило. Или в отвертку». Практически в каждом городе приходилось объяснять, что нам нужен не только микрофон, а еще очень много разной другой аппаратуры. У организаторов девочка с голосом олененка Бемби никак не ассоциировалась с живым коллективом и тяжелой музыкой. А ведь это и было нашей главной фишкой – совместить мой детский голос и рок-н-ролльные гитары. Но донести до организаторов пожелания моих музыкантов, вышедших из рок-команд и умеющих играть только живьем, оказалось сложно. Я ставила ультиматумы: если не будет нужного количества микрофонов – мы не выйдем, потому что я не выступаю под фонограмму, а в дрель петь не умею. Принимающая сторона тут же начинала канючить, давить на жалость: «Ну что вам стоит? Вы ведь уже здесь, вы так долго ехали, ну выйдите на сцену, люди ждут, они на вас посмотрят, а петь не обязательно». Но все это было бесполезно, халтурить я не умела и не собиралась.

Разумеется, устроив парочку подобных выволочек, я прослыла у промоутеров капризной взбалмошной девчонкой. Они меня, мягко говоря, не обожали. Да и мы уже устали бороться и постепенно, наученные горьким опытом, стали рассылать по организаторам наш райдер, где черным по белому было написано, какие должны быть микрофоны и где должны стоять мониторы. Впрочем, это тоже не спасало. Особенно не любила я выступать в цирках. Там зрительный зал устроен так, что сцена располагается внизу, а люди сидят почти под потолком. И чтобы звук распределялся равномерно по всему залу, под куполом обязательно должны размещаться специальные колонки под названием подвесы. В нашем райдере это было четко прописано, на словах организаторы их наличие всегда подтверждали, но как только мы оказывались на месте, выяснялось, что подвесов нет. Я

терпеливо объясняла организаторам, что, мол, нет подвесов – нет концерта, потому что верхним рядам не будет слышно ничего, получится брак, а я не могу обманывать публику. «Мы не можем ничего сделать», – говорил директор цирка, разводя руками. Я его понимаю: чтобы повесить и правильно закрепить эти колонки, нужны специальное разрешение, специалисты-техники и даже альпинисты. И директору проще, глядя мне в глаза, объяснить, что это никак невозможно и колонки вон там висеть не могут исключительно по природе своей. Помню, однажды я, взбешенная, полезла сама под купол цирка, чтобы пальцем лично ткнуть директору в крюки, на которых должны эти злосчастные колонки крепиться. Люди, находящиеся в тот момент на площадке, чуть в обморок не попадали – высота там довольно внушительная, но остановить меня было просто невозможно.

Очень часто люди, читая технический райдер нашего коллектива, считали, что мы сошли с ума и бесимся с жиру. Ну ладно, семь микрофонов, ладно, такие-то мониторы. Но зачем, например, в райдере написано, что комбы (колонки первой линии, предусмотренные для вокалиста) должны стоять на определенном расстоянии друг от друга? Кому какое дело, сорок между ними сантиметров или сто? Может быть, этим капризным московским артистам кажется, что сто – это красиво, а сорок – некрасиво? Однажды мне пришлось преподнести прямо-таки очень наглядный урок людям, считавшим, что прописанное в райдере расстояние – моя блажь. Это произошло на открытой площадке в одном из южных городов, народу перед сценой было – яблоку негде упасть. И вот я начинаю петь, в процессе исполнения выхожу вперед, оставляя комбы за спиной, подхожу совсем близко к краю сцены, чтобы посмотреть своим слушателям в глаза. А потом легкой походкой иду обратно на исходную точку, двигаясь задом, чтобы не поворачиваться к зрителю тыльной стороной. Я была уверена: мониторы стоят там, где им и положено. Но они оказались на полметра правее, то есть ровно на моем пути. Ох, и красиво я кувырнулась через эту колонку! Туфли куда-то ввысь упорхнули, я спиной полетела на сцену, такой кульбит выписала роскошный! Сижу на полу и от смеха даже подняться не могу, обессилела. Музыканты на меня смотрят в ужасе и не понимают, что делать. «Чего, – говорю, – стоите, поднимайте артистку! Не видите, что ли, упала она у вас!» Продолжила петь, а сама думаю: «Все-таки хорошо, что я люблю макси-платья, вполне приличное падение получилось, чинное и благородное». В общем, публику я тогда повеселила, а вот администрация зала, наблюдая мой полет над сценой вверх тормашками, напряглась сильно. До них, наконец, дошло, почему

в райдере было прописано именно это расстояние.

Еще одна техническая неполадка случилась в Архангельске. Нарядилась я тогда перед выходом к зрителю – ну чисто сказочная принцесса! Пышное белое платье, каблуки высоченные, вся в цветах. Музыканты играют проигрыш, я стою за кулисами в ожидании. Зрителей полон зал, аплодисменты, певица Максим выходит на сцену, приветствует всех высоко поднятой рукой. Публика ревет от восторга. И в этот трогательный момент каблук певицы проваливается между досками сцены и намертво застревает там. Полет, скажу я вам, был впечатляющий. Приземлилась носом в пол, платье накрыло меня с головой. Лежу, уткнувшись в эти щелястые доски, и думаю: «Ну что ж такое! Почему до сцены руки у них в последний момент доходят?! Зал отреставрировали, аппаратуру купили, даже занавес обновили, а доски с занозами, покрашенные масляной краской, как лежали на сцене еще с советских времен, так и продолжают лежать. И как же я завтра буду красиво смотреться в Интернете под тегом: «Максим, ржака, смотреть до конца!» Опасалась, кстати, я зря: мобильные телефоны в тот момент были в руках у половины зала, и мой выход явно снимали, но – удивительное дело – никто из зрителей не выложил в Сеть этот «полет шмеля».

Впрочем, однажды мне все-таки не удалось избежать огласки неприятного инцидента. С самого начала гастрольной истории у нашего коллектива было железное правило – «матч состоится при любой погоде». Мы отрабатываем концерт в любом случае, что бы с нами ни случилось и как бы мы себя ни чувствовали. Травма ноги? Не влияет! Выносим, ставим, играем. Болит голова? Выходим. Нет голоса? Поем тем, что от него осталось. А оставалось, порой, совсем немного. Однажды мы больше месяца колесили по отдаленным северным районам нашей родины в режиме «один день – один концерт». После выступления, разгоряченные, садились в холодный, продуваемый сибирскими ветрами автобус, и он гнал всю ночь в соседний город, а мы пытались в этом ледяном доме на колесах хоть как-то выспаться, восстановить силы и связки. С утра нас ждал саундчек, вечером концерт, и снова в холодный автобус. В результате через месяц голос меня покинул. Совсем. Я не то что петь – говорить не могла. Когда мы приезжали в следующий по расписанию город, встречали нас не организаторы, а «Скорая помощь», я пересаживалась из автобуса в машину, и мы мчали прямиком в больницу к фониатрам. Они делали какие-то сумасшедшие инъекции адреналина прямо в связки, и я с горем пополам отрабатывала концерт, после которого не могла говорить даже шепотом. Мне твердили: «Пока нет голоса – пой под фанеру.

Зрителям все равно, а ты восстановишься хоть немного». Но я не могла себе этого позволить. И вот в один прекрасный день поняла, что мне конец – даже инъекции не спасли. Я замолчала. В тот день был намечен сборный концерт, артистов ожидалось огромное количество. Такие групповые выступления – это все-таки не сольник, когда несколько тысяч человек бросают все дела только ради того, чтобы увидеть своего кумира. Отменить сольное выступление можно лишь в одном случае – если артист умер. Но сборный концерт – другое дело, там отсутствие одного певца могут и не заметить. Я прихожу к организаторам и жестами им объясняю, что выступить сегодня не могу никак. «Вариантов нет: ты либо поешь, либо платишь неустойку! Ты же артист! Подумаешь, голоса нет! Найди!» – говорят мне. Я разозлилась. «Сейчас найду». И вышла. И спела. Что из этого получилось, можете посмотреть в Интернете в разделе: «Позор певицы Максим!» Потом я очень сильно себя корила за эту выходку, за то, что не смогла отстоять свое артистическое достоинство и отменить выступление. Это сейчас мои поклонники уже знают, как я пою на самом деле, и даже если вдруг потеряю голос – поддержат меня и поймут. А тогда многие, видевшие меня впервые в жизни, действительно решили, что вот этот жалкий хрип – все, на что способна певица Максим живьем. В общем, погорячилась я, что и говорить. Но люди, работающие со мной, поняли – давить на меня не надо. Это чревато.

Потом я очень сильно себя корила за эту выходку, за то, что не смогла отстоять свое артистическое достоинство и отменить выступление.

Количество поклонников нашей музыки с каждым днем росло, но пропорционально ему росло и число недоброжелателей. В какой-то момент руководство обрадовало меня: «Отныне везде и всюду ты будешь передвигаться только и исключительно в сопровождении охранника». Вы не представляете, что со мной было, когда я это услышала. Я?! С охранником?! Вы шутите? Но они были непреклонны. Оказалось, что, пока я моталась по городам и весям с гастролями, в офис стали поступать звонки и письма с угрозами. Какие-то посторонние незнакомые люди рассказывали менеджерам, что они спят и видят, как бы облить певицу Максим кислотой. Обещали подстеречь у подъезда и приставить к горлу нож. Там было еще много разных вариантов, все не припомню. Объяснить внятно, когда певица успела насолить каждому из них лично, эти люди не могли. Скорее всего, мы имели дело с частными случаями психических обострений у отдельных индивидуумов, и лично Максим тут была

совершенно ни при чем. Но поскольку звонков с угрозами становилось все больше и игнорировать их стало уже тяжело, у меня появился охранник. Опыт общения с секьюрити других артистов подсказывал мне, что эти странные люди в черных костюмах обычно не помогают, а только все портят. Идет, например, артист по улице, а сзади на отлете следуют два суровых парня, которые привлекают дополнительное, никому не нужное внимание к своему подопечному, толкая прохожих и мешая им пройти. Я к тому времени уже знала – если не хочу быть узнанной, достаточно просто надеть темные очки и кепку и очень быстро идти по своим делам. Прохожим на улице обычно дела нет до артиста, идущего навстречу, все настолько поглощены собой и своими мыслями, что по сторонам даже не смотрят. Нет, разумеется, если публичная персона мечтает, чтобы на нее показывали пальцем и просили сфотографироваться, это сделать легко – надо просто встать посреди улицы и принять картинную позу. Ну, или обзавестись охранником. Так я думала до того момента, пока не стала работать с Игорем. Он очень быстро понял, что я не люблю пафоса и излишнего внимания к себе, но при этом обижать людей, которые искренне мне симпатизируют и хотят мирно пообщаться, тоже не планирую. Поэтому костюм мой секьюрити не надевал, поклонников, которые хотели со мной сфотографироваться, не отгонял и вообще вел себя крайне корректно. Но и я со временем поняла, что задачи у него куда более серьезные, чем представлялось мне раньше. Игорь прочел мне целый курс лекций о том, как надо себя вести, находясь в окружении большого скопления публики. Толпа – это явление страшное и непредсказуемое, объяснял он. Причем опасна она не только для меня, но и для каждого из людей, эту толпу составляющих. Когда ты проходишь сквозь строй фанатов, которые жаждут тебя потрогать и обнять, ни в коем случае нельзя останавливаться. «Идешь быстро, – учил меня Игорь, – опускаешь голову, в глаза никому не смотришь. На секунду затормозила – и те, кто ближе всех к тебе стоит, потянулись за автографом, за ними рванули вторые ряды, дальше третьи, кольцо сжимается, те, кто подальше – напирают, и в результате начинается такая давка, что живой из нее не выйдешь ни ты, ни те, кто стоит ближе всего к тебе». На его памяти были случаи, когда народную артистку пришлось буквально выволакивать на себе из такой вот давки. Все остались живы, но помялись здорово. Впрочем, были ситуации, когда советы Игоря не помогали и охрана оказывалась бессильна. Помню, как я испугалась, когда поклонники окружили машину, в которой мы сидели, и начали ее раскачивать. Мы полчаса умоляли опустить

машину на землю и дать нам проехать. Постепенно я уже привыкла к подобным явлениям и относилась к ним куда спокойнее, понимая, что надо просто выждать. Но все эти частные инциденты не отменяли нашей главной традиции – после каждого концерта, каким бы тяжелым он ни был, музыканты обязательно оставляли время, чтобы пообщаться со всеми желающими. Раздать автографы, сфотографироваться, посмотреть в глаза каждому, кто пришел нас послушать. Конечно, когда проходили стадионные концерты, это было физически невозможно, но если мы выступали в небольших залах, я всегда настаивала – не уйду со сцены, пока не раздам все автографы. И это было важно в первую очередь для меня самой. Открою секрет: артист, выходя на сцену, не только отдает залу свою энергию. Он и забирает ее тоже. И увидеть лицо человека, с которым ты только что так искренне говорил, – это очень важно. Это окрыляет. И дает силы.

Музыканты мои всегда эту традицию поддерживали и, даже если смертельно уставали, все равно терпеливо дожидались, пока я со всеми сфотографируюсь. У нас очень дружный коллектив, могу сказать без ложной скромности. То есть до такой степени дружный, что нашему клавишнику или барабанщику могла в пять утра прийти эсэмэска от какой-нибудь поклонницы: «Скажи, пожалуйста, что сейчас делает Марина?» У наших зрителей, видимо, складывалось такое ощущение, что мы и живем всем кагалом в одной комнате. И барабанщик может в пять утра оторвать голову от подушки, оглядеться вокруг и отчитаться, что Марина на соседней кровати спит, а клавишник на раскладном диване в углу в это же время читает «Сагу о Форсайтах». Хотя временами так оно и было – мы месяцами зависали в студии, записывая альбом, жили в одном концертном автобусе, который возил нас по городам и весям. А если мне заказывали отдельную машину, какой-нибудь, скажем, представительский «Мерседес», я просила его отменить, потому что у меня было четкое правило – передвигаюсь только вместе с коллективом: в одном автобусе и в одном самолете, экономклассом. А если кто-то из организаторов хочет повысить класс обслуживания, я говорю: «Пожалуйста, но только с тем условием, что билеты в бизнес-класс вы покупаете всей команде». Живем мы в одинаковых номерах и в одинаковых условиях – если удобства во дворе, то у всех. Мы всегда друг за друга горой стояли, и я лично готова была рвать зубами тех, кто обижает моих ребят. Помню, давали какой-то большой сборный концерт. Гримерок, как всегда, на всех не хватало, и артистов поселили в общие комнаты по несколько человек. Мы, уставшие и разбитые после дальней дороги, доплелись до своей гримерки,

мечтая об одном – сесть и хотя бы на секунду вытянуть ноги. Обстановочка нас ожидала спартанская: стульев нет, диванов нет, посреди комнаты – единственное зеркало, а перед ним, спиной ко мне, сидит человек с сеточкой на голове и в длинном платье, которое разлетается по полу. Вокруг суетятся гримеры, костюмеры, помощники. Я бросаю на человека секундный взгляд и думаю: «Пародист какой-то, что ли? Обычно они такие платья любят надевать на сцену». Смотрю на часы – скоро наш выход. Моя танцовщица решила подправить прическу и встала позади стула этого человека, чтобы увидеть себя в зеркало. И тут же кто-то из его помощников грубо ей сказал: «А ну отойдите от артиста!» Я, слыша это, чувствую, что у меня начинает закипать кровь. Набираю в легкие побольше воздуха, чтобы произнести монолог в духе: «Вы тут расселись, а это девочка, ей восемнадцать лет, и ей нельзя даже в зеркало глянуть, да кто тут еще артист!» И дальше в таком же стиле. Девчонки, которые уже к тому времени научились считывать мое настроение по одному только движению руки, шепотом говорят: «Марина, можно тебя на минуточку в коридор?» И чуть ли не силой уводят. А там, тем же таинственным шепотом, спрашивают: «А ты вообще узнала, кто это был? Нет? Эдита Пьеха!» И я внезапно понимаю, что еще секунда – и мой монолог, полный праведного гнева, обрушился бы на голову Эдиты Станиславовны. Это ей я бы сейчас объяснила в популярных выражениях, кто тут настоящий артист! «Все, – подумала, – пора идти на курсы управления гневом, а то так до беды недалеко!»

> Но несмотря на то что за своих я умела воевать до последнего, отношения в коллективе никогда не были панибратскими. Субординация соблюдалась железно.

Но несмотря на то что за своих я умела воевать до последнего, отношения в коллективе никогда не были панибратскими. Субординация соблюдалась железно. Если выдавался свободный вечер, мы могли все вместе пойти в кино или просто прогуляться, подышать, скажем, свежим сибирским воздухом. Но это вовсе не означало, что при обсуждении каких-то ключевых рабочих моментов перед концертом или на саундчеке музыканты могли подойти ко мне, хлопнуть по плечу и сказать: «Да ну, Марин, чего-то ты сейчас чушь какую-то сморозила, не будем мы так делать!» Последнее слово всегда было за мной, и решения принимала я. Среди музыкантов других команд ходили слухи о том, что Максим – тиран и деспот, совсем загоняла своих ребят, в грош их не ставит. Но мне всегда казалось: тот факт, что почти вся моя группа играет со мной еще со времен репетиций

первой программы в Казани, о многом говорит. Была бы я тираном, вряд ли люди столько лет терпели бы меня.

Музыкантов своих я всегда любила и ценила, но при этом держалась несколько обособленно. Мы могли поболтать о музыке или путешествиях, но свою душу никому из них я не изливала, не жаловалась на разные жизненные неурядицы и не плакалась в жилетку. Мне всегда казалось, что такие разговоры – проявление слабости, а этого я допустить не могу. И был только один раз, когда я позволила себе расслабиться.

«Марина, познакомься, это Алексей. Он очень хороший звукорежиссер, сейчас сделает нам звук в лучшем виде», – сказали мне однажды ребята и кивнули в сторону веселого симпатичного парня, который стоял около пульта в нашей студии и с энтузиазмом крутил ручки. Возмущению моему не было предела – я же все настроила, как мне надо, что он себе позволяет? Сейчас все испортит! «Иди, девочка, пой, я справлюсь», – уверенно сказал он мне. Честно говоря, я до крайности удивилась, обычно со мной люди как-то повежливее старались обходиться, особенно если мы вообще не были с ними знакомы. Но виду не подала, ушла работать. Леша стал нашим концертным звукорежиссером, быстро влился в дружный слаженный коллектив. Он выгодно отличался от нас, замученных непрерывными двухлетними гастролями, оставался энергичен, бодр, весел, чего о нас в то время сказать было уже нельзя. Мы моментально подружились, хотя и регулярно ссорились на производственные темы. Помню, однажды я отыграла целый концерт на стадионе, совершенно не слыша свой собственный голос. От первой до последней песни – наугад. И все благодаря Леше – что-то он там такое неправильно наладил. Уходя со сцены после нескольких композиций на бис, я была так зла, что со всей дури запустила в него микрофоном. Но это были единичные случаи, в основном же на звук не жаловалась ни я, ни зрители. С приходом в наши ряды нового звукорежиссера популярность моих концертов начала расти как на дрожжах, а значит, дело свое он знал.

Я не строила относительно Леши никаких романтических планов. Сначала мне вообще казалось, что он – герой не моего романа. В тот момент мне было уже двадцать три года, и я решила, что хватит тесно общаться с отвязными и веселыми молодыми людьми, пора искать спутника жизни, подходящего такой солидной взрослой даме, как я, – серьезного и правильного. И подобные знакомства в моей жизни тогда случались, но они все совершенно не цепляли, как бы я ни пыталась саму себя убедить в обратном. А с Лешей… Чем больше мы общались, тем отчетливее

было понятно, что мне с ним хорошо. И он стал моим лучшим другом. Как начались наши с ним отношения – я, убей бог, не помню. Как мы друг другу в любви признались первый раз, как за руки взялись? Никаких воспоминаний. Все как-то само собой случилось. Ухаживаний не было, да и не подходили они для Леши, он человек конкретный, а романтизм, в общем-то, чужд нам обоим. Вряд ли он встал бы передо мной на колени и завалил цветами, да и я, увидев его коленопреклоненным, засмеялась бы, скорее всего. И на этом романтический момент завершился бы. Сейчас у меня такое ощущение, что Леша просто пришел ко мне в гости и остался жить. Явочным порядком, что называется. Хотя, если честно, жили мы в основном в аэропортах и на вокзалах, потому что гастроли шли просто непрерывной чередой.

Леша оказался именно тем человеком, который мне был тогда нужен позарез. Он, спокойный и сильный, гасил мои взрывные эмоции, мои вспышки гнева, разочарования, тормозил импульсивные решения. Мог просто обнять посильнее, прижать к себе – и весь негатив, который во мне клокотал, вдруг испарялся в одну секунду. Теоретически я была его начальником и даже более того – работодателем.

Он, спокойный и сильный, гасил мои взрывные эмоции, мои вспышки гнева, разочарования, тормозил импульсивные решения. Мог просто обнять посильнее, прижать к себе – и весь негатив, который во мне клокотал, вдруг испарялся в одну секунду.

Но поначалу нас это вообще не волновало. Выдавала Леше деньги за работу не я, а человек, специально обученный считать наши гонорары.

Я же была всегда максимально далека от денег, даже от своих собственных. Мне часто говорили: «Марин, ты бы следила за своими деньгами, считала бы доходы, вдруг тебя обманывают?» Но я была уверена в своем начальстве, а на жизнь мне вполне хватало: на гастролях и поили, и кормили, и возили, и в гостиницы селили за счет принимающей стороны. И кстати, коллективу нашему всегда было решительно наплевать на то, в каких условиях мы живем. Главное, чтобы соблюдался технический райдер, чтобы хватало микрофонов и проводов, а где там санузел и что стоит в гримерке – кого это волновало. Эта ситуация изменилась как раз с приходом Леши. Он первый обратил наше внимание на то, что вообще-то комфортные гостиницы выглядят не так. «Почему вы живете в этих номерах и терпите обглоданные занавески, вонищу, туалет на этаже? Сейчас вообще-то двадцать первый век на дворе!» И тогда я, впервые

оглядевшись по сторонам, подумала: «А действительно, почему это мои ребята живут в таких условиях?» С тех пор в райдере начали появляться бытовые подробности.

Но даже несмотря на то, что со мной рядом теперь всегда был Леша, и на то, что наш быт становился все более комфортным, непрерывные гастроли постепенно давали о себе знать. Однажды я с удивлением обнаружила, что не могу встать с кровати. Звенит будильник, я его выключаю – и… не могу двинуться. Ругаю себя, подгоняю – ничего не получается. Тело отказывается подчиняться мозгу. Слезы текут рекой, но это помогает мало. Когда та же ситуация повторилась снова и снова, я насторожилась. Дальше все стало еще хуже – я погрузилась в какое-то странное состояние, в котором перестаешь понимать, что сон, а что явь. Слабость, дрожь в ногах, руки немеют, и такое чувство, будто их колют иглами. Я перестала спать, у меня совершенно пропал аппетит. Я не могла пройти по прямой, меня шатало, как травинку на ветру, хотя никаких предпосылок для этого не было – я не пила и ветра вокруг не наблюдалось. В общем, певица Максим превратилась в зомби. И даже выходы на сцену уже не радовали. У меня не было сил аккумулировать радостные эмоции, собраться, сконцентрироваться, даже просто улыбнуться. И это было ужасно, потому что я понимала – зрители вообще не виноваты в том, что у меня закончились силы. Они приходят посмотреть на артиста, а тот уходит с половины концерта, просто потому что иначе грохнется в обморок прямо у микрофонной стойки.

Нет, конечно, можно было бы все вытерпеть, как-то собраться, еще день простоять. Еще три дня. Еще две недели. Знать, что вот сейчас будет трудно – а потом ты приедешь домой, отоспишься, наешься каких-нибудь таблеток от больного горла, от головы, от нервов. Выдохнешь. Но проблема заключалась в том, что я вообще не понимала, когда закончатся гастроли. График был расписан минимум на год вперед, и новые концерты все прибавлялись и прибавлялись. Пошла к начальству просить о пощаде. «Ты что, Марина, какие выходные?! – удивились руководители. – Так хорошо все идет! Нельзя останавливаться! Куй железо, пока горячо. Ну, годик еще потерпишь, два в крайнем случае – и там уже отдохнешь. И потом, у тебя же есть отпуск – в январе две недели и в июле, вот и отдыхай». Я кивнула и пошла дальше ковать железо. Но однажды, сидя в зале ожидания аэропорта, вдруг поймала себя на мысли: «Так вот ты какое, умопомешательство!» В тот момент у меня в ушах раздавался звук, так нежно любимый всеми артистами – казалось, что полный зал скандирует мое имя: «Мак-сим, Мак-сим». Но только

этот звук в моей голове трансформировался в какой-то ужасный шепот, как из фильма ужасов. И он никак не заканчивался. Я сидела на чемоданах, держалась руками за голову и пыталась хоть как-то прийти в себя, усмирить этот мерзкий звук. Но он не прекращался. «Мак-Сим!»

> До суицидальных мыслей дело не дошло, но я чувствовала, что они где-то рядом. Но самое страшное – я не хотела больше писать песни.

И вот тут уже я всерьез начала мечтать о таких вещах, о которых думать вообще-то ни в коем случае нельзя, чтобы не накликать беду. Я размышляла: «А хорошо было бы взять и сломать ногу… Или заболеть так, чтобы врачи насильно упекли в больницу, привязали к кровати и поставили капельницы. Вот тогда бы точно никто не смог потребовать, чтобы я отыграла концерт». Я была в отчаянии. Заблудилась. Потерялась. Не понимала, куда мне идти дальше и хватит ли у меня сил на эту дорогу. Есть ли в моей жизни цель? Или все, к чему я стремлюсь, – это приехать в незнакомый город и отработать концерт? И так изо дня в день, из года в год. До суицидальных мыслей дело не дошло, но я чувствовала, что они где-то рядом. Но самое страшное – я не хотела больше писать песни. Нет, конечно, когда накатывало вдохновение – сопротивляться ему было невозможно. Помню, как я лежала животом на деревянном полу в номере одной из питерских гостиниц, выцарапывая карандашом на лакированных досках слова песни «Мой рай». Ручки и бумаги не нашлось, а записать необходимо было срочно, пока текст еще был в памяти. Так что новые песни появлялись даже помимо моей воли. Но я прекрасно отдавала себе отчет, что будет дальше. Запишу сингл, надо будет снимать клип, писать альбом и снова отправляться в тур в его поддержку, а это значит, что кочевая жизнь, которую я уже не в силах переносить, продлится еще как минимум на год. В общем, силы мои были совсем на исходе, и неизвестно, чем бы закончилось это состояние, если бы не случай, который снова развернул мою жизнь на сто восемьдесят градусов.

> …силы мои были совсем на исходе, и неизвестно, чем бы закончилось это состояние, если бы не случай, который снова развернул мою жизнь на сто восемьдесят градусов.

Глава 4. Научусь летать с тобой на небо

В тот момент, когда кочевая гастрольная жизнь стала рутиной и постепенно перестала радовать, Леша решил устроить мне праздник. Он сказал одну-единственную фразу, но как же вовремя он это сделал! «Марина, выходи за меня замуж». Это было ожидаемо, логично – мы давно уже не расставались, и на работе и дома были вместе, любили друг друга и жили в полной гармонии. Но идея устроить самим себе замечательное событие оказалась как нельзя кстати. Я, замученная гастрольным бытом, приняла ее на ура. Впрочем, было одно «но». В то время внимание ко мне было столь пристальным, что свадебная церемония грозила перерасти в скопление журналистов, которые не дали бы нам насладиться обществом друг друга, но гарантировали бы потом выход самых различных, не всегда комплиментарных статей про наш праздник. Мне меньше всего хотелось делать из свадьбы медийное событие. Положа руку на сердце, я вообще никогда не была сторонником традиционных пышных свадеб с выкупом невесты, распитием шампанского из туфельки с последующими зажигательными конкурсами из серии «Кто откусит самый большой кусок каравая». Помню, обсуждали тогда предстоящее торжество с одним моим другом-кавээнщиком, и он со свойственным ему жестким юмором предложил обвести всех вокруг пальца. Объявить всем друзьям, знакомым и прессе: «В полдень с шестого причала в путь отправляется корабль, на котором певица Максим сыграет свою свадьбу». И чтобы они все в это поверили, собрались на этом самом корабле, отчалили от берега под зажигательную музыку и только уже в пути обнаружили, что певицы Максим с ними нет. А я бы в это время, уверенная в том, что все заинтересованные в шумихе вокруг меня бороздят речную гладь без всякого шанса причалить к берегу раньше полуночи, спокойно вышла замуж в тихой и спокойной обстановке. Честно говоря, эта мысль тогда мне даже понравилась, несмотря на всю ее жестокость и абсурдность. Но, разумеется, воплощать ее в жизнь я не стала.

Пожениться мы решили на острове Бали. Там было все, что нам нужно, – уединение, красота, романтика. Поскольку платье-торт, лимузин с куклой на капоте и прочие атрибуты свадьбы «как у всех» не являлись пределом моих мечтаний, к отлету я подготовилась максимально быстро. Взяла один из своих любимых концертных нарядов, совершенно не переживая, что

неоднократно выходила в нем на публику, и мы отправились в аэропорт. В гостинице нас уже ждали и, поскольку были в курсе наших планов, подготовились по высшему разряду – выбрали роскошный номер для новобрачных, украсили его цветами, на столе красовалась бутылка шампанского. Для нашей церемонии на берегу океана установили красивую арку, местные женщины принесли корзины с розовыми лепестками, прибежали дети – по традиции именно они должны осыпать лепестками новобрачных. На берегу играл струнный оркестр, нежно и тихо, не заглушая шум волн. Церемония была православной. Батюшка читал молитву, и пусть она звучала немного непривычно – по-английски, но это было все равно прекрасно. Солнце опускалось в океан, золотило арку, увитую цветами и лентами, голос священника говорил о том, что мы будем вместе в болезни и здравии, мелодия, которую вела скрипка, вплеталась в музыку волн. Я видела только глаза своего мужа, все остальное померкло. «Вот он, тот момент, после которого ничто не способно разлучить нас», – решила я. Леша почувствовал то же самое. Это было абсолютное и всепоглощающее счастье.

Я видела только глаза своего мужа, все остальное померкло. «Вот он, тот момент, после которого ничто не способно разлучить нас», – решила я. Леша почувствовал то же самое. Это было абсолютное и всепоглощающее счастье.

Вернувшись после свадьбы в Москву, Леша стал все чаще заговаривать о том, что неплохо бы нам родить ребенка. Он говорил, что я стану очень креативной матерью и это будет здорово. Меня потрясло, как точно он подобрал определение. Не «милая» или там «заботливая», как обычно говорят в таких случаях, а «креативная». Это действительно про меня. А я… Я оказалась максимально далека от мысли о детях. Никогда в жизни не была замечена за игрой в «дочки-матери», а когда одноклассницы в школе рассуждали, какие имена выберут для своих будущих сыновей и дочерей, только недоуменно пожимала плечами. Мир распашонок и подгузников находился от меня максимально далеко: я была младшая в семье, на моих глазах не вырос ни один младенец. Ну и потом, какие тут дети… У меня и так голова кругом от всех моих гастрольных передвижений, сама того и гляди в обморок свалюсь. Как я могу выносить в таком состоянии малыша? Но на обследование к доктору мы тем не менее пошли и услышали вердикт.

«У вас разный резус-фактор крови, и, если стоит вопрос о беременности, вам надо будет очень долго и тщательно работать

над ним», – сообщил нам врач. Мы приняли это к сведению и решили, что еще чуть-чуть подождем, дозреем морально, а там уж, через годик-другой, примемся работать в заданном направлении.

Отложив таким образом вопрос с потомством на неопределенный срок, мы, радостные, отправились в отпуск – в Грецию, на остров Корфу. С первого дня на этом прекрасном острове, который у меня теперь ассоциируется с каким-то непрекращающимся кошмаром, все пошло не так. Я себя очень странно чувствовала, мне было жарко, совершенно пропал аппетит, я хотела спать и не могла понять, что происходит. Обычно мы отдыхали очень активно, брали напрокат мотоциклы и целыми днями гоняли по окрестностям. Так планировалось и на этот раз. Леша каждое утро просыпался и говорил: «Ну что, поехали?» А я не могла открыть глаза, лежала и злилась: «Да что такое! У меня отпуск один раз в году, не могу же я весь его проспать, надо двигаться!» Пересиливала себя, и мы целыми днями тряслись по каменистым дорогам острова (асфальта в нашем понимании там нет). Так прошел наш отпуск, а вернувшись домой, Леша, который еще в Греции начал что-то подозревать, предложил мне купить тест на беременность. Я отмахнулась, мол, не придумывай, этого быть не может. Но в аптеку все-таки наведалась. Это был мой первый в жизни тест, до этого я их в глаза не видела и, мельком взглянув на инструкцию, прочитала: «Если вы не беременны, тест покажет одну полоску». «А если беременны – вообще не покажет ни одной», – додумала я и даже не удосужилась посмотреть результаты. Через два часа, наткнувшись случайно на тест и увидев там две полоски, сказала: «Леша, нам, по-моему, достался бракованный тест, он показывает две полоски». В отличие от меня, он все понял правильно и помчался в аптеку за вторым, чтобы удостовериться окончательно. Он был безумно счастлив, всю ночь не сомкнул глаз. А я, осознав, что произошло, вдруг поняла, что спасена. Еще несколько месяцев назад я всерьез подумывала о том, чтобы сломать ногу или заболеть так, чтобы врачи заперли меня в больнице и не выпускали под страхом увольнения. А оказалось, что выход есть и он совсем не такой экстремальный, как представлялось мне в ночных кошмарах. Я в любом случае через несколько месяцев прерву этот бесконечный гастрольный марафон. У меня родится ребенок, я буду его кормить и воспитывать, а на это время женщинам положен отпуск. Конечно, сразу отменить все гастроли и осесть дома мне бы никто не позволил, но в этом не было необходимости, чувствовала я себя прекрасно, просто летала при мысли о том, что скоро отправлюсь

в роддом, а затем в неизбежный отпуск, долгий и спокойный. На радостях я лихо отработала гастрольный тур по югу России, переезжая из города в город каждый день в течение нескольких недель. Задача решена! Скоро я отдохну!

> Через два часа, наткнувшись случайно на тест и увидев там две полоски, сказала: «Леша, нам, по-моему, достался бракованный тест, он показывает две полоски».

До шестого месяца о том, что я в положении, знали только самые близкие. Мне хотелось сохранить эту новость в тайне как можно дольше. Но руководству-то сообщить надо! Они должны быть в курсе того, что их ждет. Решалась я на этот шаг очень долго. Была уверена, что мне как минимум здорово влетит, а вероятнее всего, мне выкатят огромную неустойку и укажут на дверь. Наконец собралась с силами, пришла в «Галу», зажмурившись, выпалила: «Мы с Лешей ждем ребенка». И в ожидании кары втянула голову в плечи. «Мы за вас очень рады! – сказали мои начальники. – Чем можем помочь?» Как же я была благодарна им за эти слова!

Вообще, надо сказать, «Гала-рекордз», несмотря на то что график моих командировок был жесточайшим, во всем остальном носилась с артисткой Максим, как курица с яйцом. Если я заболевала, к моим услугам были лучшие врачи. Если писала альбом – находились лучшие аранжировщики. Если требовалось обновить гардероб – самые модные дизайнеры. А однажды генеральный директор «Гала-рекордз» Саша Блинов подвез меня домой с очередного мероприятия, увидел квартиру, которую я тогда снимала, и, разглядывая дырки в полу, решительно сказал: «Марина, ты не понимаешь, что нельзя жить в таких условиях?»

Через некоторое время меня вызвали в офис и объявили: «Пора покупать собственное жилье. Ты в курсе, что на твоем счету уже достаточно денег, чтобы приобрести хорошую квартиру?» Я очень удивилась, услышав это. У меня на счету есть деньги? Да еще такие внушительные? Я туда не заглядывала два года. Кормила и поила нас приглашающая сторона, в гостиницах мы жили тоже за их счет. В гастрольной сумке у меня лежали спортивный костюм, теплые носки, баллончик с термальной водой и гигиеническая помада, больше деньги тратить было не на что. Был период, когда я прямо фанатично скупала спортивные костюмы всех цветов и конфигураций, они стали фаворитами в моем гардеробе, в них так удобно было ездить и летать, можно спать, можно есть, не боясь помять и испачкать. Но даже самые дорогие костюмы не стоили столько, чтобы пробить внушительную брешь в моем бюджете. Я знала, что «Гала-

рекордз» аккуратно перечисляет на мой счет гонорары и авторские отчисления, но никогда не задумывалась над тем, сколько там за эти два года набежало. Оказалось, что накопленного мной легко хватило бы на покупку хорошей квартиры. Это был сюрприз.

Я отправилась искать квартиру. Где ее искать? По каким критериям? Преставления не имела никакого. По привычке хотела схватить первую попавшуюся – мне было решительно до лампочки, где жить. Но моя компания и это важное дело взяла в свои руки, нашла проверенных риелторов. Эти люди, съевшие собаку в вопросах недвижимости, решительно сказали: «Марина, надо выбирать тщательно. Пройдет пара лет, и ты поймешь, что это не просто покупка. Это вложение». Настояли на своем, перелопатили уйму вариантов и наконец нашли дом на «Соколе», похожий на сказочный замок, с красивым высоченным забором. Любой увидевший это здание сказал бы, что в таком огромном помпезном доме могут располагаться только необъятные шикарные апартаменты. На самом деле так оно и было. Внутри – прямо родовые поместья с мраморными колоннами и прочими выкрутасами. Лифты, в которых можно жить, – с зеркалами и музыкой, везли наверх только при наличии специальной карточки. На въезде охрана – мышь не проскочит. Моя квартира оказалась единственным скромным жилищем в царстве этого мрамора и золота – столовая гостиная и спальня, и все это более чем скромных размеров. Но мне именно это и надо было.

В общем, я подписала все нужные бумаги и впервые в жизни оказалась обладателем недвижимости. Это был волнующий момент. Как ни странно, волнующим он оказался не столько для меня, сколько для моих родителей. Именно тогда они внезапно поняли, что их дочь выбрала правильный путь. Всю жизнь они были уверены, что я занимаюсь ерундой. Даже папа, который поддерживал меня во всех начинаниях, в глубине души не очень верил в то, что они к чему-то приведут. И ни аншлаги на моих сольных концертах, ни обложки больших журналов, которые украшала моя фотография, ни эфиры на главных телеканалах страны не могли их убедить в том, что музыка способна стать настоящим серьезным делом. И лишь когда я показала папе и маме ключи от собственной квартиры, они наконец-то вздохнули спокойно – дочка нашла себя.

Поначалу ремонт в новом жилье я решила делать сама. А что такого? Я же помню, как мы с родителями самостоятельно переклеивали в своей казанской квартире обои, штукатурили потолки. Ну и тут, решила я, ничего сложного нет. Возведу стенку между кухней и спальней, поставлю стол, куплю холодильник – и

больше мне ничего не надо. Ну откуда мне было знать, что каждое движение в квартире – электропроводку, новые стены – надо согласовывать в разных инстанциях? Что рассчитать, сколько должно быть шкафчиков, какого они должны быть размера и объема, чтобы не загромождать квартиру и при этом вместить все вещи – это чистая математика? Предприняв несколько попыток освоить незнакомую мне ранее профессию дизайнера, я поняла, что правильнее будет отдать ремонт на откуп профессионалам. Ремонт квартиры длился год, и за это время я в полной мере изучила ассортимент магазинов и рынков. Удивлению моему не было предела: золота-бриллиантов в наших магазинах хоть отбавляй, можно дворец обставить, а какой-нибудь обычной белой тумбочки днем с огнем не сыщешь. Можно найти золотой унитаз с инкрустацией, но при этом сбиться с ног в поисках такой, например, элементарной вещи, как бельевая прищепка!

В результате я уже выбивалась из сил, а квартира все еще оставалась неукомплектованной – не было ложек и вилок, в столовой над белоснежным шикарным столом болталась на голом шнуре такая маргинальная лампочка без всякого намека на плафон.

Леша тоже принимал активное участие в обустройстве: напичкал квартиру под завязку – виниловый проигрыватель, специальные колонки, словом, все для того, чтобы комфортно проводить досуг. Я не возражала. Спор возник только один раз из-за модели самолета, которую Леша как-то принес домой.

«Я очень хочу повесить ее у нас над кроватью в спальне, потому что сейчас там не очень внятный плафон. Он, конечно, освещает комнату, но совершенно не креативный. А самолет бы очень оживил наш интерьер!» – объяснил он. Я сказала, что в квартире буду жить либо я, либо самолет. Эта махина была больше, чем сама кровать! «Леша, – говорю, – представь себе мое состояние: я прилетаю с гастролей, где у меня каждый день то взлет, то посадка, ложусь в свою кровать, смотрю на потолок… И что я вижу над собой? Опять самолет?! Я не согласна». Было у меня насчет этого самолета одно смешное подозрение. Страсть к самолетам у Алексея не совсем теоретическая: одна из его бывших девушек была стюардессой, и, возможно, именно поэтому он так любил в то время все связанное с авиацией. Однажды ушлые журналисты попытались меня обвинить в том, что когда-то я у этой стюардессы увела Лешу. Но я поспешила их утешить – да, у моего любимого были до меня серьезные отношения с женщиной, намного старше его. И они прожили вместе довольно долго, но расстались еще до того, как в Лешиной жизни

появилась я. Правда, стюардесса долгое время никак не хотела верить, что их отношения закончились, она однажды даже вызвала меня на разговор. Но я понимала, что точки над «i» уже к тому времени расставлены и наш с ней диалог на Лешин выбор никак повлиять не мог. Однако она упорствовала, продолжала ему звонить и петь в трубку какие-то песни о любви. Так громко пела, что даже я, находясь от трубки довольно далеко, слышала ее завывания. Видать, решила, что я его пленила своим голосом, и, значит, у нее есть шанс вернуть его, если она будет петь лучше. Я совершенно не злилась и искренне желала бедолаге всего самого лучшего, но самолет все-таки попросила из квартиры убрать.

Наконец все было готово. В тот год мне впервые захотелось отмечать день рождения не в бурной компании, а вдвоем. Это какое-то совсем новое ощущение. Шумные толпы гостей, тусовки до утра в сигаретном дыму в моей жизни были, и их насчитывалось предостаточно, хотелось другого. Интересно, а как празднуют дни рождения семейные люди? Они, наверное, как-то чинно сидят за столом, у них волшебно украшенный дом и все степенно и тихо, думала я. И сделала себе такой праздник – первый раз в собственном доме, с собственным мужем, в ожидании малыша. Это была совсем новая жизнь, и она стала тоже весьма интересной.

Беременность протекала легко. Правда, иногда, когда выдавалась спокойная минутка и я начинала обдумывать свое положение, охватывал жуткий страх. Что будет? Как я справлюсь? С одной стороны, я понимала, что роды дадут мне необходимую передышку. Но с другой стороны, как уже достаточно опытный в шоу-бизнесе человек, знала, что профессия артиста – специфическая. Чтобы не выпасть из обоймы, хорошо бы как-то в вопросе деторождения уложиться месяца в полтора-два: и выносить ребенка, и родить, и желательно успеть за это время воспитать. За два месяца публика артиста не забудет и встретит его снова с распростертыми объятиями. Но где-то в глубине души я догадывалась, что два месяца – недостаточный срок. И все время эту мысль в голове прокручивала: как ухитриться не бросить ни любимое дело, ни самых любимых на свете людей. И все время выходило, что никак не получается. Но больше всего пугало даже не это. Я понятия не имею, что это значит – быть мамой, всю жизнь была одна, сама себе начальник. А тут такая ответственность! Поначалу я пыталась вжиться в образ беременной тети, какой ее рисуют в литературе и фильмах. Принялась закупать килограммами фрукты и овощи, поглощать их, иногда даже через силу – есть хотелось не всегда. Но я

старательно думала о пользе витаминов для будущего ребенка. Купила себе шаль, закуталась в нее и размышляла, как я прикуплю кресло-качалку, сяду в него и буду вязать пинеточки. Но больше недели эта блажь не продлилась, я вернулась к нормальной жизни.

Живот не рос очень долго, и публика ничего не подозревала. Концертные костюмы мне стали расставлять уже ближе к родам. Одно из сценических платьев, белое, атласное, выдерживало натиск дольше других, но в один прекрасный день сдалось и оно. Помню, как к нам в гримерку стучались организаторы концерта, кричали, что певицу Максим уже объявили и нам надо срочно идти на сцену, а я никак не могла втиснуться в платье. Вот не хочет сходиться – и все тут, хоть плачь. Тогда я легла на составленные в ряд стулья и сказала: «Так, ребята, на раз-два-три я делаю вдох, а вы в это время застегиваете молнию!» Они очень боялись, что я рухну с этих стульев или что молния окончательно разойдется, но мы справились, на сцену я тогда вышла вовремя и в платье. Но в последние месяцы гардероб пришлось-таки обновить – я поправилась на двадцать килограммов. В полной уверенности, что теперь это мой вес на всю жизнь, решила пересмотреть свою одежду. Накупила женственных нарядов, изящные часы (взамен бывших раньше в фаворе мужских хронометров), впервые в жизни стала обращать внимание на крупные и элегантные драгоценности.

Леша радовался переменам, происходящим со мной, и все девять месяцев был вне себя от счастья. Я никогда не верила этой типично мужской фразе: «Если ты подаришь мне ребенка, я тебя буду носить на руках!» Всегда казалось, что это позерство.

Я никогда не верила этой типично мужской фразе: «Если ты подаришь мне ребенка, я тебя буду носить на руках!»

Но на примере Леши убедилась, что так вполне может быть. Он начал в буквальном смысле сдувать с меня пылинки. Делал всю домашнюю работу, постоянно был рядом и держал за руку, беспокоился, чтобы я вовремя поела и приняла витамины. Как-то раз признался: «Я все время думаю о том, как ты, такая маленькая, носишь ребенка и потом еще его рожать будешь! Переживаю за тебя очень». Я первый раз за много-много лет чувствовала себя по-настоящему важным для кого-то человеком – и это было волшебное ощущение. Конечно, он остался верен себе и продолжал надо мной подтрунивать, как делал это всегда, но я не обижалась, наоборот, находила это забавным. В основном шутки касались моих новых параметров девяносто-девяносто-

девяносто. По Лешиному мнению, я была колобок и плюшка. Если я шла по улице и надо пройти между двумя припаркованными машинами, он говорил: «Не ходи, ты там застрянешь!» А когда меня по какой-то причине вырезали из одного телевизионного эфира, он смеялся: «Испугались, наверное, что ты не влезешь в экран». Для меня такие несколько резковатые шутки всегда оставались гораздо милее самых изысканных комплиментов, я отвечала ему в том же духе, и нам было очень весело.

> Я первый раз за много-много лет чувствовала себя по-настоящему важным для кого-то человеком – и это было волшебное ощущение.

Впрочем, при всем при том осознать, что внутри меня растет настоящий живой человек, никак не получалось. Я до последнего прыгала по сцене, где все грохотало, сверкало и искрилось, пела песни, жила полной жизнью. Когда пришло время рожать, я, приехав в клинику, первым делом заказала себе по телефону роял чизбургер с кисло-сладким соусом и колой. Мне хотелось есть, и я решила, что пока не поем – рожать не стану. Все происходящее казалось какой-то игрой, шуткой, забавой. Дело было Восьмого марта, все звонили, чтобы поздравить меня с праздником, а я отвечала: «Подожди, я тут рожаю, перезвоню чуть позже». И врачам говорила: «Вы мне кровь не показывайте, если будет, а то я в обморок свалюсь!» Ну то есть совершенно не понимала, куда я вообще приехала и что сейчас со мной будет.

Роды продолжались восемнадцать часов. Сказать, что они были сложные – не сказать ничего. Но впереди меня ждал настоящий ужас: Саша не дышала. Ее очень долго приводили в чувство, паника началась жуткая, к моим врачам присоединились доктора из других отделений, все бегали, суетились, а я пыталась хоть кого-нибудь остановить и добиться объяснений, кричала: «Скажите, что с моим ребенком?!»

> Сказать, что они были сложные, – не сказать ничего. Но впереди меня ждал настоящий ужас: Саша не дышала.

Леша в это время вместе с моей мамой спокойно пил чай в приемном отделении. Я не рассчитывала на их помощь, наоборот, настояла на том, чтобы они рядом не присутствовали, потому что мама бы сразу в обморок хлопнулась, а Леша выстоял бы, конечно, но, вполне возможно, получил травму на всю жизнь. Тогда я была уверена, что мужчинам на родах делать нечего – сама-то не до конца понимала, как мне себя вести. Дело не в боли – я никогда ее не боялась, – а в том, что происходило после

родов. Несколько дней ощущала себя частью кинематографа – мне казалось, что про меня снимают фильм. Вот ребенка унесли, а я почему-то все лежу, и надо бы встать – а не могу, продолжаю валяться на кровати, ругая себя за то, что я плохая мать: девочка где-то там, я ее бросила, думаю только о себе! О том, что встать сразу после родов невозможно в принципе, я тогда просто не знала. И в итоге застыдила себя так, что вскочила на ноги гораздо раньше, чем того ожидали врачи. Прихожу в комнатку, где лежат младенцы, сажусь рядом с дочкой… И так мне ее вдруг жалко стало – аж до слез. Вот это крошечное создание я мучила, таскала по всей стране в поездах и самолетах, перегружала децибелами на сцене. Эти малюсенькие ножки и ручки страдали там внутри меня! А потом вдруг пришла мысль о том, что это создание сильнее меня. Меня, которая всегда распоряжалась и своей жизнью, и своими чувствами! Но теперь это в прошлом, потому что на свет появилась девочка, которую я люблю больше, чем себя, чем свою профессию и чем все, что есть на этой Земле. Это была пугающая мысль, и с ней надо было свыкнуться. Если посмотреть на фотографии выписки из роддома, можно заметить, что взгляд у меня там какой-то странный. Блуждающий какой-то. Рассеянный. Куда-то вдаль смотрю испуганно и категорически не понимаю, что дальше делать, куда ехать, как жить. Провожали меня всем отделением, радостно махали руками и звали заходить еще, но мне хотелось только одного – схватиться за дверной косяк и закричать: «Не-е-ет, я никуда не поеду, не выпускайте меня отсюда одну с ребенком, оставьте здесь, я не справлюсь!!!» Что делать с новорожденной Сашей, я не имела никакого понятия. Естественно, ни на какие курсы подготовки будущих матерей я не ходила, да и вообще ни разу за всю беременность не подумала о том, как себя вести, когда ребенок родится. Страхов было много, а полезных мыслей – ни одной. Подруги мои тогда еще не рожали, младших братьев и сестер у меня не было, и младенцев вблизи я не видела ни разу. Ситуацию спас муж. Он просто взял Сашу на руки и проделал все, что было надо – искупал, переодел и принес мне на кормление. Я, смеясь, говорила: «У меня складывается ощущение, что у тебя где-то тайно от меня уже семеро по лавкам – так ловко ты управляешься с девочкой».

> …на свет появилась девочка, которую я люблю больше, чем себя, чем свою профессию и чем все, что есть на этой Земле. Это была пугающая мысль, и с ней надо было свыкнуться.

Уходя в декретный отпуск, я попросила на восстановление сил месяц. Думала, сейчас быстро рожу, выращу, воспитаю – и

через несколько недель рвану на гастроли. Но когда Саша родилась, я поняла, что месяца не хватит. И вообще ни о каком гастрольном туре не может теперь и речи быть. Я должна выкормить девочку. И оставлять ее на попечение кого бы то ни было в ближайшее время не намерена. Когда первый шок от появления в доме младенца прошел и я научилась ловко справляться с бытовыми мелочами, неожиданно проснулся мощнейший материнский инстинкт.

Я, как зверь, рычала на всех, кто посмел приблизиться к моей малышке, не давала ее в руки ни своей маме, ни даже Леше, мне казалось, что он все делает не так. Она должна быть со мной двадцать четыре часа в сутки, каждую секунду – и точка.

Генеральный директор «Гала-рекордз» Саша Блинов пришел к нам в гости посмотреть на Сашу одним из первых. Мы восприняли это абсолютно нормально, поскольку были очень дружны и часто встречались в неформальной обстановке. Оглядевшись, Саша быстро понял, что эта девочка, ставшая только что мамой, ни на какие гастроли прямо сейчас, конечно, не поедет. Лучше дать ей возможность отдохнуть, восстановиться, выкормить ребенка – и уже тогда отправляться на работу с чистой совестью. Так мы и сделали. Кормила Саню я больше полугода. И только однажды позволила себе за это время отлучиться. Планировались съемки клипа в Америке, и я подготовилась к этой поездке со всей ответственностью, запаслась молоком, но уже в самолете на пути туда поняла, что просчиталась и еды Саше, скорее всего, не хватит. «Немедленно назад!» – сказала я. Мы поменяли билеты, и получилось, что молодая мать восемь часов болталась в самолете, сутки работала без передышки и тут же полетела обратно домой. Все это ради того, чтобы успеть покормить ребенка.

От моих набранных в беременность двадцати килограммов не осталось и следа. Я стала, по-моему, даже меньше, чем была, и в свои двадцать пять выглядела лет на семнадцать. Когда гуляла с Сашкой, местные бабушки качали головами: «Как же ты, такая малышка, справляешься?» – принимая меня за старшую сестру. Но мне подобная домашняя, спокойная, размеренная жизнь очень нравилась. У нас была настоящая семья с традиционным распределением ролей: мама сидит дома, папа каждый день ходит на работу (к тому времени Леша уже покинул мой коллектив и перешел на телевидение – мы решили, что будет лучше работать в разных местах). А вот когда мой декретный отпуск подошел к концу и вновь начались концерты… Вместе с этим пришли и первые новые проблемы.

Мы много раз обсуждали будущее: работать придется по

очереди. Кто-то должен сидеть с ребенком. И еще более очевидно было другое: заботы по дому должны в основном лечь на мужа. Концерты снова пошли сплошной чередой, зарабатывала я больше, чем он. Конечно, вертелась, как уж на сковородке, отказывалась от поездок, стремясь как можно больше времени проводить с семьей и рискуя тем самым навлечь на себя гнев организаторов. Если между концертами оставался хотя бы день – мчалась в аэропорт, чтобы провести этот день с семьей, и потом снова в самолет. Леша вроде теоретически согласился с таким положением дел, но, как только я уехала первый раз, сразу напрягся.

Главным камнем преткновения, как это ни странно, послужил наш собственный дом. Идея оставить шумную Москву и переехать за город витала давно. Устав от толп людей, сопровождающих меня повсюду, я всерьез стала мечтать об уединенной избушке в глухом лесу, собственной пасеке и полнейшей изоляции от цивилизации. Когда мы поняли, что скоро у нас родится ребенок, принялись эту идею реализовывать.

Идея оставить шумную Москву и переехать за город витала давно. Устав от толп людей, сопровождающих меня повсюду, я всерьез стала мечтать об уединенной избушке в глухом лесу.

У меня было довольно четкое представление о том, какой именно дом я хочу. В памяти всплывали образы далекой деревни, куда меня, совсем маленькую, возила бабушка. Там я смотрела на коров, каталась на лошади, дышала чистым воздухом и отлично чувствовала себя в маленькой простой деревенской избушке. Потом родители купили дачу. Как сейчас помню, за три тысячи рублей, и долго хвастались всем родственникам, приглашая в гости. Помню, как на нашу новую шикарную дачу высадился первый десант гостей, они долго вертели головами в поисках усадьбы, а, увидев небольшую постройку, хмыкнули: «Вообще-то у нас сарай такой. Не знали, что его можно тоже назвать шикарной дачей».

В общем, мои представления о роскошных загородных постройках примерно понятны. И риелторов я попросила найти именно старый деревенский дом. Но они показывали в основном огромные коттеджи в новых поселках, и я решила, что старых домов в Подмосковье просто не осталось. Выбрала из того, что мне прислали, самый скромный и уютный домик, правда, тогда это был только фундамент и намечающийся каркас – и мы принялись строиться. В отличие от квартиры, которая оформлена в стиле хай-тек, в доме мне хотелось все сделать по-другому,

создать уют. Я купила кресло-качалку, запаслась шерстью и спицами, чтобы вязать носки внукам, приобрела граммофон – в общем, сделала все, чтобы комфортно встретить старость. Можете себе представить, как я устала тогда от своей активной жизни, что мечтала лишь об одном – о пенсии. Мне нравилось, что наш дом – единственный во всем поселке, который только начинал тогда застраиваться, что вокруг – невероятные просторы, чистейший снег, деревья, речка и что можно гулять по окрестностям, ни о чем не думая. Лешу эта жизнь тоже привлекала, но если я планировала, как повешу на окна шторы, в комнату абажур с бахромой и куплю в кухню буфет – непременно с золотыми вензелями, а как иначе, – то мой муж сосредоточился на гараже. У него был мотоцикл «Урал» – белый монстр с коляской, и Леша все время мучился, куда бы его приткнуть, и вот наконец-то нашелся вариант. Леша с любовью обустраивал гараж на участке и не сомневался, что жить он будет исключительно там, вместе со своим мотоциклом, и его счастью не было предела.

Нас поначалу совершенно не пугало то, что дом – это серьезное вложение всех ресурсов: и материальных, и моральных, и физических. Мы мотались по рынкам, начали разбираться в качестве стройматериалов, в проводке и обоях. Я обустраивала участок. Движимая материнским инстинктом, хотела, чтобы все вокруг цвело и плодоносило, посадила яблони, груши, ягоды. Но сажала все это с тем расчетом, чтобы в центре участка осталось место для полноценного футбольного поля. Несмотря на то, что мы ждали девочку, я была полна надежд, что она пойдет по моим стопам и тоже увлечется футболом, как я в детстве. Наслаждалась покоем и одиночеством, оно мне было необходимо в тот период, очень плодотворный во всех смыслах, в том числе и в творческом. Именно здесь написан альбом, который я, недолго думая, назвала «Одиночка».

С рождением Саши мы перебрались за город окончательно и продолжали обустраивать дом, что-то доделывали, что-то переделывали. И вдруг в один прекрасный момент все сломалось. Леша обнаружил папку, в которой хранились счета и чеки, связанные со строительством. Посмотрел на цифры, указанные там, и обомлел… Пока мы работали вместе и жили в съемной квартире, никто из нас не интересовался, кто сколько зарабатывает и куда эти деньги идут. Это была общая копилка, из которой каждый брал столько, сколько ему надо. И, судя по всему, Леша особо не задумывался, сколько стоит квартира, в которой мы жили раньше, и во сколько нам обошелся этот дом. А когда увидел конкретную цифру, ему стало плохо. «Я никогда не

смогу зарабатывать столько, сколько приносишь в семью ты», – огорченно сказал он. Я пыталась объяснить ему, что меня этот момент нисколько не волнует, что для меня вообще деньги – несущественная деталь, но он не поверил. В итоге мне даже стало стыдно, что я – женщина – больше зарабатываю. Я стала тщательно скрывать свои доходы, подкладывать ему тайком деньги, но ситуацию это не улучшило.

Дальше – больше. Пока я сидела в декрете, Леше практически не приходилось ухаживать за Сашей. В результате через полгода он уже не знал о ней ничего – ни искупать, ни накормить толком не умел. Стало понятно, что он с ней не справится. Нужна была няня. К тому же я понимала, что не имею права посадить взрослого талантливого мужчину дома с ребенком – он должен работать. Но стоило мне только заикнуться о поисках няни, он страшно возмущался: «Зачем нам в доме чужая женщина, если у ребенка есть мать?!» Думаю, он был бы счастлив, если бы я бросила сцену и занималась бы лишь домом и Сашей. Мне это даже слышать было странно: я выходила за Лешу замуж в уверенности, что нас-то такие проблемы не коснутся и что у нас в семье подобных разговоров не будет. Мне казалось, что он знал, на ком женится… И хотя мне всегда были смешны слова некоторых эстрадных звезд, которые с пафосом восклицали: «Я выбрал сцену!» – и для меня семья всегда оставалась на первом месте, я не могла уйти в одночасье. У меня есть коллектив, который от меня зависит, есть компания, с которой контракт, есть зрители… Я не могла вот так запросто взять и бросить все. Да и в конце концов музыка – мой хлеб, я больше ничего не умею делать.

Думаю, он был бы счастлив, если бы я бросила сцену и занималась бы лишь домом и Сашей. Мне это даже слышать было странно: я выходила за Лешу замуж в уверенности, что нас-то такие проблемы не коснутся.

Чем чаще Леша оставался дома один, тем хуже ему становилось. Я теперь понимаю домохозяек, которые в отсутствие мужей пережевывают у себя в мозгу одни и те же события и сходят с ума… Его все время одолевали странные мысли, необоснованные подозрения. «Откуда у тебя эти сережки?» – как-то спросил он и потряс перед моим носом какой-то дешевой бижутерией за двести рублей, купленной в переходе. Пришлось рассказать, где и когда я их купила. Он успокоился, но ненадолго. Вскоре эти вопросы стали обыденностью. Когда он перебрал в пылу своей ревности всех моих друзей и знакомых и я, чтобы его не раздражать, вычеркнула их имена из своих телефонных

книжек, он перекинулся на людей, с которыми я работаю. «Куда вы уезжали с концертным директором в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое января 2008 года из гостиницы в Казахстане?» Если я не могла в течение секунды придумать ответ, начинался скандал. «Неужели ты так быстро забыл, что такое гастрольная жизнь? – удивлялась я. – Забыл, как выматывают эти переезды, перелеты, саунд-чеки, интервью и концерты? После них хочется только одного – спать». Я пыталась припомнить, сколько знакомств у меня завязалось за время моей долгой гастрольной деятельности. Ни одного! Я улыбаюсь сотням людей в каждом городе, это моя профессия, но ни о каких знакомствах, а тем более отношениях речи быть не могло. Хуже всего, что терзаться подозрениями он начинал обычно в день моего концерта. Концерт начинался в семь вечера, и я могла быть почти уверена, что в шесть он мне позвонит и скажет: «Я нашел у тебя новое украшение, и я догадываюсь, откуда оно у тебя взялось!» Вывалит на меня ком совершенно необоснованных обвинений, швырнет трубку и отключит телефон. И я знаю, что раз он вбил что-то себе в голову, выбить я это оттуда смогу, только если буду рядом и, глядя ему в глаза, приведу тысячу доказательств своей невиновности. А я за тысячу километров, у меня в глазах слезы, а за спиной – многотысячный зал, которому нет дела до того, что у меня произошло. И я капаю в глаза все лекарства мира, чтобы они меня не выдали, а после концерта мечусь, как загнанный зверь, по аэропорту в поисках ближайшего рейса на Москву, бросая на произвол судьбы весь свой коллектив в надежде спасти брак.

И я капаю в глаза все лекарства мира, чтобы они меня не выдали, а после концерта мечусь, как загнанный зверь, по аэропорту в поисках ближайшего рейса на Москву, бросая на произвол судьбы весь свой коллектив в надежде спасти брак.

В какой-то момент Леше почему-то вдруг стало казаться, что мы с ним буквально в кольце врагов. Что моя компания откровенно наживается на мне, и вообще нас окружают одни бандиты, нам все хотят зла, а если и пытаются дружить, так это потому, что я для них – золотое руно. Он требовал уволить то концертного директора, то охранника, претензии и причины каждый раз были разные. Удивительнее всего было то, что он сам проработал с этими людьми много лет и видел, как они за нас болеют. Они давали мне отпуска, перекраивали гастрольные графики по моему, а значит, и по Лешиному желанию, делали очень много явно невыгодных для себя вещей только для того, чтобы помочь нам. И ни слова упрека. В какой-то момент я

попросила Лешу не поднимать в разговоре со мной тему нашей компании, но получилось только хуже: он стал звонить ребятам из моего коллектива напрямую. И все, что до этого слышала я, услышали они сами своими ушами. «Марина, зачем ты настроила Лешу против нас?!» – слышала я потом рыдания в телефонной трубке. А что я им могла сказать?!

Атмосфера дома накалилась до предела. Я старалась изо всех сил, чтобы Саша ничего не слышала – мы при ней никогда не ругались. Но не замечать изменений в папином поведении она не могла. В своих расстроенных чувствах Леша постепенно вообще потерял к дочке интерес. Она просыпается утром, радостно говорит: «Папа!» – а он, даже не дослушав, поворачивается и уходит курить. Или, поговорив со мной по телефону перед концертом и как следует разозлившись на меня, хлопает дверью и исчезает на сутки. Я уверена, даже если бы он с Сашей был дома один, без няни, его бы это не остановило, бросил бы ребенка и ушел. Вообще постепенно его отлучки стали все более частыми и все более долгими. Я понимала, что ему надо уйти в загул, и, может быть, даже мирилась бы с этим, если бы не Саша. Очень скоро она стала понимать, что происходит, и каждый день интересовалась:

«А где папа? Когда он придет?» Стояла около двери, никуда не отходила, ждала. У меня сердце на части рвалось.

Мы перепробовали все, что возможно. Я каждый раз, приезжая с гастролей, старалась устроить мужу праздник, свечи зажигала, подарки ему привозила. Действия это особого, правда, не имело. На подарки он внимания не обращал, зато, обнаружив на столе отсутствие ложки, мог буркнуть: «А что, ложку трудно было положить?!» – хлопнуть дверью и уйти. Мои попытки походить вместе к психологу тоже ни к чему не привели. Мужчинам такой шаг вообще очень трудно дается. Леша сказал, что ему лечиться вовсе не надо, потому что он абсолютно здоров, а мое желание отвести его к специалисту воспринял совсем уж странно: посчитал, что я таким образом хочу признать его недееспособным и лишить наследства. Самой серьезной попыткой помириться стало венчание.

> Во время беременности я вдруг осознала, что мне необходима какая-то психологическая опора и поддержка – уж больно сумбурными и хаотичными были и мысли в голове, и вся моя жизнь в целом.

Когда я была на пятом месяце беременности, познакомилась с человеком, который стал моим духовником. Он много с нами

беседовал, посещал нас каждое воскресенье, очень интересно рассказывал о многих вещах. Когда я описала ему нашу красивую свадьбу на Бали, он категорично сказал: «Церковь такую процедуру свадьбой не считает, а значит, ваша жизнь – блуд. Надо венчаться по-настоящему». Я всегда была православным человеком, наша семья по воскресеньям ходила в церковь, но родители не настаивали, чтобы мы читали молитвы перед едой и отходом ко сну. И, когда мы с Лешей женились, вопрос венчания не стоял так остро. Но во время беременности я вдруг осознала, что мне необходима какая-то психологическая опора и поддержка – уж больно сумбурными и хаотичными были и мысли в голове, и вся моя жизнь в целом. Мы решили, что пора венчаться. Я позвала дизайнера, который сшил невероятное пышное платье (вот что с людьми делает беременность!). Назначили время церемонии, договорились с церковью, пригласили гостей. Все было готово, но внезапно в моей голове что-то щелкнуло. «Отменяйте, – говорю, – праздник. Я передумала. Не готова!» Почему я так сделала? Появилось ощущение, что еще не время. Не пора. Масла в огонь подлила врач, которую я вызвала на дом, заболев жутчайшим гриппом. Она, осмотрев меня, совершенно невпопад и непонятно зачем сказала: «Потому что подрастающее поколение живет в блуде». Я не поняла, к чему относилась эта фраза, но она меня чрезвычайно задела. Получается, все вокруг твердят о том, что мне обязательно надо венчаться. Мое природное упрямство подсказывало: чем больше мир толкает меня куда-то, тем активнее надо сопротивляться. Теперь-то я уже понимаю, что упрямство было право. И что свою интуицию надо слушать и учиться доверять ей. Потому что именно благодаря умению не соглашаться с миром и не быть как все, я стала тем, кем стала. Иначе жила бы в тренде, прогибалась под давлением общества и не смогла бы развиваться.

В общем, тогда я отказалась идти под венец, но в период кризиса в семье решила, что надо вернуться к этому вопросу. Леша целиком поддержал мою идею, он очень надеялся, что поход в церковь сделает из меня примерную жену и мать, уберет из моей головы разные ненужные в семейной жизни мысли и стремления. Мы повенчались. Надо ли говорить, что облегчения это не принесло? Все-таки никакие высшие силы не могут спасти брак, в котором люди изначально не договорились. А договариваться Леша не очень стремился. Может быть, все дело в том, что он из неполной семьи? Я выходила замуж раз и навсегда, поскольку перед глазами у меня был пример родителей, проживших в браке тридцать лет, и установка: «Семью нельзя

рушить ни при каких обстоятельствах, у детей должны быть и мать, и отец».

> Я выходила замуж раз и навсегда, поскольку перед глазами у меня был пример родителей, проживших в браке тридцать лет, и установка: «Семью нельзя рушить ни при каких обстоятельствах, у детей должны быть и мать, и отец».

Лешины родители развелись, когда ему было семь лет, а воспитывала его почти все время бабушка. Договариваться и обсуждать свои проблемы у них было не принято, поэтому все мои попытки найти какой-то компромисс уходили в песок.

Разумеется, в том, что в итоге мы развелись, виноват не только и не столько Леша. Во многом мы стали заложниками сложившейся ситуации. Если рассуждать абстрактно, не пытаясь никого обвинить, то можно нарисовать такую картину. Мужчина знает, что он должен содержать семью, быть стеной, тылом. Но такая стена у них в браке уже есть – жена. Чтобы мужчина начал активно реализовываться, жена должна дать ему понять, что семья нуждается в его заработках. А это значит, что она должна бросить то, к чему шла долгие годы, забыть свое любимое занятие, оставить ребенка без куска хлеба – и все это лишь для того, чтобы простимулировать мужчину к заработкам. Леша прекрасно понимал, что Сашу я без пропитания не оставлю, работу не брошу, а стало быть, никакого стимула много зарабатывать у него не было, у нас и без него всегда благополучно с финансами. Пойти учиться он не мог – тогда пришлось бы окончательно признать себя иждивенцем и сесть мне на шею, а это было уже слишком даже для него. Найти высокооплачиваемую работу? Он пытался: сначала хотел стать концертным директором, потом мечтал создать собственный бизнес, никак с музыкой не связанный. Мы с ним вместе загорелись этой идеей, но почему-то очень быстро оказалось, что строить, организовывать и нанимать людей должна я. Конечно, во многом виноват еще мой собственный характер: я лидер по натуре и, вполне возможно, очень сильно на него давила. Он привык, что я все делаю сама, и расслабился. От того образа, в который я когда-то влюбилась, не осталось и следа. Подарить жене что-то к Новому году? Отправлю-ка я водителя, пусть сам выберет, купит и привезет. Приехать срочно домой? Марин, а пришли-ка за мной водителя… И прочее, и прочее. Я почувствовала, что тоже начала меняться, за полтора года наших конфликтов не написала ни одной новой песни. Это я-то!

Я, у которой в голове всегда были наброски новых песен,

отрывки новых стихов или прозы. А тогда я даже блокнот свой любимый потеряла.

> Я всегда считала себя очень решительным человеком. Но решение развестись с любимым мужем, отцом дочери, далось мне очень непросто.

Я всегда считала себя очень решительным человеком. Но решение развестись с любимым мужем, отцом дочери, далось мне очень непросто. Я несколько раз подходила к нему вплотную, но каждый раз передумывала. Пока однажды, говоря ему о том, что он стал слишком холоден с дочерью, не услышала фразу: «Понимаешь, у меня еще будут дети, а вот такой, как ты, у меня уже никогда не будет». Может быть, он думал, что мне это очень польстит, что я пойму, как он меня любит, и прощу его, а получилось наоборот. Фраза была, как пощечина. «Никакая женщина не сможет тебя любить и быть тебе благодарной за то, что ты есть, если ты не любишь ее ребенка», – сказала я. После этого уже стало нельзя ничего вернуть. Нет, конечно, он любил Сашу. Но как-то по-своему. А мне казалось в высшей степени несправедливым заставлять ее страдать. Если Леша исчезал из дома на день-другой, она все время о нем вспоминала. Потом постепенно начинала забывать – маленьким детям это свойственно. Как только он появлялся, он опять становился центром Вселенной. Я видела: чтобы общение не травмировало ребенка, оно должно быть регулярным. Не тогда, когда захочет папа – то каждый день, то раз в месяц, – а регулярным. Он звонит и говорит: «Я хочу увидеть дочь!» Я говорю: «Пожалуйста, но приезжай хотя бы раз в неделю к ней!» Он является (без подарков для ребенка, без извинений), а потом снова пропадает на два месяца. А она ждет. Постепенно это стало превращаться в большую проблему для дочки, она стала плохо себя чувствовать, перестала спать ночами. А он мог у себя собрать друзей и демонстративно при них начать кричать мне в трубку: «Ты не даешь мне ребенка!» Да пожалуйста, приезжай хоть каждый день. И если обещаешь – то приходи обязательно. Саша помнила все, что ей говорил папа. Ждала его, надевала самое красивое платье, крутилась перед зеркалом, у нее сердечко прыгало от радости – папа приедет! А он приезжает вдвоем с другом, вламывается в гараж с возгласом: «Мы сейчас только солярку заберем!» – через минуту оттуда вываливается и уезжает восвояси еще на месяц. Как я после этого могла поступить? Разрешить ему мучить девочку и дальше?

Он вообще любитель решать конфликты способом под названием: «Вышел и хлопнул дверью». Когда-то мне это страшно

нравилось, казалось признаком мужества. А потом стало напрягать. Я могла проснуться оттого, что в воздухе вкусно пахло костром. Открыть глаза и понять, что лежу в собственном доме, а костром пахнет, потому что в камине догорает наш семейный альбом. Потому что он увидел эсэмэску: «Спасибо, Марина, я уже стою на остановке». Это писала няня в ответ на мое предложение довезти ее до дома. А он, не разобравшись, конфликт решил вот таким образом. И в тот раз, когда я сказала, что всему конец, реакция была очень похожей. Хотя я ждала какого-нибудь разговора, объяснений. Нет, ничего подобного. Просто очередной раз хлопнула дверь. Я решила, что это в последний раз.

> Оставшись одна, я снова стала писать песни. И это было очень хорошим знаком. Значит, я возвращаюсь к себе.

Оставшись одна, я снова стала писать песни. И это было очень хорошим знаком. Значит, я возвращаюсь к себе. Но дорога оказалась предельно сложной. Мы же много лет вообще не расставались. Он был моим лучшим другом. Вся моя жизнь вертелась только вокруг него. Знаете, что меня напугало сильнее всего, когда мы расстались? Моя собственная записная книжка.

> Я осталась одна – одна во всей Вселенной. И надо было во что бы то ни стало начинать новую жизнь.

В ней насчитывалось всего восемь человек. Включая родителей и одноклассников. А мне ведь было тогда двадцать пять… Я осталась одна – одна во всей Вселенной. И надо было во что бы то ни стало начинать новую жизнь.

Глава 5. Разные дороги

Говорят, что артисты относятся к браку в высшей степени легкомысленно. Что они живут где-то там на своих гастролях и думают только о том, сколько народу придет на концерт. Или что в их головах и сердцах только музыка и ничего больше туда не помещается. Не знаю. Может быть, в большинстве случаев это и справедливо, но только не по отношению ко мне. Решение о разводе далось мне очень непросто. Я росла в хорошей дружной семье, мои родители вместе практически со школьной скамьи и, несмотря на то что жизнь не всегда их баловала, не расстались. И я тоже была уверена, что свою семью буду создавать один раз и на всю жизнь и сохраню ее во что бы то ни стало. Я и до сих пор утверждаю, что семья – это самое главное в жизни. Ее надо беречь и не давать ей рассыпаться. А людям, которые остаются вместе, пройдя огонь, воду и медные трубы, нужно памятники ставить. Когда мы с Лешей поженились, нам пришли тысячи писем со всех уголков страны. «Спасибо вам! Глядя на вас, мы тоже решили узаконить наши отношения. Вы помогли нам поверить в то, что любовь все-таки существует», – писали люди. Они присылали нам букеты и подарки и радовались за нас так, будто мы были их ближайшими родственниками. Я понимала, какая на мне лежит ответственность, и очень не хотела разочаровывать людей. Ведь получалось, что, не сумев сохранить брак, я разрушила не только собственные надежды и мечты, но и заодно чаяния своих поклонников. Высокопарно, конечно, звучит, но это было так.

Я всегда радуюсь, когда узнаю, что кто-то из моих знакомых женится. Когда же люди приходят ко мне на концерт счастливыми семьями, готова смотреть на них часами. И бесконечно желать им: «Ребята, только держитесь друг за друга!» Мне очень больно бывает слышать о том, что где-то в мире развелись очередные супруги и теперь они со скандалами и взаимными упреками делят имущество и детей. Не люблю разводы. И чтобы сохранить свой собственный брак, сделала очень много. Я честно старалась, да и Леша тоже. Но, видимо, нам не хватило житейского опыта. Молодость, моя профессия, практически несовместимая с семейной жизнью… Да много чего еще, даже не хочется вспоминать.

Впрочем, страдать и рефлексировать было некогда. У меня оставались Саша и работа, и я разрывалась между дочкой и сценой, думая только о том, что двадцать четыре часа в сутки – это непростительно мало. Мне никак не удавалось впихнуть в

отведенное время все, что я задумала. Понятно, что в тот период ни о каких знакомствах с целью завести романтические отношения речи просто быть не могло. Когда? Где взять на это силы? Я предприняла несколько попыток найти телефоны друзей и приятелей, с которыми много лет назад потеряла связь, реанимировать отношения, но интересного общения не получилось. Я уже хотела совсем махнуть рукой на личную жизнь, но вдруг случилась история, которую я не могу забыть до сих пор.

Мы жили вдвоем с маленькой Сашкой в той квартире, в которую за два года до этого въезжали, радостные и предвкушающие большое счастье. Квартира по-прежнему была прекрасна, Сашка росла, радовала меня и уже вполне бодро ходила. Я каждое утро выкатывала коляску с ребенком в парк неподалеку от дома, доходила с ней до кафе – очень мне нравилось пить чай, сидя за столиком под зонтиком, читать книгу или просто размышлять о жизни, пока дочка спала. И вот однажды Саша проснулась и решила размяться, попросила, чтобы я отстегнула ее от коляски и радостно потопала между столиками. Но оступилась и начала резко заваливаться набок в опасной близости от угла столика. Я рванула к ней, но вдруг буквально из ниоткуда рядом с Сашей материализовался высокий крепкий мужчина с сияющей улыбкой и ясными глазами. Он на лету подхватил девочку, посадил ее в коляску, улыбнулся мне и как ни в чем не бывало пошел дальше. Это было так неожиданно, что накрепко врезалось мне в память. Я сидела и думала: вот есть же на свете хорошие люди, которым небезразличны чужие дети.

Незадолго до этого события у меня завелся таинственный и странный поклонник. Независимо от того, находилась я в Москве или на гастролях, каждый день в мою дверь стучался посыльный и доставлял букет цветов. Никаких записок или визиток в цветах не было, я, как ни выпытывала курьера, не могла узнать, от кого они. А спустя буквально неделю после эпизода с Сашей я отправилась на гастроли в Питер, и в моем гостиничном номере раздался звонок: «Марина, не могли бы вы спуститься в холл отеля, вас ожидают». Я с изумлением узнала в незнакомце, топчущемся у дверей гостиницы, того самого мужчину, который так удачно оказался недавно рядом с Сашкой и не дал ей упасть. Разумеется, я захотела с ним поговорить, и буквально за пятнадцать минут беседы выяснилось, что человек знает обо мне абсолютно все. Как зовут моих родственников, что я предпочитаю на ужин, в какой город направлюсь послезавтра. Было ощущение, что он неотступно следует за мной много лет – так подробно он описывал мою собственную жизнь. Рассказал и о себе: о том, что у него есть сын, о путешествиях, которые планирует в ближайшее

время, а на прощание заверил меня, что я обязательно буду его женой. Он точно это знает! Я смотрела ему вслед и размышляла: «Сумасшедший? Вроде не похож». Уверенный в себе, хорошо одетый, складно говорящий молодой мужчина. Я была заинтригована.

Гоша – так звали моего нового знакомого – окружил меня заботой и вниманием. Стал появляться на всех мероприятиях, куда меня приглашали (я не выясняла, как ему удавалось попадать в ВИП-зону самых разных заведений, вход в которые бдительно охранялся, но он каждый раз неизменно оказывался там). Несмотря на то что я никогда не давала ему ни своего адреса, ни телефонов, ни расписания концертов, он откуда-то все это знал, потому что цветы продолжали поступать с той же регулярностью. Однажды он приехал ко мне на дачу, задарив Сашу плюшевыми игрушками. Мы общались все больше, он оказался очень неглупым, приятным в общении, галантным кавалером. Гоша был уверен в том, что мы обязательно будем вместе. Пару раз мы вдвоем попадали под прицел фотокамер, и я боялась, что за этим последует волна публикаций в духе: «Марина и ее новый спутник», но этого не происходило. А потом он предложил мне отправиться вдвоем в путешествие. Я, поскольку была на тот момент абсолютно свободна и Гоша был мне симпатичен, подумала: «А почему бы и нет?» Меня совершенно не останавливало то обстоятельство, что я еду отдыхать с человеком, которого даже за руку ни разу не держала. Была уверена – если захочу сохранить платонические отношения, Гоша, как человек благородный, это примет и не обидит меня.

Гоша купил какой-то сумасшедший роскошный круиз. Я начала собирать чемоданы. А за день до отлета назначила визит в Боткинскую больницу – там принимал мой массажист – и неожиданно в коридоре наткнулась на Гошу. Бледного, худого, изможденного. Он сказал: «Не обращай внимания на мой вид, все нормально. Просто к врачу забежал ненадолго, завтра встречаемся в аэропорту». Но в назначенный час, когда я уже стояла в зале отлета, озираясь по сторонам в поисках моего спутника, зазвонил телефон. «Я Гошин брат, – сказал мужской голос. – Гоша просил передать, что его неожиданно забрали в реанимацию, но это ничего не значит! Он отдохнет там под капельницей, а завтра присоединится к вам. Летите и ждите его на месте». Я пошла на посадку, села в самолет и, прислонившись лбом к иллюминатору в ожидании взлета, долго думала: «А куда я лечу? Зачем? У меня дочь одна дома, Гоша в больнице». В последний момент попросила стюардессу снять мой багаж с рейса, вышла из самолета и уехала домой.

Наутро раздался звонок с незнакомого номера. «Гоша умер. Сегодня ночью. Я – его брат. Приезжай по этому адресу».

У меня был настоящий шок. Почему? Что случилось? Гоша казался мне воплощением здоровья: огромный, сильный, уверенный в себе тридцатипятилетний мужчина. Он всегда улыбался и никогда ни словом не обмолвился о том, что ему плохо. Впрочем, что я знала о нем? Не раздумывая ни секунды, я приехала по указанному адресу. Меня встретила Гошина мама – ее тоже зовут Марина. Пообщавшись с ней, я с удивлением узнала, что воспринимает она меня как свою невестку. Мама моего друга была уверена, что свадьба – вопрос решенный. Родные его думали точно так же. На церемонии прощания меня поставили рядом с родителями. И все это восприняли абсолютно нормально. Народу пришло какое-то невероятное количество, очередь из желающих проститься с Гошей уходила далеко за пределы церкви… И все, проходя мимо, кивали мне, как хорошо знакомому человеку. Причем не как известной певице, а как женщине, близкой их другу. А я… Так вышло, что по-настоящему познакомилась с этим человеком только на его похоронах. Он был военным. Прошел Чечню, на своих руках выносил заложников из осажденного «Норд-оста». У него было столько медалей, что они не помещались на его груди – рядом с гробом положили подушечку, и часть орденов переехала туда. Он был несколько раз серьезно ранен, одна из старых ран и стала причиной смерти. На поминках я сидела за столом вместе с его боевыми товарищами, они рассказывали о его подвигах, а я была поражена – даже не подозревала, что рядом со мной все это время жил настоящий герой. Не такой, знаете, надутый индюк из тех, кто любит рассуждать о ратных подвигах, не вставая с дивана (подобных я встречала в своей жизни часто), а настоящий смелый человек, постоянно смотревший в лицо смерти и умевший принимать важные решения, не разглагольствуя, а действуя. «Как же пуста и никчемна моя жизнь по сравнению с его», – думала я. И с горечью осознавала, что успела уже привыкнуть к его заботе, щедрости и уверенности в том, что мы будем вместе и все у нас будет хорошо. Я впервые столкнулась с настоящим чувством. Что я в жизни знала? Артистическая среда не щедра на нежность. И я, едва узнав, что бывает по-другому, что мужчина, оказывается, может брать на себя ответственность и отвечать за свои поступки, так быстро его потеряла.

С той печальной годовщины прошло четыре года. Я была у его мамы, принесла букет. Его сын Никита спросил у бабушки: «Почему Марина принесла так много цветов?» «Потому что твой папа очень сильно любил Марину», – ответила бабушка. Боль не

уходит. И вряд ли когда-нибудь уйдет.

На мое счастье, об этой истории ничего не знали журналисты. Что было очень странно, потому что в то время они тщательнейшим образом следили за каждым моим шагом, но поймать в объектив человека, который чаще других оказывался тогда рядом со мной, никому не удалось. Зато других – случайных знакомых, моих менеджеров, друзей детства, с которыми у меня никогда не было даже намека на романтическую связь, – они ловили постоянно. И чуть ли не каждый день в прессе появлялась очередная волшебная история о том, что я нашла своего принца или выхожу замуж за олигарха. Несколько лет назад, когда я только пришла в «Гала-рекордз» никому не известным артистом, мне хотелось быть востребованной. А потом, как в той сказке, мне захотелось сказать: «Горшочек, не вари!» «Не пишите обо мне больше ничего, пожалуйста», – думала я. Никогда не была согласна с расхожей фразой: «Не важно, что именно о тебе пишут в прессе, лишь бы вообще что-нибудь писали». И никогда бы не согласилась с Миком Джаггером, уверявшим: «Пока мое фото на первой полосе журнала, мне все равно, что там пишут обо мне на пятьдесят восьмой». Мне было не все равно. Я не люблю, когда врут. Но в то время чуть ли не каждый день я узнавала о себе из газет уйму интереснейшей информации, которая не имела ко мне ровным счетом никакого отношения. Помню, однажды в какой-то газете целый разворот был посвящен пяти малоизвестным продюсерам, каждый из которых рассказал про меня свою историю. Сводились они, в общем и целом, к одному: продюсер приглашает певицу Максим в номер отеля и дальше там происходит понятно что. Я читала и не верила своим глазам. С четырьмя из пяти представленных на фотографиях к статье «шикарнейших» мужчин я не то чтобы не ходила ни в какие номера, даже знакома-то не была. Первый раз видела их физиономии. А пятого я знала, именно он нашел мне когда-то первую работу в той самой банке, но отношения у нас всегда оставались чисто деловыми. В себя после этого «чтива» я приходила долго. Тогда еще наивная, категорически отказывалась верить, что такие вот небылицы можно просто выдумывать. Километрами. Сочиняя все, от первого до последнего слова. «Нет, – думала я, – не может быть. Мне надо непременно во всем разобраться». Была уверена, что ребята, гордо именующие себя продюсерами, на самом деле просто перепутали, водили в эти самые номера каких-то девиц, каждая из которых называла себя певицей Максим (девицы, кстати, тоже наверняка не со зла ввели их в заблуждение и так именовали себя. И они что-то путали). В своем стремлении восстановить

справедливость я порывалась даже звонить в вышеперечисленные гостиницы, чтобы просить их разыскать базы данных и подтвердить для суда, что меня в указанный период во вверенных им номерах не было и быть не могло. Мне представлялось это так: сейчас найду договоры сдачи номеров, узнаю, кого приглашали в эти номера вместо меня, позвоню этим горе-продюсерам, объясню им, что они просто ошиблись, они признают, что были неправы, опровергнут свои собственные слова на страницах той газеты, и все будут довольны. В общем, развела бурную деятельность. Но потом мне объяснили, что я зря стараюсь. Люди пытаются делать свои жалкие чахлые карьеры, а поскольку человеческим способом (например, с помощью непосредственной работы) продвигаться не умеют, используют вот такую извращенную форму, через чье-нибудь громкое имя. Человек покупает журнал, на обложке которого известная певица, читает статью про нее и заодно узнает, что живет на свете такой продюсер Вася Пупкин. Дело сделано! Понятно, что я была далеко не единственным артистом, который через это прошел. В общем, пришлось махнуть рукой и оставить этих болезных в покое. Но юридический отдел «Гала-рекордз» не считал такое решение правильным. Там работали бесперебойно и не давали спуску бесчисленным клеветникам, аккуратно и скрупулезно судясь с каждым, кто осмеливался наживаться на моем имени. Много было претензий и к различным интернет-компаниям, решившим почему-то, что они имеют право нелегально продавать мои песни без всякого согласования с правообладателем. Вскоре разбирательств стало так много, что я рисковала попасть в книгу рекордов как самая скандальная певица, судящаяся одновременно с самым большим количеством мошенников. И многие воспринимали меня как непримиримую скандалистку, хотя лично я ни с кем дела не имела, не до того было. Только один раз я вышла из себя по-настоящему, но случай оказался и в самом деле вопиющий.

Я всегда дружила и продолжаю тепло общаться со всеми своими фан-клубами. Это замечательные ребята, я очень им благодарна и ценю то, что они у меня есть. Ну и, разумеется, никогда не отказываюсь от общения с фанатами. Однажды в их ряды затесался странный такой тип. Меня немного смутил его детский энтузиазм и непосредственность в сочетании с довольно солидным для фаната возрастом: ему было хорошо за сорок. Но поначалу я не придала этому особого значения. «Ладно, – думаю, – люди разные бывают, не мне судить». Дала ему один автограф, второй, потом последовала просьба сфотографироваться. Я согласилась и сделала с ним несколько

совместных снимков в своей обычной манере (обнять, подмигнуть в камеру, высунуть язык, как бы дурачась). Такие фотографии есть практически у всех членов моего фан-клуба, нормальная практика. Но как только снимки оказались в руках этого странного человека, у него что-то перегорело в мозгу. С какого-то перепугу товарищ решил, что он мой продюсер. Почему? Откуда он это взял? Непонятно. Но если бы дядечка эту мысль смог держать при себе, я бы внимания даже не обратила – мало ли на свете ненормальных. Он же решил донести ее до людей. В один прекрасный день я открыла популярный журнал и с изумлением прочитала, что этот горе-продюсер выпускает книгу под названием «Моя Максим». Сначала посмеялась, потом удивилась – ничего себе поворот! С трудом переварив эту новость, я принялась листать журнал дальше и обнаружила там выдержки из глав совершенно дикого, невероятного опуса. Там рассказывалось, как он со мной познакомился, как мы полюбили друг друга, как он жил со мной (как потом выяснилось, парень вообще геем был), как ночами напролет, не смыкая глаз, писал мне песни, с которыми я потом стала известной. «Вот я какой молодец, делаю из простых девочек звезд, одну уже сотворил. Приходите ко мне – из вас тоже сделаю», – призывал «продюсер» читательниц. Вся эта смехотворная ложь была изложена с такими изощренными подробностями, что у меня от возмущения в глазах потемнело. Надо было срочно остановить этого безумца, пока он не наворотил дел. И я собственноручно подала на него в суд – за оскорбление чести и достоинства. Суд я, к удивлению своему, не выиграла. Судьи не увидели в книге ничего, унижающего мое достоинство, так как в ней не было таких слов, как все наши официально признанные «оскорбительными», и дело было закрыто. К счастью, тираж все-таки удалось зарубить, и этот мерзкий опус так и не увидел свет. Но поскольку тот журнал читала не только я и цитаты из псевдокнижонки быстро разошлись по другим средствам массовой информации, репутация певицы Максим пострадала порядочно, парочка журналистов поверили этому идиоту, дядя раздал миллион интервью, рассказывал всем и каждому, как раскручивал меня, а я себя при этом вела, как «звездила». Я читала и думала: «Ну вот ты, «продюсер», ну хоть какие-то сведения обо мне собери, прежде чем врать! Вообще никаких совпадений! Какая же топорная работа!» К журналистам, эти интервью бравшим пачками, тоже вопросы были. Тема скандальная – неужели нельзя хотя бы попросить этого «продюсера» показать договор о сотрудничестве? Не говоря уже о справке из психоневрологического диспансера. Видно же, что у него не было ни того, ни другого. И я до сих пор

вздрагиваю, когда думаю, что могла бы и не увидеть ту публикацию. Книга бы вышла, и у меня появилась бы альтернативная биография, ничего общего с моей собственной жизнью не имеющая.

Эта история меня тогда просто потрясла. Я на собственном примере убедилась, что один-единственный ненормальный тип может наворотить таких дел, которые потом много лет нельзя будет уладить. Да, можно изъять тираж книги, можно запретить человеку приближаться ко мне на пушечный выстрел, да хоть в психушку его упечь – моей репутации это не исправит. До сих пор некоторые считают меня скандальным недружелюбным человеком, который чуть что – бежит в суд. А журналисты до сих пор опасаются брать интервью, они совсем не уверены, что певица Максим встретит их радушно и ласково.

Толика правды в этом есть. Я действительно не самый общительный в мире человек и непросто схожусь с незнакомыми людьми.

До сих пор некоторые считают меня скандальным недружелюбным человеком, который чуть что – бежит в суд. А журналисты до сих пор опасаются брать интервью, они совсем не уверены, что певица Максим встретит их радушно и ласково.

И иногда по моему лицу можно прочитать, что я совсем не рада собеседнику.

Но это вовсе не от заносчивости. Просто иногда я слишком глубоко ухожу в собственные мысли. Так глубоко, что не замечаю происходящего вокруг. А людям, идущим в этот момент мне навстречу, кажется, что мой суровый отрешенный взгляд направлен именно на них. И они, может быть, хотели бы со мной заговорить, поприветствовать, но, натыкаясь на этот взгляд, предпочитают обойти певицу Максим десятой дорогой. Я начисто лишена так называемой светскости, которая позволяет другим направо и налево улыбаться, раскланиваться и заводить ни к чему не обязывающие разговоры. Не мое это. А еще, признаюсь вам, невероятно стеснительна. И причина моей необщительности чаще всего кроется как раз в этом. Иду я, например, по коридору Останкино и вижу Леонида Агутина, которого бесконечно уважаю и ценю, считая настоящим высококлассным музыкантом. Я радуюсь ему, мне очень многое хочется сказать Леониду: какие у него классные песни, какой он талантливый музыкант, и тому подобное. Я готовлю пламенную речь, набираю в легкие побольше воздуха, но, поравнявшись с ним, вдруг робею и тихонько шепчу: «Здравствуйте». Вид при этом имея независимый и

неприступный – надо же как-то замаскировать смущение. А со стороны кажется, что певица Максим просто не считает нужным снизойти до разговора с маэстро, такая вот она бука.

Хотя иногда, конечно, приходилось переступать через свою стеснительность и налаживать с коллегами общий язык. Однажды предстояло мне ехать на гастроли в город Екатеринбург. Встаю в пять утра, чтобы успеть на самолет, и понимаю: «Что-то не то». Голоса нет совсем. Пишу эсэмэску ребятам из «Гала-рекордз», мол, что делать, спасите. Звони, отвечают, Билану, проси его дать телефон местного екатеринбургского врача – он отличный вокалист, и у него в каждом городе по фониатру имеется. И телефон кидают. Мне ничего не оставалось делать, как полшестого утра набрать номер Билана, с которым я до этого даже шапочно знакома не была. «Доброе утро, – говорю я хриплым басом, – это певица Максим». «Хорош заливать-то, – хмыкает мрачный спросонья Дима. В принципе, его можно понять – меня с таким голосом мама родная не узнала бы. Я говорю: «Клянусь тебе, это я, просто голос пропал. Спаси меня!» Дима поднял на уши всех своих знакомых, за пять минут нашел мне ранним утром в чужом городе отличного врача, пожелал удачи и сказал: «В следующий раз, если что, не стесняйся, звони. Сам не раз бывал в таких ситуациях, знаю, каково это». В общем, голос мне тогда вернули. Спасибо Диме и сообразительным ребятам из моей любимой «Гала-рекордз».

К тому времени контракт с «Галой» у меня заканчивался, и, хотя я прекрасно понимала, как много они для меня сделали, пришло четкое осознание – продлевать контракт не буду. Пора учиться жить самостоятельно. Да и времена сильно изменились. Той команды, с который мы начинали дело, с которой дневали и ночевали в офисе, придумывали план по завоеванию мира, уже не осталось. Вместо старых боевых друзей пришли новые люди – тоже хорошие, но они уже не готовы были по три часа сторожить чужие двери и с пеной у рта доказывать всем и каждому, что Максим – самая лучшая певица. Они уже не так сильно болели за общее дело, и это объяснимо: бренд Максим не был их собственным детищем. А в нашем деле так: если ты не фанат того, что делаешь, у тебя ничего не выйдет. Да и мне хотелось двигаться куда-то в другую сторону. В какую – я тогда еще не придумала.

Саша росла и радовала меня все больше. Она стала постоянным источником вдохновения и позитивных эмоций. И размышлений – о себе, о жизни, о том, что такое быть хорошей матерью, и о том, как надо и как не надо воспитывать детей. Когда она родилась, я была полна энтузиазма, начиталась книжек

по воспитанию младенцев (благо, мама у меня педагог и у нее полно всяческих пособий, рассказывающих о том, как вырастить правильного ребенка). Сейчас я уже понимаю, что все это бесполезно. Все мы, мамы, хотим, чтобы наш ребенок получился по образу и подобию нашему, а мы могли бы управлять им по своему желанию. Разумеется, из лучших побуждений, чтобы сделать его мир лучше, уберечь от ошибок. Но как бы мы ни старались переделать его на свой лад и подогнать под свои стандарты, это невозможно. Ребенок уже рождается личностью. И эта личность абсолютно новая, другая, не похожая на нас, со своим взглядом на жизнь. И надо просто за ней наблюдать, где-то подстраиваться под ее интересы, где-то корректировать их, что-то пытаться регулировать. Но вмешиваться и переделывать бесполезно.

> Ребенок уже рождается личностью. И эта личность абсолютно новая, другая, не похожая на нас, со своим взглядом на жизнь.

Саша была другая. Не похожая на меня совершенно. Буквально с первых дней ее жизни я стала себя спрашивать: «Боже, как она могла у меня родиться?» Ну вот, например, такой момент: как моя мама ни старалась, она не могла лет до четырех надеть на меня ни одно платье. Мне казалось, что в этой одежде я похожа на какое-то бревно. Эти попытки нарядить меня настолько врезались в память, что я, не желая Саше такого зла, поначалу не покупала ей платья вообще. Но она с самых ранних лет мне дала понять, что розовый цвет – это ее любимый, и банты она тоже беззаветно обожает. Однажды кто-то подарил ей розовенькое платьице, и она влюбилась в него до слез. Категорически не хотела снимать, ругалась на меня и чуть ли не спать в нем легла. Тогда я первый раз заподозрила неладное и попыталась как-то примириться с тем фактом, что просторные штаны цвета хаки с карманами она вряд ли будет когда-нибудь носить. Дальше наше с дочкой различие становилось все очевиднее, несмотря на то что я всячески старалась привить ей свои ценности. Например, когда ей не было еще и года, Саша уже вовсю у меня рассекала на мотоцикле. Правда, только в «коляске» папиного допотопного «Урала», так что скорость там была, сами понимаете, небольшая. Ей это очень нравилось, она быстро научилась отличать серьезные байки от маленьких мопедов, и когда мимо нее ехала такая стрекочущая «табуретка», она говорила «Взззь», а когда большой мотоцикл – басом произносила «Уууууу». Я была уверена, что со временем она составит мне компанию в мотопробегах. Но, едва научившись более-менее шустро ходить, девочка стала нам

демонстрировать, что риск – не ее стезя. Она боялась ездить во дворе с ледяной горки. И мало того, что опасалась сама, еще и меня останавливала, когда я решала приобщиться к детским игрищам и расчехляла свою верную ледянку. «Мама, не надо, – говорила она, – это опасно». Слово «опасность» Саша понимала без объяснения с самых ранних лет. Если я ей говорила, что этот предмет опасен, она ни за что на свете не согласилась бы взять его в руки. Мамы сверстников на детской площадке жаловались, что приходится прятать от детей ножи и ножницы, шпильки и иголки, а ребятишки все равно находят их и так и норовят причинить себе и окружающим какой-нибудь непоправимый вред. Стригут, например, кошку или даже сами себя. Я слушала и поражалась. Саша никогда не стремилась на своем опыте постичь, чем опасны ножницы. Обходила их десятой дорогой. А если я ей говорила: «Не ходи в эту комнату, там страшно», – она мало того что не переступала порог, еще и остальных детей просила выйти оттуда и не успокаивалась, пока не обнаруживала, что все в безопасности. В раннем детстве Саша занималась танцами, и однажды тренер дал им на занятии такое задание: «А теперь представьте, в комнату заползла змея». Дети стали бегать по всему залу и прятаться за различными предметами, которые там были, вскакивать на стулья, в общем, суетились и создавали хаос. Сашка несколько секунд подумала, а потом принялась всех ловить, строить парами и выводить из помещения. «Зачем вы устроили такую панику? – строго спросила ребят трехлетняя девочка. – Надо же просто было построиться и тихонько организованно выйти».

> Саша была другая. Не похожая на меня совершенно. Буквально с первых дней ее жизни я стала себя спрашивать: «Боже, как она могла у меня родиться?»

В три года Саша уже была настоящей леди. Она категорически не хотела носиться и визжать, играя с другими детьми. Помню, мы однажды отправились на отдых и совершили небольшой круиз по морю. Войдя на корабль и увидев толпы бегающих по палубе, толкающихся и кричащих детей, моя дочь с удивлением спросила: «Мамочка, что они делают?» Сама при этом села рядом со взрослыми и принялась чинно есть фрукты, закатывая от удовольствия глаза. А потом растянулась в шезлонге и принимала солнечные ванны. Ее сверстники не могли и секунды на месте посидеть, у них словно шило застряло в одном месте, но Саша смотрела на них из-под прикрытых век и только плечами пожимала. Мне вообще очень забавно было наблюдать за Сашей, когда она находилась в компании своих сверстников. Если

кто-то из детей толкнул товарища, она подходила к обидчику и говорила взрослым тоном: «Вот ты красиво сейчас поступил, как ты считаешь?» Откуда у нее это взялось – ума не приложу.

Игры у нее были исключительно девчоночьи, очень размеренные и изящные. В отличие от маленькой Марины, маленькая Саша никогда бы себе не позволила залезть на забор или прыгнуть через грязную канаву – ни за что на свете, что вы, зачем? Она все время «ездила на балы» или «выходила замуж». В раннем детстве роль жениха обычно играл плюшевый олень Бэмби. Я ей, конечно, пыталась объяснить, что олень – это не самая удачная кандидатура на роль будущего мужа. Но все было бесполезно. Олень царил в сердце моей дочери до тех пор, пока в какой-то момент она не обратила внимания на друга Сандрика – он рос с ней в одном дворе и был в нее влюблен. Обоим было года по три, но отношения оказались очень серьезными, они собирались пожениться и планировали, как назовут своих детей.

Свадьба обсуждалась тоже, разумеется. В отличие от меня, категорически не выносящей традиционных свадебных церемоний со всеми этими выкупами невест, откусываниями караваев и пышным убранством зала, Саша ничего не имела против платья-торта и фейерверков. «Когда мы вырастем, Сандрик наденет красивую рубашку, и мы поженимся», – мечтала Саша и дальше в подробностях развивала эту тему: как он приедет за ней на белом коне, в галстуке, она ему его поправит, и они рука об руку пойдут жениться. И вы бы видели, какое было у ребенка горе, когда она однажды вышла во двор и увидела, что Сандрик, с которым, казалось бы, все было решено давно и навсегда, играет в песочнице с посторонней девочкой. Дочь прибежала ко мне вся в слезах. Я перепугалась: «Что случилось?!» «Сандрик влюбился в другую девочку. Вон она!» И показывает рукой в сторону вероломного мачо и коварной разлучницы. И как я ни уговаривала ее плюнуть на Сандрика и пойти поискать нового друга – не соглашалась, стояла и сквозь слезы смотрела на эту злополучную парочку. Родители Сандрика, видя, какая разыгралась трагедия, попросили парня помириться с Сашей. Он подошел к ней и сказал: «Все нормально. Я тебя люблю, а Даша просто моя соседка». И хотя перед этим я ей объясняла, как следует себя вести, что при мужчинах никогда нельзя плакать, а нужно, взяв себя в руки, гордо выслушать все сказанное, Саша всхлипнула: «Нет, ты любишь Дашу, я видела!» В общем, не выдержала. Потом ребята, конечно, помирились, но Дашу она припоминала ему еще долго. Да и сама забыть не могла. Как-то купили ей в магазине новое платье, она долго радовалась, а потом выпалила: «А ведь у Даши такого нет!» И эта нехитрая

мысль сделала удовольствие от приобретения красивой одежды еще более острым.

Саша с детства обожала ходить по магазинам. Я целиком полагалась на ее вкус, предоставляя девочке право выбора, и никогда не критиковала. Тем более что вкус у нее в некоторых случаях был получше, чем у меня. Она всегда оставалась строгим критиком и не упускала случая заметить, если я промахивалась с одеждой и макияжем. Помню, приехала домой после бессонных гастролей, а моя девочка заявляет: «Мам, ты похожа на лягушку!» Впрочем, если мой внешний вид ей нравился, щедро хвалила меня. Если визажист потрудился особенно ударно и как-то особенно хорошо меня накрасил, Саша обязательно делала комплимент: «Мам, у тебя такие красивые глазки!»

На вопрос, кем она хочет стать, когда вырастет, Саша уверенно отвечала: женой и мамой. Боже мой, спроси меня, кем я хотела стать в детстве… Масса вариантов: дельфином, клоуном, суперменом, спасающим мир. Я мечтала о чем угодно, только не о том, чтобы когда-нибудь стать женой и мамой. Но Саша была другая. Если мы выходили во двор и в поле ее зрения обнаруживалась коляска с мирно спящим в ней малышом, она обязательно бежала туда, просила у его мамы разрешения посмотреть, как он там устроился. Потом начинала вести с мамой светскую беседу о том, что ребенок ест, хорошо ли спит. Смотрела, как его кормят из бутылочки. И готова была играть с ним столько, сколько позволено. И я, хотя мне все это было удивительно, в глубине души всегда думала о том, что жизненный план стать женой и матерью для девочки гораздо более правильный, чем мой.

Саша с ранних лет научилась сочувствовать. Если я приходила домой усталая и грустная, бежала ко мне, гладила по голове, жалела. И самое потрясающее: сама, без напоминания, с самых ранних лет вела себя тихо, чтобы дать маме отдохнуть. А мне это было крайне необходимо, потому что часто я возвращалась домой за полночь после концертов и с утра оказывалась просто не в состоянии открыть глаза, не то что поиграть с ребенком. После перелетов дело обстояло еще хуже. И даже с учетом того, что гастролей стало меньше, чем раньше, меня мучил острый недосып, и такой вот сочувствующий и понимающий ребенок мне был жизненно необходим.

Поскольку у Саши с детства оказались очень цепкие бойкие мозги, я, начитавшись советов молодым мамам по поводу раннего развития, с самых ранних лет принялась пичкать ее разными знаниями, умениями и навыками. Помню, придя как-то с годовалой дочкой к педиатру, я пожаловалась на то, что она

перестала спать днем. Доктор начал беседовать с Сашей, и она тут же прочитала ему довольно длинное стихотворение, громко и с выражением. Оправившись от шока, врач посоветовал мне поберечь девочку и постараться не давать ей слишком много информации. Тогда, мол, и спать она лучше будет, и радость от жизни получать. Но пытливый Сашин ум сам усваивал все, что видел и слышал. В полтора года она считала до десяти и, шагая по ступенькам, громко проговаривала вслух «Раз-два-три» и так далее. Стихотворения запоминала на лету, а поскольку чтение книг на ночь было обязательным ритуалом, в памяти оставалось очень много разных сказок и стихов. Про спорт я тоже не забывала, водила ее и на танцы, и на теннис. В общем, развивала, как могла.

Телевизора в нашем доме не было. То есть он был, но не включался. Я наслушалась разных страшилок о том, как дети, получившие к нему доступ, сначала перестают спать, а потом подсаживаются на все это великолепие. Первое, что увидела Саша по телевизору, когда ей было года два, – выступление симфонического оркестра. Девочка пришла в восторг: во-первых, ее очень впечатлило, что эта черная коробка не просто так в углу стоит, она еще и разговаривать умеет и даже поет. А во-вторых, ее очень тронула музыка, которую она услышала. И потом дочка еще несколько дней ходила и пыталась изобразить, что играет то на флейте, то на скрипке. А первым фильмом, который мы показали Саше по телевизору, была сказка «Зачарованная». Выбор на нее пал не случайно – я сразу объяснила дочке, что принцессу, главную героиню, озвучивает ее мама. Было очень интересно, узнает ли она мой голос. Саша сидела в полнейшем шоке – она поняла, что девушка в красивом платье, показавшаяся на экране, говорит маминым голосом. Но сказку эту девочка полюбила всем сердцем: она ведь абсолютно, стопроцентно соответствовала ее мечтам и представлениям о гармоничном мире. Моим мечтам, кстати, сюжетная линия не соответствовала тогда никак, и, получив предложение от студии Диснея озвучить эту сказку, я долго раздумывала над тем, смогу ли я вообще подойти. Речь в картине идет о приключениях сказочной принцессы, волею судьбы и злой волшебницы попавшей в суровый современный Нью-Йорк из рисованного мира, где чирикают птички, цветут цветочки, а принц и принцесса круглосуточно поют песни о любви… Посмотрев фильм первый раз, я решила, что барышня, конечно, способна вызвать сочувствие у зрителя, но, между нами говоря, совершенно и безнадежно чокнутая. Оказавшись в современном городе, она, как и в своем привычном мультяшном мире, чуть что, начинает петь и танцевать, всех любит, всем

доверяет и шьет себе роскошные платья прямо из портьер, висящих на окнах чужой квартиры. Ну, вот и спрашивается: где я, а где эта восторженная дурочка? Но, поразмыслив, я решила попробовать. Никогда до этого не занималась озвучиванием, и новая профессия меня заинтересовала. Правда, дело оказалось не таким уж и легким. В студию надо было приезжать к определенному времени, опоздание категорически исключалось, и никого не волновало, что, скажем, в Кемерове задержали самолет и я прилетела в Москву с диким опозданием. Но это еще полбеды. Сложнее всего было научиться играть свою героиню. Учитывать и отражать в голосе все психологические нюансы – испуг, удивление, радость. Обычно артистов этому много лет учат в институтах, мне же надо было освоить сложнейшую науку в считаные дни. Но даже профессиональному актеру сложновато бывает в процессе озвучки. Одно дело, когда ты сам сначала сыграл эту роль на экране, а потом озвучил ее в студии. Ты прожил все ситуации, отыграл их и озвучиваешь в студии уже самого себя. А мне надо было влезть в шкуру абсолютно постороннего человека – актрисы, играющей принцессу. Приходилось учитывать не только эмоциональное состояние девушки в каждый конкретный момент, но и ее физическое положение относительно экрана. Скажем, если она в этот момент отвернулась от зрителя, я у микрофона должна сделать такое же движение. Если она, говоря, что-то откусывала и жевала, я должна была тоже в этот момент кусать и жевать. А кроме того, я еще и пела за нее, и тут тоже пришлось потрудиться – изобразить вот эту восторженную дурочку с совершенно мультяшными эмоциями и неестественным голосом. В общем, пришлось поработать, что и говорить. Впрочем, Саше эти все подробности тогда были не важны, она смотрела фильм по пять раз в день и иногда, запутавшись, уверяла всех, что не мама озвучивает главную героиню, а что вот эта принцесса – мама и есть. Я ее не разубеждала.

Вопрос общения моей дочки с ее папой, поначалу стоявший очень остро, постепенно сошел на нет. Он приезжал в гости все реже и реже, очевидно, понимая, что мы с Сашей без него справляемся и финансово, и эмоционально – и чем дальше, тем успешнее, и постепенно, видимо, терял к нам интерес. К четырем годам у дочери оставались уже очень размытые воспоминания о папе. Мне было больно это наблюдать, я пыталась растормошить Лешу, говорила: «Приезжай, дочь скучает!» А он тут же выдвигал гору условий: если я приеду, то ты мне должна будешь то-то и то-то. Я пожимала плечами – мне казалось, такая постановка вопроса не совсем правильна. И постепенно агитировать за их

общение я перестала, убежденная, что папу нельзя тащить к дочери на аркане – ничего хорошего из таких визитов не получится. Но тем не менее продолжала говорить Саше о папе только хорошее, надеясь на то, что когда-нибудь он сам захочет с ней общаться. Поначалу объясняла его отсутствие тем, что папа на работе, но спустя какое-то время увидела: девочка теперь боится отпускать на работу и меня. Потому что работа – это такое странное место, откуда, возможно, и не возвращаются – вон, папы-то нет. Тогда я решила поменять тактику и объяснила ей, что наш папа очень нас любит, но он молодой и веселый, у него много дел, и с нами он пока быть не может. На том и порешили. И вопросы общения с папой в нашем доме подниматься перестали, мы вполне гармонично существовали вдвоем.

Несмотря на то что с дочкой забот хватало, я все равно чувствовала в душе какую-то пустоту. Было у меня там одно вакантное место, и я понимала, что занять его может только какое-нибудь домашнее животное. И мы с Сашей отправились выбирать себе кота. Поскольку меня всегда привлекали серьезные звери, а не всякие там «пробники» собачек и кошечек, решила, что кот будет максимально внушительных размеров, и на эту роль лучше всего подходит мейнкун. Приехав в питомник, я сразу поняла, который из котят мой. Он был единственным в своем роде. Все котята, его сородичи, носились, резвились, бегали, кусали друг друга и играли с какими-то перышками и мячиками, в общем, жили полной жизнью, а этот просто сидел поодаль без движения и наблюдал за ними, даже не поворачивая головы, одними глазами. И на морде у него читалось: «Господи, ну что же вы творите-то?! Как можно быть такими несерьезными? Займитесь хоть чем-нибудь полезным». Сам он при этом был таким же котенком, как и остальные, ему не было еще и двух месяцев, но взгляд уже переполняли достоинство и мудрость, как у пожилого кота. В первый момент я подумала: «Может, этот котенок просто неважно себя чувствует и поэтому ни с кем не играет?» Взяла его на руки, поднесла к лицу, чтобы получше рассмотреть, а он томно взглянул на меня, и если бы мог говорить, то сказал бы: «И что дальше? Что ты хочешь тут увидеть? Верни меня на место!» Я поняла: это мой кот. То, что мне нужно. Имя мы ему, недолго думая, выбрали самое что ни на есть оригинальное. Назвали его Кот. Да, вот так вот – Кот с большой буквы. И свое имя он полностью оправдал. Как оказался в детстве совершеннейшим инопланетянином, большим оригиналом даже среди кошек, так им и остается по сей день. Котенком в полном понимании этого слова Кот никогда не был. Даже в какие-то там несерьезные два месяца выглядел вполне

сформировавшимся, упитанным крупным котом. И только опытные кошководы – фелинологи – понимали, что перед ними дитя: у него были непомерно огромные уши и лапы. Ну и общая растерянность, сквозившая и во взгляде, и в движениях, потому что привыкнуть к новой квартире животным непросто. А уж если речь идет о доме, в котором полноправный хозяин маленький ребенок, – это и вовсе огромный стресс.

Саша приняла кота с невероятным восторгом. Сначала гладила его, тискала и всячески ублажала, и кот немного расслабился. Но потом девочка решила взять власть в свои руки и стала придумывать суровые игры по собственным правилам. Я ей быстро объяснила, что кидать, например, в животное тяжелые предметы не рекомендуется, иначе кот в один прекрасный день уйдет от нас и отправится искать себе новых, более добрых хозяев. Саша это быстро поняла и прекратила подобные развлечения. Но от игр в салон красоты или там доктора отказаться не могла. Кот прижимал уши, сворачивался клубком, сбегал под диван, но в большинстве случаев мужественно терпел игры. Ездил в кукольной коляске, управляемой резвой девочкой. Транспорт заносило на виражах, стороннему наблюдателю казалось, что от кота при таком режиме эксплуатации только рожки да ножки должны остаться, но он, настоящий флегматик, мужественно там спал. Частенько наше животное ходило по всему дому в платочке, крепко повязанном на голову. Явно злилось, щурило глаза, но ходило. Отыгрывался кот на мне, точнее, на проводах и зарядках от телефона. Несмотря на все свое королевское воспитание, мимо зарядок кот просто не мог пройти, расправлялся с ними на свой лад, так что приходилось все время покупать новые. Я сердилась, пыталась его наказывать, называла чудовищем и злодеем – помогало мало. Оставив в покое провода, он брался за занавески – взбирался по ним до потолка, и, как вы понимаете, его солидного веса не выдерживали никакие конструкции. В общем, занавески превращались в клочья. Но все это, понятно, было полнейшей ерундой по сравнению с тем, что отныне в нашей квартире наконец-то жил домашний зверь. И это придавало нашей жизни уют, гармонию и все расставляло по своим местам.

Впрочем, такой состав семьи: Марина, Саша и кот, – сохранялся недолго. Вскоре в нашей жизни вновь произошли серьезные изменения.

Глава 6. Я стала свободней

Когда Саша узнала, что скоро станет старшей сестрой, ей было пять лет. Она радовалась беспредельно – наконец-то исполнится мечта и в доме появится малыш! Я тоже была довольна. В отличие от первого ребенка, которого я совершенно не планировала, ко второму готовилась с особой тщательностью: пила витамины, высчитывала, какая будет разница между детьми, когда младший появится на свет. Беременность получилась очень красивая, легкая и веселая. Я вся светилась счастьем, чувствовала себя маленьким ребенком, за которым ухаживают, выполняют любой его каприз и носят на руках. Напоминала сама себе розу из сказки о Маленьком принце – меня холили и лелеяли все вокруг.

Беременность получилась очень красивая, легкая и веселая. Я вся светилась счастьем, чувствовала себя маленьким ребенком, за которым ухаживают, выполняют любой его каприз и носят на руках.

Я хотела слышать только о том, как меня любят, обожают и какая чудесная у меня родится девочка. И больше ничего об этом мире. Песен не писала, потому что мозг отключился напрочь: пока придумывала третью строчку, забывала, о чем шла речь в самом начале, а к концу первого куплета вообще не понимала, что я тут делаю и к чему все это. В общем, решила, что пока не рожу ребенка, даже думать не буду о песнях. Занятий, впрочем, и без песен было выше крыши. Я старалась следить за собой, с удовольствием занималась спортом (не в полную силу, конечно), много путешествовала. Вместе с отцом будущего ребенка мы приняли коллективное решение, что работать во время беременности я не буду вовсе, про гастроли пока забываю и ни о каких концертах не может быть и речи. Я, всю первую беременность проскакавшая по сцене под грохот децибел, была очень рада тому, что хотя бы в этот раз смогу с чистой совестью отдохнуть.

И даже внешне я тогда изменилась – перестала наконец быть пацанкой и превратилась в настоящую женщину. Да, именно во время второй беременности полностью поменяла свой стиль. Под влиянием окружающих, которые хотели, чтобы я выглядела, как леди, решила поиграть в эту игру. Помогла мне в этом, как ни смешно звучит, моя няня. Видя, что гардероб постепенно заполняется красивыми платьями и романтичными юбками, а я по-прежнему не могу решиться их надеть, хватаю с полки

удобные штаны и майки и скрываю отсутствие прически под бейсболками, она взяла и решительно спрятала всю мою пацанскую одежду в самый дальний угол. Пару раз, не найдя в шкафу спасительных штанов, я через силу заставила себя надеть нарядную одежду и сама не заметила, как втянулась. Стилисты, обрадованные тем, что наконец-то могут взяться за певицу Максим как следует и она не будет сопротивляться, нарядили меня, как куклу. И я стала с удовольствием и с иронией играть новую роль. Училась делать селфи, складывать губы уточкой и многозначительно выпучивать глаза. Меня дико забавляло то, что я играю ту самую «курицу», над которой всегда искренне смеялась. В движениях появилась несвойственная мне ранее плавность, я начала чаще улыбаться незнакомым людям – в общем, стала проще. Ни на секунду, впрочем, не забывая о том, что это все игра – в душе я оставалась все той же ироничной и любящей посмеяться над стереотипами.

Но, как ни старалась, так и не научилась получать кайф от шопинга. Я ненавидела ходить по магазинам с самого раннего детства. Конечно, можно было объяснить это тотальным отсутствием денег, но, когда я выросла и кое-какие средства у меня появились, в области шопинга мало что изменилось. Оттягивала момент похода за обновками до последнего, а когда уже отвертеться было невозможно, стилист брал меня чуть ли не за шкирку и волок в торговый центр, заставляя хоть что-то купить. Если какой-то предмет гардероба приходился мне по вкусу, я закупала его в промышленных количествах, чтобы до пенсии хватило. Когда мы готовились снимать клип на песню «Я ветер», режиссер сообщил мне, что у меня есть несколько дней, чтобы научиться хорошо ходить на высоченных каблуках, а по возможности еще и ловко танцевать на них. Я человек упорный, освоила эти ходули с рекордной скоростью и так втянулась, что решила внедрить шпильки в свой повседневный гардероб. Отправилась в магазин, провела там несколько часов в поисках удобной колодки, которая бы идеально села на мой непростой тридцать пятый размер. А найдя, купила сразу двенадцать пар всевозможных цветов и оттенков. И когда я, навьюченная коробками, выходила из торгового центра, продавцы, кассиры и охранники высыпали на крыльцо и, утирая слезы, причитали: «Ну что же вы так редко заходите?! Обязательно возвращайтесь, мы будем ждать!» Еще бы – я ведь им тогда за час недельную выручку сделала.

Я всегда отличалась какой-то прямо повышенной безбашенностью. Если была возможность рискнуть и

испытать свои нервы на прочность, я никогда ее не упускала.

В общем, магазины я так и не полюбила. Зато никакая беременность и превращение в леди не могли вытравить из моего характера любовь к экстриму. Я всегда отличалась какой-то прямо повышенной безбашенностью. Если была возможность рискнуть и испытать свои нервы на прочность, я никогда ее не упускала. Не зря юристы «Гала-рекордз» даже включили пункт «Никакого экстрима!» в мое трудовое соглашение. Они знали о том, как Марина однажды ныряла в пропасть на тарзанке, поспорив на початок кукурузы. И слышали рассказы моего концертного директора Галины про освоение артисткой спортивного водного мотоцикла. У меня тогда были гастроли где-то на юге, и за несколько часов до начала выступления я решила размяться. Вскочив на мощный гидроцикл, который видела первый раз в жизни, я принялась лихачить так, что Галя не выдержала, оседлала стоявший у причала маленький скутер, и рванула ко мне в море, начисто забыв о том, что водить она тоже не умеет. И там нарезала вокруг меня круги с криками: «Марина, остановись! Марина, у тебя концерт, все билеты проданы, уймись немедленно!»

А я в тот момент вдруг осознала, что пришло время сделать сальто, вот прям во что бы то ни стало. И меня не очень волновало, что спортсмены, прежде чем этот трюк исполнить, десять лет тренируются. Я разогналась, взлетела, но гидроцикл, сделав примерно половину оборота, почему-то завис, я с него слетела башкой вниз в набежавшую волну, а эта махина обрушилась на меня сверху. Как Галя с ума в тот момент не сошла – не знаю. А сев впервые за руль машины, я спросила, где у нее газ, и тут же рванула с места. И до наблюдавших эту сцену еще долго доносился мой вопль: «А где у нее тоооормоооооооз?» – все тише и тише, пока не замер вдали.

Таких историй в моей жизни было несколько десятков. Что и говорить, трудности меня никогда не пугали. Зато они настораживали людей, со мной работавших. Пункт про экстрим в договоре появился благодаря ярким и незабываемым воздушным приключениям. Например, однажды я отправилась в полет на спортивном самолете. На спор. Знающие люди объясняли мне, что пилоты таких самолетов подвергаются нешуточным перепадам давления и часто теряют сознание от перегрузок, но я уверяла, что все ерунда, просто они слабаки, а мне не страшны никакие нагрузки и ни в какой обморок я при этом не упаду. Ставка в этом споре была нешуточной – в случае выигрыша я

получала целую плитку шоколада. Самолет, в котором мне предстояло бороться за шоколадку, дышал на ладан, на первый взгляд казалось, что он отлетал свое еще во время Первой мировой. Но я решительно в него забралась, пристегнулась и сказала: «Поехали». Мой инструктор, военный летчик, зачем-то решил перед стартом рассказать мне, как катапультироваться. Он подробно изложил все детали – как открывать колпак, как выпутываться из горы ремней, как поймать нужное положение самолета. «Катапульта – это тебе не с табуретки прыгать, – сказал он. – Даже опытные спортсмены позвоночники себе в хлам ломают и вообще редко живыми после такого трюка возвращаются». Но кнопку зачем-то показал. Потом нацепил на меня шлем с рацией (чтобы в полете мы могли переговариваться), и мы взлетели. Инструктор продемонстрировал мне все, на что был способен его самолет, – и «бочки», и «восьмерки», и прочее, а напоследок изобразил мертвую петлю. Во время исполнения этого трюка пилот в какой-то момент глушит двигатель, и самолет некоторое время находится в свободном падении. Ощущение, скажу я вам, мягко говоря, волнующее. А мой пилот про катапульту-то мне объяснил, а про свободное падение не удосужился. И я решила, что пришло время катапультироваться. Нашарила кнопку катапульты и спрашиваю: «Прыгать?» Молчит. «Прыгать?» Молчит. Потом слышу: ржет. А ведь я была совсем близка к тому, чтобы на кнопочку нажать. Когда мы приземлялись, все население аэродрома, во главе с моими друзьями, стояло на взлетной полосе и в ужасе за нами наблюдало. Оказалось, что пилот слишком увлекся – так с новичками еще никто никогда не экспериментировал. Приземлились. Я, полная сил, решительно отстегиваюсь, выхожу на крыло и говорю: «Ну чего? Выкусили?! Я не упала и даже прекрасно себя чувствую! Давайте сюда вашу шоколадку». И в ту же секунду теряю сознание и лечу на землю. Потом, уже после того, как меня привели в чувство, было решено, что спор я все-таки выиграла.

Прыжков с парашютом на моем счету тоже немало, когда-то даже хотела сдавать нормативы для получения сертификата АСФ (дающего возможность совершать прыжки самостоятельно, без сопровождения инструктора), но не нашлось времени. А потом у меня родились девочки, и я решила с парашютом завязать. Знаете, сложный спорт все-таки. Если на лыжах или там с лошади упадешь – шанс выжить очень велик, парашютистам лучше не ошибаться, ибо там практически без вариантов. А мне как-то не хотелось детей без матери оставлять. Но увлекалась я тогда этим делом всерьез. Первый раз, кстати, прыгала, по своему

обыкновению, на спор. Любимые друзья подговорили инструктора, с которым я прыгала, перевернуть меня вверх тормашками. Обычно новички прыгают, глядя на землю, а инструктор находится у них за спиной. Я же летела, глядя в небо, и видела стремительно удаляющийся от нас вертолет. А инструктора не видела и вообще слабо себе представляла, что делать. Но меня это все совершенно не пугало, даже, наоборот, веселило.

В общем, к чему я это все рассказываю? К тому, что даже превратившись во время второй беременности в леди, я своим привычкам не изменила. И находясь месяце на седьмом, отправилась в сопровождении компании друзей погонять на багги – это такие небольшие машины с характером настоящего внедорожника. Гонки проходили в лесу, по полному бездорожью, песку, корням и грязи. Сначала я не планировала соревноваться, хотела просто покататься на багги, демонстрируя, как надо водить машину, будучи беременной. Надо ли говорить, что это была моя первая поездка в такой машине? На этот раз я уже была умнее, заранее выяснила, где тормоз, и тронулась в путь. Дело происходило далеко за пределами города, в глухом лесу, где никогда никого не бывает, кроме лягушек и комаров, поэтому водители машин развивали огромную скорость, не опасаясь столкнуться с каким-нибудь грибником. Поначалу я плелась в хвосте, показывая езду в стиле «Медленно и аккуратно». Но спустя пару минут я вошла во вкус, поняла, что машинка отлично вписывается в поворот, прекрасно разгоняется, адреналин сделал свое дело, я, как говорится, «уперла тапку в пол» и принялась обгонять соперников одного за другим. Щелчок – и мозг отключился. Впереди только победа и только пьедестал почета, больше меня ничего не волновало.

Вот сколько раз я себе говорила: «Марина, мы сначала думаем, а потом едем!» Миллион раз я себе это говорила. Но тогда, впрочем, как обычно, призыв не сработал. Потому что я ведь побеждала! Я обошла всех своих соперников, вырвалась вперед и была в эйфории. На полной скорости преодолела очередной крутой поворот, подняв столб пыли, и вдруг с ужасом сквозь эту пыль разглядела стоящую на дороге машину. А рядом другую. И поодаль группку людей – мужчин, женщин, детей. Откуда они взялись в этой глуши? Бог весть. Видать, безнадежно заблудились и изучали карту в отчаянной попытке понять, куда же это их занесло и где искать дом. Вся толпа стояла аккурат в той точке, на которую я уверенно летела. Они тоже меня заметили, все, как по команде, повернули головы, открыли рты и оцепенели в ужасе. В принципе их можно было понять. Тишина,

глухой лес, из которого вдруг с ревом вылетает нечто ужасное в дыму и пыли.

Надо было что-то предпринимать. А что? Водитель из меня никудышный, я и за рулем машины-то никогда не сидела, что уж говорить об этой взбесившейся табуретке. И я, естественно, делаю то, что нельзя делать ни в коем случае, – выкручиваю руль и изо всех сил жму на тормоз. Как я летела! Машина понеслась кубарем, я, поскольку была пристегнута, из кабины не вылетела, но совершила несколько пируэтов внутри ее. Один кувырок, второй. Лечу и думаю: «Господи, сколько я еще кувыркаться буду, когда же она остановится! Надоело». Четыре оборота. Четыре раза на колеса, на крышу и снова на колеса. Я до сих пор не понимаю, как выжила и как остался цел-невредим ребенок. Когда наш багги прекратил свои кульбиты и остановился, я огляделась, увидела страшенные рытвины в земле, оставленные нашими колесами. И в голову пришла только одна мысль: «Если бы со мной что-то случилось – все! Привет! Мы в трехстах километрах от ближайшего населенного пункта, вечереет, и помощь вряд ли пришла бы – вертолет ночью не летает, а ни одна машина «Скорой помощи» нас в этой глухомани не нашла бы». Пока я все это обдумывала, подоспели друзья. В полном шоке они подбежали ко мне проверить – жива ли я вообще. А у меня – ни царапины. Видимо, мой ангел-хранитель все-таки очень внимательно ко мне относится, раз смог в такой сложной ситуации уберечь и меня, и будущего ребенка.

Когда Маша появилась на свет, я не раз вспомнила ту историю. Она с первых минут жизни была невероятно красива, совершенно непохожа на всех остальных младенцев, красных, сморщенных, со следами какой-то внутренней борьбы на лице. Моя девочка была спокойна, голубые глаза широко распахнуты, ресницы до бровей, щечки фарфоровые, губки алые. В общем, я никогда в жизни не видела таких хорошеньких младенцев. И, глядя на нее, я все время говорила: «Господи, зачем я тебя так мучила? Ты же все это время сидела у меня внутри, такая живая, такая красивая!» Рожала я ее абсолютно спокойно, ужасов, которые пришлось пережить во время рождения Саши, не было и близко. Уже через два часа после родов я принимала гостей. Первой гостьей была, конечно, новоиспеченная сестричка. Сашка начала мечтать о сестренке или братике задолго до того, как я сообщила ей, что беременна. Она всегда любила малышей, никакая сила не могла отогнать мою старшую дочь от коляски, в которой лежал младенец, пусть даже совершенно незнакомый. Естественно, как только она научилась внятно говорить, тотчас попросила меня родить ей такого же. Всю беременность очень

внимательно относилась к моему состоянию, разговаривала с животом, выясняла, что там внутри делает девочка, как она себя чувствует и знает ли, что ее ждет сестра по имени Саша. В общем, неудивительно, что первой в моей палате оказалась именно она. Саша влетела в дверь такая вся стремительная, запыхавшаяся, раскрасневшаяся, взъерошенная. Казалось, что одевалась дочка на бегу – только одна рука продета в рукав пальто, второй болтается, шарф сполз на сторону. Даже не взглянув на меня, она стала обшаривать взглядом палату: «Где она?! Покажите мне ее!» И потом часа три не могла отойти от кроватки, смотрела, как Маша дышит, как моргает, как вертит головой, и приговаривала: «Господи… Это же моя сестра! Какая она маленькая!» Тут же, у кроватки, поклялась Маше в вечной любви и пообещала защищать ее всегда и везде.

Впрочем, выписка из роддома и на этот раз далась мне с трудом. Но если первый раз я волновалась, смогу ли справиться с младенцем, то второй раз все было куда печальнее – я не понимала, смогу ли справиться с собственной жизнью.

> Вообще, эту книгу можно было бы смело назвать «Мои любимые грабли». Перечитала еще раз главы, в которых я рассказываю про расставание с Шульцем и про развод с Лешей, и поняла, что, дожив до тридцати лет, так ничему не научилась в отношениях с мужчинами.

Вообще, эту книгу можно было бы смело назвать «Мои любимые грабли». Перечитала еще раз главы, в которых я рассказываю про расставание с Шульцем и про развод с Лешей, и поняла, что, дожив до тридцати лет, так ничему не научилась в отношениях с мужчинами. Каждый раз четко и бесповоротно наступаю на одни и те же грабли. С отцом Маши мы… в общем, все опять было основано исключительно на эмоциях. Никто в этом не виноват, но все-таки мы сейчас не вместе.

Мы с девочками вернулись домой, и я снова начала учиться жить – теперь уже по-новому. Впрочем, термин «мать-одиночка» я, скажу честно, никогда к себе не относила. Когда его слышала, представляла несуразного ленивца Сида из мультика про Ледниковый период. Вспомните эпизод, когда он нашел яйца динозавров и уходит от мамонта куда-то вдаль со словами: «В замок одиночества! Во льдах! Навсегда! Одиноко одинокий одиночка!» Вот как-то так мне все это и представлялось. В общем, этот термин меня только забавлял. И никак мне не подходил. Я всегда четко знала, куда и зачем иду. Одна моя знакомая любит повторять: «Марина, ты, конечно, совершенно не женщина». В том смысле, что женщины – существа скрупулезные, им важны

мелочи, нюансы, они хорошо ориентируются в каких-то мелких делах и поручениях. А у меня всегда был мужской склад ума, мне подавай глобальные проблемы, и вот их я решу с удовольствием. Ну не приспособлена я к тому, чтобы быть женой! Независимо от того, замужем я в текущий момент или нет, я все и всегда решала только сама. И деньги зарабатывала, и всех контролировала. У мужчины, который находился рядом со мной, просто не оставалось шансов на лидерство, я все держала в своих руках. Повезло тому мужчине, который на мне не женат, вот что я вам скажу.

> Ну, не приспособлена я к тому, чтобы быть женой! Независимо от того, замужем я в текущий момент или нет, я все и всегда решала только сама.

Любой задаче, которую передо мной ставила жизнь, я отдавалась целиком и полностью. В какой-то момент основной задачей и главным делом стали дети. Я подошла к процессу как заправский менеджер, отметала все, что могло бы помешать, организовала свой быт так, чтобы всем было максимально комфортно. Поначалу, с Сашей, слишком увлеклась, стала ей и мамой, и папой, а потом решила все-таки распределить силы и делегировать полномочия – тоже, как видите, проявила хорошие менеджерские качества. У меня появились помощники.

> Повезло тому мужчине, который на мне не женат, вот что я вам скажу.

И Маша уже росла в более спокойной и расслабленной атмосфере. Во-первых, я стала опытной мамой, и мне не надо было в панике метаться по квартире, пытаясь понять, как надевается памперс и что делать, чтобы ребенок перестал плакать. А во-вторых, Маша с самого начала была просто подарочным вариантом ребенка. Я таких прикольных детей вообще никогда не видела, честно. Она с первых дней вызывала и у меня, и у всех окружающих сплошной восторг. Прямо вот включай камеру и снимай двадцать четыре часа в сутки, хорошее настроение обеспечено всем зрителям. Еще не умея ходить, она развивала такую бурную деятельность, что я отказывалась понимать, как маленькому ребенку это под силу. Вроде бы она в комнате, но ты не успеешь глазом моргнуть – уже уползла в кухню и залезла под стол. В тонусе меня постоянно держала, но с ней было весело.

И при этом Маша была леди. С самого рождения. Когда я познакомилась с ее старшими сестрами со стороны отца, то не

переставала удивляться, как это он воспитал в них такое чувство такта, вежливость и манеры. Как удалось научить ребенка в четыре года сидеть на стуле ровно, с прямой спиной, аккуратно есть ножом и вилкой, вести светскую беседу с незнакомыми людьми, быть безукоризненно вежливым, но не допускать по отношению к себе никакого излишнего панибратства. Сейчас, глядя на подрастающую Машу, я понимаю, что это в крови. От природы. Если дочери дать на завтрак глазированный сырок, она ни за что не будет кусать его прямо из упаковки. Надо открыть сырок полностью, положить его на красивую тарелочку и дать ей вилку, а желательно еще и нож. Она будет есть его именно так. А если разглядит у себя на платье какую-то микроскопическую сориночку или пушиночку, возьмет ее аккуратно двумя пальчиками, донесет до урны и выбросит. И никаких капризов, все тихо, с достоинством. В общем, с ней было легко.

Хотя любое «легко» – понятие относительное. Любая мама, воспитывающая двоих детей, знает, какой это труд, даже если оба ребенка у нее – подарочный вариант. Все равно младенец не спит ночами, а старший нет-нет да и начинает выкидывать всякие фортели, положенные ему по возрасту. Я справлялась. В первый же день, приехав домой с новорожденной Машей на руках, дала себе слово – чего бы мне это ни стоило, но я сделаю так, чтобы у девочек было ощущение полноценной семьи. А еще приняла очень необычное для молодой мамы решение – мне надо учиться. Не важно чему, лишь бы голова была загружена.

…приехав домой с новорожденной Машей на руках, дала себе слово – чего бы мне это ни стоило, но я сделаю так, чтобы у девочек было ощущение полноценной семьи.

Я начала реанимировать свой английский язык, который к тому времени основательно подзабыла, подключила к нему еще и начальный курс испанского, вспомнила, как играть на гитаре, запоем читала книги по истории отечества. И знаете, была поражена, до чего, оказывается, огромны резервы нашего мозга. Поначалу новые слова категорически не хотели запоминаться, а строчки в книге расплывались в одно сплошное пятно, но постепенно голова стала ясной, заработала на полную мощность. Я, наверное, в институте так хорошо и плодотворно не училась, как тогда, сидя дома с маленькой Машей.

Саша очень мне помогала, она оказалась идеальной старшей сестрой. Пока я ждала Машу, наслушалась страшных историй про ревность старших и про то, в какие ужасные формы она выливается. Мы проводили с Сашей беседы о том, как хорошо

иметь младшую сестру, купили ей куклу бейби-борн, чтобы у девочки тоже появился как будто свой ребенок и она бы не чувствовала себя ненужной. Планировали, что будем, например, купать Машу, а Саша в это время разместится рядом, возьмет игрушечную ванну и будет там мыть свою «дочку». Но все эти ухищрения не пригодились, а опасения оказались напрасными. Саша оказалась самой рьяной и самой главной поклонницей, можно сказать, настоящей фанаткой нового члена нашей семьи. Никакой бейби-борн ей и не нужен был, лучшей куклой на свете для нее стала Маша. Саша все время повторяла, какая Маша сладкая и любимая девочка, какое золото, как она ее бережет, что порой во время прогулок во дворе отказывалась показывать малышку соседям и говорила: «Мою сестренку я прячу от чужих глаз!» Помогала купать, пеленать, кормить, ей можно было дать любое посильное поручение, и она тут же бежала его выполнять. Просыпалась в три часа ночи и шла в мою комнату, чтобы проверить, все ли у Маши нормально, а то ей послышалось, что малышка заплакала и ей срочно надо помочь, успокоить. Кстати, успокаивала Саша сестру гораздо лучше, чем я. Уж не знаю, как ей это удавалось, только на старшую сестру младшая реагировала исключительно позитивно. Слезы высыхали, девочка, еще секунду назад заходившаяся в плаче, начинала смеяться, прыгать, и все конфликты мгновенно улаживались. Саша позволяла младшей сестре делать с ней абсолютно все. Таскать Сашу за волосы, рвать ее книжки, брать любые игрушки, еду, одежду. Саша, которая никому не позволила бы так обращаться со своими вещами, а уж тем более со своей прической, мужественно терпела все издевательства над собой. И даже когда Маша покусилась на святое – изрисовала каракулями школьные тетрадки, в которых сестра выполняла летние задания, та ничего ей не сказала. Представляете? Три месяца труда пошли коту под хвост – и ни слова упрека. Да любая старшая сестра как минимум обиделась бы, а как максимум надавала бы младшей по попе, а Саша ее простила. Правда, тут еще надо отдать должное нашей учительнице, которая прекрасно понимала, что такое младшие дети, и обычно никаких претензий в этих случаях не предъявляла.

Саша оказалась самой рьяной и самой главной поклонницей, можно сказать, настоящей фанаткой нового члена нашей семьи.

Школу для Саши мы выбирали очень тщательно. Прислушивались и к рекомендациям знакомых, и к совету моего главного наставника, духовника отца Луки, мнение которого для меня очень важно. Прежде чем отдать документы, я несколько раз

ходила в школу сама, познакомилась с учителями, пообщалась с ними. Мне очень понравилась атмосфера, царившая там: все были вежливы, корректны, а к детям относились внимательно, но без лишнего сюсюканья. Оценки в первом классе не ставили, что тоже стало для меня важным фактором – надо же было дать девочке время втянуться в процесс. А еще меня порадовало, как элегантно выглядели учителя. Казалось бы, совсем не важно, как педагог одет, если он хорошо делает свою работу. Но когда я вошла в школу и увидела, что у всех учителей там четко выдержан корпоративный стиль, никаких джинсов и футболок, только элегантная одежда и деликатные интеллигентные украшения и аксессуары, я это отметила. А когда увидела директора этой гимназии, поняла, что тон стилю задает именно она. Она мне очень приглянулась – умная, решительная и красивая. В общем, школа для Саши была найдена.

Я помнила, как для меня самой был важен поход первый раз в первый класс, и постаралась, чтобы для Саши этот день тоже стал праздником. Форма, красивая, красная в синюю клетку, была куплена заранее, и хотя Саша мечтала надеть ее прямо в магазине и больше не снимать, я ее уговорила подождать до первого сентября. В тот день с утра к нам домой приехали обе Сашины бабушки, и девочка, наряженная в новую форму, с огромными белыми бантами, портфелем и большим букетом отправилась на торжественную линейку. И, кстати, неизвестно еще, кто волновался больше, она или я. Мало того что я отправляла дочь в школу, еще мне и речь пришлось толкать во время праздника, ободрять первоклашек и говорить им напутственные слова. Но в общем и целом все остались довольны. Правда, в тот день я решила не говорить дочке, что все это развлечение затянется на одиннадцать лет, может быть, поэтому ей все так понравилось. Впрочем, особого рвения к учебе она не испытывала. Надо признать, что я совершила в ее воспитании одну большую ошибку – перегрузила в детстве всякими разными развивалками, английским, танцами и теннисом. В результате еще задолго до школы Сашин день был расписан по минутам, и получилось так, что к первому классу она уже малость устала учиться, грызть гранит науки совершенно не рвалась. К тому же напрягала необходимость вставать каждый день в полседьмого утра. В общем, Саша восприняла школу не как храм науки, а как отличное место, где можно потусоваться, завести новых друзей и вообще приятно провести время.

Кстати, о друзьях. С возрастом дочка стала гораздо общительней. Когда она была маленькой, мы много времени проводили на даче, где в то время оказалось довольно пустынно,

и долгое время на нашей улице стоял только один дом – наш. Детей в окружении Саши практически не было, она не умела находить с ними общий язык. Зато со взрослыми могла говорить беспрепятственно. Видя на детской площадке своего сверстника и желая с ним познакомиться, она подходила не к ребенку, а к его родителю и спрашивала: «Можно мне угостить вашего ребенка конфетой и потом с ним немного поиграть?» И только получив разрешение, шла налаживать контакты. Сейчас, конечно, все гораздо проще, разрешения у взрослых Саша уже не спрашивает, друзья появляются сами собой, и их число все растет. В этом, правда, есть не только положительные моменты. Влиять на ребенка становится все сложнее. Например, дочка видит в руках у подруги какой-нибудь крутой новомодный телефон, и ей тут же срочно требуется точно такой же. Приходится объяснять, что не все в жизни появляется по первому требованию.

Еще одна проблема, которую я пытаюсь решить, – фастфуд. Сама я о существовании такого рода еды узнала, только начав ездить на гастроли. Когда время строго ограничено и некогда пойти в кафе и ресторан, а есть хочется – иногда приходилось питаться гамбургерами. Но Саша до семи лет не была знакома с фастфудом, не пила сладкую газировку, а увидев все это в магазине, морщила носик: «Ой, это же несъедобно». К сожалению, оградить ребенка от влияния других детей во дворе или в школе крайне сложно, и теперь девочка приходит домой с кока-колой или какой-нибудь чипсиной. И постепенно эта еда становится не такой уж несъедобной – на нее ведь крайне легко подсесть. Удержаться невозможно – любой ребенок, если у него будет такая возможность, выберет в качестве обеда скорее гамбургер, а не брокколи. И этот нюанс меня несколько расстраивает. Стараюсь хотя бы дома этих продуктов не держать и придерживаться принципов здорового питания.

Сашина школа добавила хлопот в мою и без того довольно насыщенную жизнь. Я крутилась как белка в колесе и с грустной усмешкой вспоминала данное когда-то себе самой торжественное обещание не выходить на работу, пока Маша не вырастет. Но жизнь все расставила по своим местам – почти сразу же после рождения дочки я приступила к работе над клипом на песню «Золотыми рыбками». По сюжету я там играла балерину, и мне пришлось брать уроки хореографии – по три часа в день стояла у станка, делала стойки и мосты. Это, я вам скажу, и для человека тренированного – непростое дело, а уж я-то, после родов, вообще пыхтела как паровоз. Но плюс в этом был однозначный – оказалось, что за время беременности я очень соскучилась по двигательной активности. Вроде бы особо себя не ограничивала,

на диване пластом не лежала и за девять месяцев набрала очень мало – всего шесть килограммов (с Сашей я прибавила все двадцать). Но, видимо, как-то инстинктивно старалась не делать резких движений, а вернувшись в обычное состояние, пустилась во все тяжкие. К балету чуть позже прибавились бокс и теннис, в результате я очень быстро обрела свою форму и даже улучшила ее, вместо обычных пятидесяти двух килограммов стала весить сорок шесть. Но остановиться уже не могла. Как побежала тогда, словно Форест Гамп, так до сих пор и бегу, и мне это очень нравится.

Услышав о том, что я вышла из декрета гораздо раньше, чем планировала, оживились телевизионные продюсеры, на время беременности оставившие меня в покое. Постоянно кто-нибудь звонил и приглашал участвовать в проектах и ток-шоу. Я четко давала понять всем, что не буду танцевать на льду, вертеться под куполом цирка и вообще не планирую принимать участие во всех этих шоу, где певца за полгода обязуются превратить в космонавта, доярку или нейрохирурга. Делать из себя клоуна на потребу публике, пусть даже и повышая при этом свой рейтинг, не собираюсь. В ток-шоу тоже участвовала всегда с большой осторожностью. Я считаю, что вполне допустимо прийти на программу и поговорить о том, в чем действительно разбираешься, – о музыке, например. Но с умным видом рассуждать, как ты любишь свою стиральную машинку, потому что она умеет по-особенному отжимать и сушить вещи, – увольте.

Точно так же я всегда относилась к проектам в кино. У меня много друзей-актеров, и я вижу, сколько они учатся и как тяжело работают, чтобы достичь мастерства в деле, которое выбрали. И я никогда не планировала отбирать у них хлеб и идти сниматься в кино. У меня другое образование и другая профессия, и к тому же я прекрасно отдавала себе отчет: приглашают не меня, Марину Максимову, девушку, в которой видят какой-то невероятный актерский потенциал и хотят сделать из нее новую Катрин Денев. Приглашают медийную персону, раскрученный бренд, с помощью которого можно удачно повысить рейтинг картины. «Певица Максим в нашем фильме в роли всеми обиженной, брошенной несчастной женщины», – пишется на афише, и народ валом валит смотреть на такое чудо. Мне все это кажется каким-то враньем. Я хочу делать только то, что действительно умею.

Впрочем, дело, которое я умела делать хорошо, постепенно начинало мне приедаться. Продолжать карьеру певицы, честно говоря, не очень хотелось. Я понимала, что уже изучила все, что можно, вдоль и поперек, знала на студии каждую кнопочку, на сцене – каждый проводок. В начале пути разбираться в этих

хитросплетениях было очень интересно, но постепенно хобби превратилось в нудную техническую рутину, больше похожую на математику, чем на творчество. Жизнь становилась чересчур предсказуемой, я могла посекундно расписать, что буду делать в этом году, а что через год, когда надо будет ехать в тур, а когда снимать клип.

Это было скучно, а мне хотелось драйва. Хотелось двигаться дальше, потому что я четко знала – если человек останавливается, он начинает деградировать.

Мысли о том, что у меня достаточно энергии для того, чтобы заняться еще чем-нибудь, кроме музыки, начали появляться в моей голове еще задолго до Маши. Я перебирала всевозможные варианты: что бы еще придумать, куда бы приложить свою кипучую энергию? Бизнес? Звукозаписывающая студия? Продюсерский проект? Идей было много, все они мне нравились, выбрать что-то одно не представлялось возможным, и я придумала вариант, как все эти направления объединить. Надо создать свою школу!

> И когда Маше исполнилось девять месяцев, моя мечта была реализована – я открыла двери нового учебного центра: школы искусств Максим.

Я принялась вынашивать эту идею. И когда Маше исполнилось девять месяцев, моя мечта была реализована – я открыла двери нового учебного центра: школы искусств Максим.

Это было то, что я так долго искала. Мне давно уже хотелось делиться накопленными знаниями и, кстати, не обязательно с детьми. Я не раз в своей жизни встречала взрослых, состоявшихся людей, которые не хотели больше заниматься тем, что делали. Так бывает, когда человек до сорока лет работал бухгалтером и вдруг запел. Или стал рисовать. И вот он понял, что ухватил за хвост свою мечту, а что с ней делать дальше, когда у тебя семья и дети, квартальный отчет и ипотека, – неясно. И он начинает думать: может быть, у него уже начались необратимые изменения в психике, раз он жаждет покинуть свой насиженный стул в офисе и пойти на шоу «Голос»? И что скажет жена? А соседи? А дети? Не проклянут ли папу, который полжизни был стоматологом и вдруг в сорок лет вышел с кистью на Арбат и стал рисовать шаржи?

Но я-то знаю, что так бывает, и люди, если они действительно верят в свою мечту, добиваются успеха и в сорок, и в пятьдесят лет. И мне хотелось вдохновлять таких людей, помочь им что-то в жизни поменять. Я могла рассказать им, что и как конкретно делать, куда идти, с кем говорить, как сориентироваться в той области, где человек никого не знает.

Поскольку мне удалось добиться успеха самостоятельно, без волосатой лапы и твердой руки, которая бы меня тащила с канала на канал, я понимала, что могу научить этому других. Дать людям уже в готовом виде те знания, которые я сама получала интуитивно, набивая шишки и синяки. Тем более что сейчас успеха в шоу-бизнесе добиться несколько проще – есть Интернет, есть специально обученные люди, которые выискивают там таланты и дают им жизнь. А значит, дело за малым – обратить на себя внимание. И секрет здесь, на мой взгляд, очень прост – надо действительно очень хотеть добиться успеха. Надо учиться выражать свои мысли и чувства и самому создавать продукт (я не люблю это слово, но тут оно подходит как нельзя кстати). Если ты песню написал сам, выстрадал ее всю, от первой до последней строчки, вынашивал мелодию, продумал каждый аккорд – есть шанс, что она зацепит кого-то еще, кроме тебя. А если ты решил пойти более легким путем и за деньги купил у кого-то стихи и музыку, приобрел чужие мысли – вряд ли что-то получится. Наш человек очень тонко чувствует энергетику, посыл и не терпит фальши. И принимает только то, что сказано и спето искренне, от всей души.

Обычных музыкальных школ у нас в стране много. Одну из них я сама окончила и очень хорошо ее помнила. Там были обшарпанные стены, царило уныние, а педагоги били по рукам линейкой за малейшую провинность и избавляли от любви к музыке качественно и навсегда. Создавать такую школу мне совсем не хотелось. Я хотела, чтобы было так: окончив курс в моей школе и получив то же классическое музыкальное образование, люди легко и непринужденно могли перейти на профессиональную сцену. А для этого надо сделать из учеников уже готовых артистов, попробовавших себя в разных жанрах, знающих, как делается музыка, и понимающих, чего они хотят. Чтобы получить такой результат, я должна была поменять всю систему образования. Не давать отдельные отрывочные сведения, пусть и очень интересные, а показать, что все в мире искусства взаимосвязано. Человек из класса фортепиано переходит на основы аранжировки и учится не только исполнять музыкальные произведения, но и создавать их. А курс английского языка плавно перетекает в мастер-класс написания текстов песен. И вот тогда ученик не будет растерян, как бывает обычно выпускник классической школы, очень хорошо разбирающийся в произведениях XVIII века, но понятия не имеющий, что ему теперь со всем этим богатством делать и как применить свои знания на современной эстраде.

В общем, идея у меня созрела, концепция сложилась, энергии

было хоть отбавляй, и я принялась действовать. Все сложилось далеко не сразу. Я действовала не столько как бизнесмен, столько как творческая личность. Окончив школу с экономическим уклоном, прекрасно знала, как строятся такие проекты. Но творческая сторона меня переборола. Вместо того чтобы подбирать бухгалтеров, я в первую очередь стала нанимать педагогический состав. Решила почему-то, что вопросами более скучными и рутинными, вроде разговоров с санэпидстанцией и сведения дебета с кредитом, будут заниматься другие, специально обученные люди. Но потом поняла, что нужно самой вникать в бумажные дела. Слава богу, что со мной рядом оказались проверенные друзья и соратники – мои музыканты и бессменный концертный директор Маргарита Соколова. Они не раз меня вытаскивали из сложнейших жизненных ситуаций, помогли и сейчас. И прежде всего убедили меня, что отсидеться не получится – надо брать управление школой в свои руки. Потому что ни один управляющий, как бы он ни стремился, не может сделать столько, сколько ты, болеющий за дело всей душой. И мы снова начали.

Поначалу было очень нелегко. Мне пришлось признать, что я полный профан в некоторых вопросах, и снова засесть за учебники, чтобы изучать азы юриспруденции и бухгалтерии. А решение всех этих бесконечных бытовых вопросов шло так медленно и тяжело, что я впала в уныние. Одно дело – творческая часть, когда я продумываю концепцию учебного заведения, размышляю, кого из знакомых артистов или танцоров приглашу на мастер-класс, и прикидываю, как можно красиво украсить стену в коридоре цитатами из песен. И совсем другое – беседы с пожарной охраной или арендодателями. Но отступать – не в моих правилах. И мы постепенно, потихонечку, начали двигаться вперед.

Помимо обычных занятий вокалом и сольфеджио в нашей школе стали преподавать сценическую речь, хореографию, актерское мастерство, занимались с детьми английским языком, бальными танцами.

У нас появилась своя рок-группа и труппа мюзикла, мы проводили кастинг детей для съемок в клипах, учили играть на ударных инструментах, танцевать брейк-данс и ходить по подиуму – в общем, давали весь спектр знаний и навыков, которые могут понадобиться ребенку да и взрослому в мире шоу-бизнеса. Я тоже принимала участие в учебном процессе – проводила мастер-классы, причем рассказывала не только о том, как стала певицей. Нашла свои любимые лекции по основам предпринимательства, по которым занималась еще в институте,

вместе с преподавателями университета экономики доработала их и стала читать их у себя в школе, рассказывать о товарах и услугах. А в идеале хотела создать еще что-то вроде центра предпрофессиональной подготовки, чтобы помочь детям после школы сориентироваться в своих устремлениях – куда идти учиться дальше.

В общем, дело пошло. И постепенно та любовь, с которой я строила свою школу, та творческая атмосфера, которую старалась привнести, передалась всем вокруг – и педагогам, и родителям, и детям. Мне стали помогать, обсуждать со мной какие-то общие проблемы, иногда даже не касающиеся школьных дел. Со взрослыми мы стали хорошими друзьями.

А дети… Когда я увидела первый раз, как ко мне по коридору со всех ног мчится толпа моих маленьких учеников, размахивая от счастья руками и крича: «Максим!» – я поняла, что все не зря. И была еще одна мысль, которая грела, – с самого начала мне казалось, что школу я делаю не только для чьих-то чужих детей, но и для своих собственных. Как будто строю кусочек их будущей жизни. Представляла, как Саша будет идти по этому коридору, входить в этот танцкласс, а Маша будет стоять вот тут, у станка, играть на синтезаторе и барабанах. И силы появлялись даже в самые тяжелые моменты, потому что не могу же я оставить своих девочек без сказки.

Мне 33 года. В этом возрасте многие любят подводить итоги – смогли ли они достичь цели, поставленной когда-то давно, еще на выпускном в школе, состоялись ли, довольны ли жизнью. Я обычно этого не делаю. Не протираю от пыли свои награды в шкафчике, приговаривая: вот, за 10 лет столько-то «Золотых граммофонов» и вот столько серебряных тарелок «МУЗ-ТВ», что-то маловато, для ровного счета надо бы еще. Но иногда все-таки думаю о том, какой путь прошла. Все ли сделала из того, что планировала?

Конечно, с того момента, как я первый раз ступила на московский перрон, таща за собой огромную клетчатую сумку, много воды утекло. У меня есть две замечательные дочки, есть дом, есть школа – дело моей жизни. Я изменилась. И неизвестно, что сказала бы та девчонка с кудряшками, которые она старательно прятала под кепкой, взглянув на нынешнюю Марину. Конечно, я так и не превратилась в принцессу из фильма «Зачарованная», которой воображала себя во время второй беременности. И если делаю селфи, складывая губы уточкой, то только чтобы посмеяться над всеми этими фифами, забивающими инстаграмм одинаковыми фотографиями. Но я уже и не подросток, любимые когда-то тяжелые ботинки и бейсболки

заброшены в дальний угол шкафа, и вряд ли я когда-нибудь еще их оттуда достану.

> Но я уже и не подросток, любимые когда-то тяжелые ботинки и бейсболки заброшены в дальний угол шкафа, и вряд ли я когда-нибудь еще их оттуда достану.

Я стала много путешествовать. Не только с гастролями и концертами, а для себя, для души. Предпочитаю путешествовать по России, потому что в нашей стране есть такие красоты, которых нигде больше не увидишь, и такие места, где ты буквально перерождаешься. Мы ездили на озеро Байкал, путешествовали по его берегу на велосипедах, и я была в восторге – такая мощная там энергетика. А какой воздух! Какая невероятная природа! Но больше всего меня потрясла Камчатка – одно из любимейших мест на земле. Океан, сопки и совершенно фантастические нерпы. Когда я там оказываюсь, у меня такое ощущение, что я вверх ногами хожу. И не только я, а все жители – это противоположная часть земли, где ночь в те часы, когда в Москве день. Но это тоже часть нашего общего дома. Чем больше езжу, тем больше чувствую ответственность за происходящее вокруг.

Еще я учусь. Сначала занялась самообразованием. Читая запоем книги по истории Отечества, я поняла, что хочу получать эти знания более системно, и начала заниматься с преподавателем. Было очень интересно, но хотелось чего-то большего, и к нашим занятиям присоединились лекции и учебники по истории живописи, мировая история и история религий. Я с восторгом это все изучала, но в какой-то момент несколько потерялась и запуталась. История – это не математика, там нет четкой хронологии или теорем. И одни и те же факты в разных учебниках преподносятся по-разному. Сначала я решила, что это я недостаточно прилежно учусь, но потом выяснилось, что многие историки сами признаются, что не совсем уверены в тех или иных фактах. А примирила меня со всем этим хаосом теология. Я вдруг осознала, что именно в этой науке сходится воедино все, что я так люблю, – и история стран, и история живописи, и литература. Теология совмещает в себе все эти дисциплины и раскладывает по полочкам то, что было накоплено мной в процессе обучения в школе, институте и самостоятельного чтения. Год назад я подала документы на факультет теологии в Рязанский государственный университет. Курс оказался очень интересным, правда, первую сессию я сдала с трудом – все-таки уже отвыкла готовиться к экзаменам. Но дальше все пошло гораздо легче.

Эпилог. Наверное, это мой рай

Жизнь не устает преподносить сюрпризы. Причем, даже там, где, казалось бы, все уже давно спокойно и незыблемо. Уже в довольно сознательном возрасте я узнала, что мои родители, которых я считала попугайчиками-неразлучниками, оказывается, три раза расставались. Причем не просто разбегались по разным домам, а разводились в ЗАГСе. Официально. С соответствующим штампом в паспорте. А через некоторое время, как в фильме «Любовь и голуби», начинали бегать друг к другу на свидания. Я в детстве особой наблюдательностью в этих вопросах не отличалась и ничего не замечала. Единственное, что наводило на подозрение – пару раз я оказывалась в ЗАГСе, там же были мои родители, и я немного удивлялась, почему мама стоит в красивом наряде с цветами и что они вообще там делают. Подозрений, что они снова женятся, не возникало, и уж тем более мы не подозревали ни о чем, когда они были в разводе. Нет, мы с братом, разумеется, видели, что у мамы с папой не всегда все гладко, были и споры, и раздоры – как в любой семье, где не расчет и взаимная выгода, а настоящая любовь. Но у них хватало выдержки и мудрости сделать так, чтобы мы не узнали подробностей. И уж тем более не страдали.

Обычно виновником конфликтов и разводов был папа – ему всегда было тесно в стенах дома, душа требовала какого-то разгула, веселых компаний и все новых и новых поклонниц. Мама, как могла, мирилась с его характером, терпеливо ждала, пока он успокоится, но, судя по всему, нервы у нее сдавали. Как минимум трижды. Потом она его прощала, и все возвращалось на круги своя. Но недавно произошло невероятное. Моя мама, моя мудрая, все прощающая, спокойная мама, для которой, как мне казалось, важнее семьи ничего на свете не было и нет, в свои 57 лет вдруг решила уйти. Она объявила папе: «Все, мне надоело поливать клеем прически твоих женщин и сыпать им толченое стекло в туфли. Я устала бороться. Живи как знаешь».

Удивительное дело. Я не живу в родительском доме уже больше 10 лет. У меня своя семья, двое детей. Я давно выросла. Но известие о том, что родители разошлись, меня убило. Было странное ощущение, что я не контролирую свою собственную жизнь. То, что было незыблемым, постоянным, надежным, в один миг рассыпалось. Как будто ты стоишь на табуретке и рассказываешь стихи, и вдруг резким ударом ноги из-под тебя эту табуретку выбивают. А пока ты летишь на пол, еще и фундамент уносят. Мой мир полетел кувырком. Я продолжала жить – но у

меня все валилось из рук.

> Мы с папой с самого детства были очень близки, могли просто сидеть рядом и молчать, понимая друг друга на каком-то химическом, интуитивном уровне.

И даже сложно представить, что в тот момент чувствовал папа. Он звонил каждый день, ему нужна была моя поддержка, а я не знала, что ему сказать. Мы с папой с самого детства были очень близки, могли просто сидеть рядом и молчать, понимая друг друга на каком-то химическом, интуитивном уровне.

Но разговаривать по душам не умели никогда, в долгие разговоры пускаться – это не наш конек. Я понимала, что ситуация патовая, что папу надо спасать, и хорошо бы мне собраться с силами, сказать ему что-то, приободрить, успокоить, но… не могла выдавить ни слова. Он просил, чтобы я приехала и побыла с ним неделю или хотя бы несколько дней.

А я… честно скажу – не могла решиться. Боялась остаться один на один с ним и его горем. Поэтому предпочитала беседовать по телефону. Отделывалась какими-то общими фразами вроде: «Все наладится» и «Не грусти».

Этот хаос длился несколько месяцев.

И я уже устала переживать за семейство, как вдруг родители меня огорошили новостью: «Мама возвращается к папе». Папа простил ее и принял. Человек, который всю жизнь только и делал, что разрушал семью, нашел в себе силы в такой непростой ситуации построить ее заново.

Как только я об этом узнала, мой мир снова стал прежним. Вещи больше не валились из рук, на работе все наладилось, в доме воцарилось спокойствие, и я снова могла двигаться дальше. Все опять было хорошо. И, воодушевленная этим открытием, я подумала: «Насколько же все-таки мы зависим от своей семьи, благополучия своих родителей, насколько нам важно, чтобы привычный порядок вещей не менялся. И даже самому взрослому и самостоятельному человеку важно, чтобы у него были мама и папа, а в доме был лад. Жизнь – интересная штука, и, оказывается, не все зависит от нас. Но происходит все именно так, как и должно быть. И, несмотря ни на какие жизненные штампы, все просто хорошо!»

Вкладка

В школе, октябрь 2000 год

С мамой, папой и старшим братом Максимом, мне 3 года

1988 год

С папой

С Максом

Самый младший ученик! Кружок по карате, на который я самостоятельно записалась, отказавшись от балета

Школьные годы

И, конечно, торчащая вверх нога – моя!

ЗОЛОТОЙ ГРАММОФОН
РУССКОЕ РАДИО

ЗОЛОТОЙ ГРАММОФОН
РУССКОЕ РАДИО

С директором Маргаритой, с которой не расстаемся уже более 10 лет, и менеджером Галей

Коллектив! 2014 год

В роли дедушки Мороза

С Сашкой!

Две панды

Подготовка к съемкам клипа «Я – ветер», разучиваем танцевальную часть

Любимые мама и папа

Октябрь 2013 года, с Сашкой на отдыхе

Так вот кто разрисовывает все афиши!

Гастроли

2014 год. Премия Music Box, где я получила награду как лучшая «Певица-композитор». На фото я спустя 3 недели после того, как родила вторую дочку Машу.

Первый раз в первый класс! Совместно с Сашей спели на сцене ее школы песню «Дорога»

Премия «РУ ТВ», 2015 год

Люблю активно путешествовать по России! Красивее наших пейзажей в мире не найти

С тренером по боксу Александром

Золотой граммофон 2015

Мастер-класс в моей школе искусств, открытие которой состоялось в сентябре 2016 года

Новогодняя сказка моей школы искусств, 2016 год

8 марта отмечаем в первую очередь день рождение Сашки. 2016 год

Я и Саша

Активная мама двух прекрасных дочек!

Конкурс «Лицо» школы искусств «Максим»

Новогодняя сказка школы

День открытых дверей в школе

Первый отчетный концерт

Новогодняя сказка

С Сашей на открытии школы

Новогодняя сказка